

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
Выходит три раза в год
Published since 2007.
One copy in four months

1

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**   **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместитель
главного редактора**   **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- Ответственный
секретарь**   **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.* Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.* Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.* Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.* Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.* Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.* Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.* Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.* Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.* Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.* Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптёнок А. С.* Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.* Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.* Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.* Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Стёпин В. С.* Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Терещенко О. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Фурманов И. А.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шатравский С. И.* Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.* Академия последипломого образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylina@bsu.by

Executive secretary DOBRORODNII D. G., PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Fourmanov I. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Stepin V. S. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)

«ВЫЗОВ РАЗУМУ»: ФРИДРИХ НИЦШЕ И ЛЕВ ШЕСТОВ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Переосмысливается творчество выдающегося философа и литератора, представителя русского религиозного философского возрождения начала XX в. Льва Шестова. Отмечается, что 150-летний юбилей со дня его рождения является хорошим поводом для того, чтобы привлечь внимание к деятельности этого блестящего мыслителя, работы которого широко известны не только в России и странах бывшего СССР, но и за рубежом, где он провел большую часть своей жизни. Учитывая главную тему произведений Л. Шестова (резкая критика рационализма как виновника, с его точки зрения, всех человеческих страданий), а также то, что определяющую роль в становлении воззрений философа наряду с сочинениями В. Шекспира, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского сыграли идеи Ф. Ницше, выявлены точки соприкосновения во взглядах обоих мыслителей, бросивших вызов разуму. Показано, что, экзистенциально переживая трагичность человеческого существования, Л. Шестов, подобно своему кумиру Ф. Ницше, резко выступил против науки как воплощения разума, провозгласив свой знаменитый призыв к так называемой беспочвенности как полной противоположности системосозидающим установкам философского разума.

Ключевые слова: Л. Шестов; Ф. Ницше; русское религиозное философское возрождение; критика рационализма; трагичность человеческого существования; беспочвенность.

Образец цитирования:

Румянцова Т. Г. «Вызов разуму»: Фридрих Ницше и Лев Шестов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 4–8.

For citation:

Rumyantseva T. G. «Challenge to Reason»: Fridrich Nietzsche and Lev Shestov. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 4–8 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцова – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
tr30@mail.ru

«CHALLENGE TO REASON»: FRIDRICH NIETZSCHE AND LEV SHESTOV

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to outstanding Russian philosopher and writer, a representative of Russian religious philosophical revival of the early XX century – Lev Shestov, 150-year anniversary of whose birth was widely celebrated in 2016 worldwide. It seems that Shestov's anniversary will be a good occasion to draw attention to this remarkable thinker, whose works are well known not only in Russia and the countries of the former USSR, but also abroad, where he spent most of his life. Based on the fact that the main theme of all the Shestov's works was sharp criticism of rationalism as the culprit, in his view, of all human suffering, as well as the fact that a decisive role in the formation of his philosophical views, along with the works of W. Shakespeare, L. Tolstoy and F. Dostoevsky, played ideas of F. Nietzsche, the author attempted to identify common ground in the views of both thinkers who challenged the reason. It is shown that, existentially experiencing the tragedy of human existence, the Russian philosopher, like his idol Nietzsche, sharply criticized the science, as the embodiment of reason, proclaiming his famous appeal to the so-called «Groundless», as the exact opposite to the creating system settings of philosophical reason.

Key words: L. Shestov; F. Nietzsche; Russian religious philosophical revival; criticism of rationalism; the tragedy of human existence; groundless.

К числу основополагающих духовных принципов, составлявших в течение последних нескольких столетий цементирующее ядро европейского человечества, традиционно относят ценности разума, который благодаря выдающимся мыслителям XVII–XIX вв. действительно стал одной из фундаментальных презумпций всей западной культуры и цивилизации. Великие философы не просто декларировали эти ценности, а обосновывали и внедряли их в сознание людей. Глубоко проанализировав те трудности, которые стояли на пути воплощения в жизнь идеалов разума и свободы, а затем, уже в эпоху Просвещения, предприняв грандиозные попытки привить эти ценности всему обществу посредством целенаправленного образования и воспитания граждан, философы тем самым подняли их до высот разума и предписываемых ему принципов.

Первые попытки бросить вызов разуму и ключевым ценностям европейской культуры мы находим, как это ни парадоксально, уже в границах немецкого идеализма. Так, автор знаменитого философского труда «Критика чистого разума» И. Кант до сих пор ассоциируется с разработкой и осуществлением одного из наиболее масштабных, поистине коперниканских проектов тотальной критики разума.

Первенство И. Канта в числе тех, кто «представил нам границы и условность познания и тем решительно отверг притязания науки на универсальное значение и универсальные цели, одержав победу над скрыто лежащим в существе логики оптимизмом», подтвердил Ф. Ницше в своем произведении «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» [1, с. 128]. Именно И. Кант, по словам Ф. Ницше, уничтожил «спокойную жизнерадостность научной сократики ссылкой на ее пределы и указанием тактовых, заложив тем самым основы т. н. трагической культуры» [1, с. 136]. Но была ли кантовская критика разума и в самом деле тотальной?

В своем вызове разуму выдающийся кенигсбержец, как мы помним, стремился выявить только необоснованные претензии разума и предрассудки о его всеисилии и т. п. Разум продолжал оставаться для него тем судом, перед которым должно предстать все сущее, в том числе и он сам, со всеми порождаемыми им иллюзиями. Об ограниченности и компромиссном характере кантовской критики разума, лишь притязавшей на тотальность, в конце XX в. писал французский философ Ж. Делёз. В одной из глав монографии «Ницше и философия», посвященной немецкому мыслителю, он назвал этот вызов разуму имманентным, а значит ограниченным, и признал ницшевский проект критики разума гораздо более последовательным и основательным. В частности, Ж. Делёз отмечал: «Никому никогда не доводилось видеть ни столь компромиссной тотальной критики, ни столь почтительной критики вообще. <...> Он [И. Кант] понимал критику как силу, которая должна затрагивать всякое притязание на познание и истину, но не само познание и не саму истину. <...> Тотальная критика оборачивается политикой компромисса <...> она имеет целью лишь оправдание, она начинается с веры в то, что ею критикуется» [2, с. 191]. Неслучайно Л. Шестов, по словам Ж. Делёза, будет искать «подлинную критику чистого разума не у И. Канта, а в “Записках из подполья” Ф. М. Достоевского» [2, с. 188]. Поэтому серьезный вызов разуму и его ценностям, вызов, который можно назвать проектом действительно

тотальной критики разума, мы находим в лоне западноевропейской философии жизни, строго говоря, лишь начиная с последней трети XIX в.

Мы привыкли относить к числу наиболее ярких и последовательных выразителей традиции критики разума Ф. Ницше, и это, разумеется, справедливо. Именно он отверг не только уже ложные истины, но и познание как таковое и довел критику разума до признания приоритета всего иррационального, инстинктивно-бессознательного в познании, противопоставив разум самой жизни – как чуждой, не способной понять ее силе. Немецкий мыслитель отказался от целого ряда презумпций классического типа философии, открыв тем самым дорогу последующей критике интеллектуализма и рационализма новоевропейской философии, всегда признававшей разум высшей инстанцией удостоверения действительности. Традиция тотальной критики разума составила мощную инородную струю философской классики и стала своего рода прологом нового типа европейского философствования, который отказался от претензий на завершающее системосозидание мира, поддержание мифа о единстве мира и разума и получил затем широкое распространение в иррационалистических программах экзистенциализма, психоанализа и феноменологии.

Среди мыслителей, находившихся у истоков этого типа философствования, был и выдающийся русский философ Л. Шестов (1866–1938). Именно его противостояние рационализму и рационалистической философии во многом стало своего рода образцом антирационалистической реакции целого круга европейских писателей и мыслителей, возникшей после Первой мировой войны, их тотального разочарования в разуме и прогрессе. Его вызов разуму привлек к себе внимание западных авторов, главным образом экзистенциальных, и ознаменовал значительное влияние идей русского философа на европейскую культуру XX в. Сегодня много пишут о том, что именно Л. Шестов задолго до того, как вступил в силу XX в., расслышал его весть, как никто иной – наряду с Ф. Ницше – поставил под вопрос науку и сам разум, открыл глубинную значимость ситуаций, которые европейские экзистенциалисты много позже назовут пограничными. Иными словами, в творчестве Л. Шестова мы найдем серьезную попытку – не менее радикальную, чем у Ф. Ницше, – пересмотреть всю классическую западноевропейскую философию. Русского философа роднит с Ф. Ницше очень многое. Попробуем перечислить схожие моменты в их жизни и творчестве.

Во-первых, принято считать, что от немецкого мыслителя Л. Шестов получил мощный импульс для формирования и развития своих взглядов. Ф. Ницше стал для него первым учителем самого искусства истинной философии. Как и Ф. Ницше, русский философ-экзистенциалист всю жизнь занимался разработкой одной и той же темы: пытался развенчать разум, и потому, как и его кумир, может по праву считаться критиком метафизического разума. Так, в статье, посвященной памяти Л. Шестова, русский религиозный философ В. В. Зеньковский написал, что после торжественных «похорон» рационализма в одной книге тот в следующем своем труде снова возвращается к его критике; что, «разрушив в себе один “слой” рационалистических положений, Л. Шестов натывается в себе же на новый, более глубокий слой того же рационализма. Тема исследований углубляется и становится от этого значительнее и труднее» [3].

Во-вторых, как и Ф. Ницше, Л. Шестов не принадлежал к академической среде, не следовал университетской доктринальности и, возможно, поэтому не боялся нарушить правила игры, начиная разговор о «причисленных к лику святых» европейских философах. Так же как и немецкий мыслитель, русский философ не относился ни к одной социальной общности: еврей в собственной стране (со всеми вытекающими отсюда последствиями), эмигрант в Европе, элитарный автор, писавший «для всех и ни для кого». Применительно к Л. Шестову, как и в случае с Ф. Ницше, можно говорить о своего рода «неуместности», «несвоевременности». Действительно, он не принадлежал ни к мистикам (хотя и бросил вызов разуму), ни к собственно религиозным философам (а ведь противопоставлял философскому умозрению откровение, которое даруется всемогущим Богом, взывал к нему, как тому, кто сверх, выше тщетного разума); не принадлежал он и к тому, что мы называем «русской философией»; не был и западником (хотя долго жил во Франции и был похоронен в Париже); не симпатизировал и славянофилам (несмотря на то что критиковал ценности Запада). А вот ярлык «нигилиста», разрушителя мировой философской традиции, яростно нападающего на науку, искусство, мораль, разум и культуру, на него, как и на Ф. Ницше, навешивали довольно часто. Вспомним здесь хотя бы С. Л. Франка. Еще один ярлык – «декадента» – также не раз использовался в отношении обоих мыслителей («большая душа», «больной век», «болезненное творчество»).

В-третьих, общность в судьбах и творчестве Ф. Ницше и Л. Шестова состояла и в том, что философы не пользовались при жизни успехом у своих современников. Отметим также тесную связь их мысли с личной драмой (а может, трагедией?), болезнью. Подобно своему предшественнику, Л. Шестов в 1895 г. пережил мучительную и затяжную нервную депрессию, которая вынудила его уехать на лечение за границу. Влияние нервного заболевания на его последующую философию многие считают

весьма значительным, особенно принимая во внимание то, что впоследствии Л. Шестов постоянно будет связывать мировоззренческий кризис в творчестве исследуемых им авторов с болезнью (его главные герои – Ф. М. Достоевский, С. Киркегард и, конечно, Ф. Ницше). Основной пафос известнейшего эссе Л. Шестова «Достоевский и Ницше» составляет непрерывно мучившая его мысль о том, «имеет ли право такой человек писать? Что может он рассказать нам? Что он страдает, страдал?» [4, с. 264]. Здесь же следует упомянуть и о его призыве к философии стать побудчицей, даже вирусом, вызывающим болезненное состояние – эпилептического припадка или чего-нибудь в таком роде, что облегчает трудную задачу искания. Как и Ф. Ницше, Л. Шестов полагал, что личность рождается при ударе судьбы, который не заменят «никакие проповеди, никакие книги, никакие зрелища». Отсюда и трагизм одиночества, решительный разрыв с «другими», погружение в это одиночество как в единственно подлинную среду для исследования «проклятых вопросов» человеческого существования и поисков путей к спасению современной культуры.

В-четвертых, как и немецкий философ, Л. Шестов всю свою жизнь «кричал, вопил, смеялся» над привычными ценностями и протестовал против них. По силе воздействия и отзывам современников эффект, который произвел его «Апофеоз беспочвенности» [5] на русскую культуру, был подобен «разорвавшейся бомбе», как и появление в свое время ницшевской первой «невозможной книги» – «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» – в контексте вынесения приговора западноевропейской истории и культуре. Оба мыслителя, как точно заметил историк философии и культуры К. Свасьян, стали пионерами на стезе самоидентификации личных судеб с судьбами Европы. «Кислотный ум», по словам О. О. Грузенберга, Л. Шестова в этом плане вполне сопоставим с метафорой Ф. Ницше о себе не как человеке, а как динамите. И тот и другой философы как бы сконцентрировали в себе мощный критический, а точнее разрушительный, заряд, заставляя нас проснуться от догматического сна, чтобы радикально переоценить весь арсенал сложившихся и кажущихся незыблемыми интеллектуально-нравственных стереотипов и ценностей.

В-пятых, нельзя пройти мимо потрясающей афористичности стиля обоих мыслителей, когда именно афоризм становится наиболее адекватной, а порой и единственно возможной формой выражения мысли, чуждой какой-либо системности философии. Так, когда читаешь произведение Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности», кажется, что держишь в руках тексты Ф. Ницше. И если сам немецкий философ объяснял формирование столь необычного стиля его работ тем, что эта манера письма поначалу возникла поневоле, в промежутках между болями, лишь потом став, что называется, его вторым «Я», то для Л. Шестова такая форма явилась, по-видимому, единственно возможным способом борьбы с системной философией. По словам В. В. Зеньковского, «ему всегда был чужд основной пафос философии, ее стремление к систематическому мышлению. Именно к систематичности Л. Шестов и относился подозрительно и недоверчиво, видел в ней главную трудность в постижении последней правды. Систематичность была для него настоящим *testimonium paupertatis* (свидетельство бедности), истинным симптомом ограниченности и слепоты нашего разума» [3]. Ее последовательности он противопоставляет свободу мысли, ее мобильность, необходимую для упрочения собственных позиций, где, по словам В. Ерофеева, «каждый из афоризмов станет выстрелом, произведенным в сторону врагов» [6, с. 26].

О близости Л. Шестова к Ф. Ницше и его идеям – впрочем, как и о высоте его философской репутации среди французских интеллектуалов – говорит наконец и то, что с 1925 г. он являлся членом президиума Ницшевского общества (к слову, Л. Шестов был также членом общества еще одного критика разума – И. Канта).

В конце XX – начале XXI в. в европейской философии прочно утвердилась тенденция, которую Ю. Хабермас квалифицирует как «радикальную критику разума», полагая, что ценности разума, считавшиеся на протяжении предыдущей истории общечеловеческими, в последнее время подвергаются сомнению и не разделяются всеми цивилизациями и культурами мирового сообщества [7]. Более того, даже в современной Европе ценности разума во многом потеряли свои роль и значение, не говоря уже о других культурах, в иерархии которых они никогда не занимали основополагающего места. Все это лишний раз свидетельствует о важности переосмысления ценностных оснований современного мира и их обновления, а также необходимости еще раз обратиться к творчеству Л. Шестова как мыслителя, который одним из первых увидел все издержки избыточной рассудочности и гиперрационализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1.
2. Делёз Ж. Ницше и философия. М., 2003.
3. Зеньковский В. В. Памяти Шестова // Вестн. РСХД. 1939. № 1. С. 8–14 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-shestov.php> (дата обращения: 11.08.2016).

4. Шестов Л. Философия трагедии // Избр. соч. М., 1993. С. 159–326.
5. Шестов Л. Опыт адогматического мышления // Избр. соч. М., 1993. С. 327–476.
6. Ерофеев В. Одна, но пламенная страсть // Л. Шестов. Избр. соч. М., 1993. С. 5–38.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

REFERENCES

1. Nitsche F. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimism. Soch. in 2 vol. Mosc., 1990. Vol. 1 (in Russ.).
2. Delez Z. Nitsche i filosofiya. Mosc., 2003 (in Russ.).
3. Zenkovsky V. V. Memory Shestova. *Vestnik RSHD*. 1939. No. 1. P. 8–14 [Electronic resource]. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-shestov.php> (date of access: 11.08.2016) (in Russ.).
4. Shestov L. Filosofiya tragedii. Izbr. soch. Mosc., 1993. P. 159–326 (in Russ.).
5. Shestov L. Opyt adogmaticheskogo myshleniya. Izbr. soch. Mosc., 1993. P. 327–476 (in Russ.).
6. Erofeev V. Odnа, no plamennaya strast'. In L. Shestov. *Izbr. soch.* Mosc., 1993. P. 5–38 (in Russ.).
7. Habermas Y. Filosofskii diskurs o moderne. Mosc., 2003 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.10.2016.

Received by editorial board 12.10.2016.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

И. С. АЛЕКСЕЙЧУК¹⁾

¹⁾Донецкий национальный медицинский университет,
бульвар Строителей, 39, корпус 2, 84313, г. Краматорск, Украина

Проанализирован историко-философский аспект проблемы рационального познания. Подчеркивается, что античная традиция, разделявшая чувства, рассудок и разум, была продолжена в работах И. Канта и Г. Гегеля. Отмечается, что до середины XX в. в науке и философии было принято разделение на чувственное и рациональное познание. Исследованы различные виды трактовок познания. Особое внимание уделено пяти группам концепций истины: классической, прагматической, конвенционалистской, герменевтической и диалектико-материалистической. Описываются исторически сложившиеся парадигмы концептуальных представлений о смысле. Сделан вывод о том, что критика модерна и всей философской традиции Нового времени в XX в. позволила лучше осмыслить основные парадигмы классического мышления, такие как логоцентризм, структурированность бытия, фундаментализм и традиционная концепция репрезентации.

Ключевые слова: рациональность; наука; сознание; мышление; общество; рациональное познание.

RATIONAL COGNITION: HISTORICAL-PHILOSOPHICAL RETROSPECTIVE

I. S. ALEXEYCHUK^a

^aDonetsk National Medical University,
Mashinostroitelei boulevard, 39, building 2, 84313, Kramatorsk, Ukraine

In the article the historical-philosophical aspect of the problem of rational cognition has been analyzed. It has been proved that antique tradition divides senses, common sense and reason. This tradition was developed in the works of I. Kant and G. Hegel. To the middle of XX century in philosophy and science was acknowledged division into sensual and rational cognition. There are different kinds of interpretation of cognition have been investigated. Special attention has been paid to the five groups of conceptions of the truth: classic, pragmatic, conventional, hermeneutic and dialectical-materialistic. The main historical paradigms of views on sense have been described. It was concluded that criticism of Modern and philosophical tradition of the New Age helped in deeper understanding of the main paradigms of classical thinking: logocentrism, structure of being, fundamentalism and traditional conception of representation.

Key words: rationality; science; mind; thinking; society; rational cognition.

Рациональное познание – одна из наиболее актуальных проблем современной философии, и попытки исследовать ее предпринимались еще в древности. Так, разделение познавательных способностей человека на три группы (чувства, рассудок и разум) намечилось уже в античной философии. Древние

Образец цитирования:

Алексейчук И. С. Рациональное познание: историко-философская ретроспектива // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 9–15.

For citation:

Alexeychuk I. S. Rational cognition: historical-philosophical retrospective. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 9–15 (in Russ.).

Автор:

Игорь Сидорович Алексейчук – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин медицинского факультета № 1.

Author:

Ihor Alexeychuk, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and social-humanitarian disciplines, medical faculty number 1.
aleks19221@gmail.com

греки знали, что органы чувств служат источником ощущений, мышление является первоначалом знания, а рассудок и разум обеспечивают способность оперировать понятиями. В ту эпоху сформировалось представление о том, что с помощью рассудка создаются суждения о конечных вещах, а разум мыслит бесконечное и абсолютное. В толковом словаре платоновской школы [1, с. 615–624] среди 184 формулировок основных философских понятий того времени уже содержатся определения мышления, знания, разумности, рассудительности, ощущения, мудрости, мнения, обучения и воспитания.

Целью настоящей работы является исследование историко-философского аспекта рационального познания.

Древняя традиция разделения познавательных способностей на три указанные группы получила одобрение и дальнейшее развитие в трудах многих философов, в том числе И. Канта и Г. Гегеля. Однако подобное разделение не было однозначным и очевидным. Параллельно в истории философии часто встречалось более простое разделение познавательных способностей человека лишь на чувства и разум. В соответствии с упрощенным подходом выделялись только два способа познания: чувственный и рациональный, а не три (чувственный, рассудочный и разумный). При таком подходе чувственное знание формировалось на основе ощущений, полученных с помощью органов чувств человека, а рациональным считалось понятийное знание, которое продуцировали рассудок и разум.

Вплоть до середины XX в. подобное противопоставление чувственного и рационального познания считалось адекватным. Исследователи полагали, что чувственное познание протекает только в формах ощущений, восприятий и представлений, а в качестве соответствующих форм рационального познания рассматривались понятия, суждения и умозаключения.

Детальное изучение во второй половине XX в. процессов ощущений и восприятий сформировало современные представления о том, что по крайней мере часть их образуется под влиянием лингвопонятийной структуры мышления [2; 3]. В этом контексте непосредственное противопоставление чувственного и рационального познания, как и описание процесса познания в виде простого перехода от живого созерцания (чувственного познания) к абстрактному мышлению (рациональному познанию), стало восприниматься как существенное упрощение познавательного процесса.

В настоящее время познание является философской категорией, «описывающей процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта» [4, с. 259].

При этом в философском пространстве выделяют различные виды понимания познания, производные от соответствующих теорий и критериев: аналитическое, феноменологическое, герменевтическое, психоаналитическое, трансценденталистское, марксистское, эволюционное, социально-антропологическое и др.

Кроме философских критериев классификации познания существуют специально-научные, позволяющие структурировать этот концепт в иных измерениях, что порождает концепции познания, имеющие качественно иной масштаб детализации проблемы. Однако такие концепции (нейрофизиологическая, психологическая, лингвистическая, социологическая, логическая, информационная, синергетическая) часто выступают в единстве с некоторыми философскими учениями [4, с. 259].

Большинство различий в истолковании и обосновании познания, по мнению И. Т. Касавина, «можно свести к двум основным позициям – фундаментализму и функционализму, каждая из которых схватывает одну из существенных сторон познавательного процесса. Водораздел между ними образуется разным пониманием человеческого опыта: в первом случае как деятельности, руководимой рефлексией и ищущей своего рационального объяснения в ходе бесконечного регресса оснований, или, во втором случае, как деятельности, стихийно порождающей рефлексии по мере необходимости и подчиняющей ее своим потребностям и задачам» [4, с. 259]. При этом философ обнаруживает связь между различными видами познания. Наиболее полный образ познания предполагает поиск и нахождение баланса между рядом противоречиво дополняющих друг друга позиций.

Так, с одной стороны, познание в его специфичности требует для своего понимания чего-то принципиально и субстанциально иного – «реальности», «объекта», «материи» (реализм); с другой – познание может быть понято как самостоятельная идеальная реальность, обладающая внутренней динамикой и источниками развития (трансцендентализм). Однако, будучи самостоятельной реальностью, познание вместе с тем пронизывает все аспекты человеческого мира и лишь в абстракции может быть выделено из него. В этом случае познание следует понимать как процесс, сопровождающий любой вид человеческих действий, обеспечивающий их идеальным образом (функционализм). Поэтому познание осуществляется не неким гносеологическим субъектом, но целостным индивидом, как правило даже не ставящим перед собой специальных познавательных задач. Понятое таким образом познание не является отражением реальности вне человека и человечества, а имеет дело лишь с содержанием

коллективной деятельности и общения, поскольку последние нуждаются для своей организации в идеальных – возможных, пробных, приблизительных, вариативных – моделях и перспективах (социологизм). В данном процессе знание, как результат познания, в прямом смысле возникает из незнания, т. е. из иных контекстов опыта, испытывающих потребность в знании. Динамика процесса порождения знания, векторность, интенциональность познания, связанная с исследовательской, поисковой установкой на расширение сферы идеальных конструкторов, есть то, что отличает его от сознания. Поэтому функциональный и эпифеноменальный генезис познания не означает, что познание лишено собственного, не сводимого к деятельности и общению содержания. Его служебная роль отходит на второй план с дифференциацией познавательных задач, в контексте которых идеальные объекты выступают не только в качестве целей, но и средств и даже специфических предметных содержаний познавательных процедур (конструктивизм).

Существуют и иные критерии классификации концептов познания, в основе которых лежит разделение теорий познания на два типа – классический и неклассический (В. А. Лекторский). Однако и в наше время сохраняется традиция противопоставлять чувственное и рациональное познание, базирующаяся на легко выявляемом различии между ощущением и понятием. Иными словами, эта традиция оказалась не только удобной и понятной – она представляет собой весьма устойчивую целостность.

Уже в Новое время дилемма чувственного и рационального привела к противостоянию сенсуализма и рационализма, обострив проблему постижения истины. Представители сенсуализма полагали, что все новое знание производится на основе ощущений, поэтому чувственное познание является первичным и достоверным. Представители же рационализма, не отрицая важной роли ощущений в познании, одновременно с этим утверждали, что именно разум придает знанию свойства всеобщности. И поскольку именно разум производит знание, более достоверно рациональное, а не чувственное познание.

Новейшие исследования феноменов чувственного и рационального позволяют рассматривать органы чувств человека как результат не только биологической, но и социальной эволюции. Между тем проблема постижения истины все еще является главной для гносеологии. Вопросы о том, что составляет суть истины, достижима ли она и каковы ее критерии, до сих пор актуальны в современной науке о познании.

Философские дискуссии о сущности истины всегда порождали спектр конкурирующих теорий, формировавших ту целостность, которая может создать наиболее полный образ этого сложного концепта. В результате категория истины – уже традиционно – имеет различные толкования, которые можно объединить в пять основных групп концепций:

- 1) классическая;
- 2) прагматическая;
- 3) конвенционалистская;
- 4) герменевтическая;
- 5) диалектико-материалистическая.

Наибольшее распространение получила *классическая* концепция истины, которую со времен Аристотеля разделяли многие философы и ученые. Основу ее составляет принцип соответствия, согласно которому истина определяется как соответствие знания об объекте самому объекту. В рамках данной концепции мир познаваем.

Во всех разнообразных интерпретациях классического принципа соответствия речь идет о тождестве субъективного образа предмета и самого предмета. Однако конкретные представления о том, что именно является «субъективным образом предмета» и самим «предметом», зависят от разнообразных установок научных сообществ, поддерживающих классическое толкование истины.

Слабые стороны данной концепции явным образом обнаружались после появления работ И. Канта, инициировавшего более глубокое понимание онтологии и гносеологии объекта познания. Благодаря многолетним исследованиям, включавшим конкретные труды в области естествознания, родилось понимание того, что в результате познавательного процесса формируется сложноструктурированная целостность, которую правильнее будет обозначить как предмет познания, а не «простое отражение» объективно существующей вещи. При этом возникли проблемы с представлением о том, какова природа этой самой познаваемой «вещи» и той целостности, на которую указывает понятие «объективно».

Такая ситуация стимулировала не только дальнейшее развитие и углубление классического понимания истины как соответствия (например, в рамках диалектико-материалистической концепции истины), но и формирование иных, альтернативных, представлений. Примером такой альтернативы являются прагматическая и конвенционалистская концепции истины.

Основы *прагматической* теории истины заложили работы американских философов Ч. Пирса, У. Джемса и Д. Дьюи. Идеологи прагматизма считали, что смыслом жизни человека является дело,

точнее действие, а успешное действие может обеспечить только вера. Саму же истину философы понимали как верование, способное стимулировать успешное действие.

В свою очередь, на конвенционалистскую теорию истины повлияли труды французских ученых А. Пуанкаре и П. Дюгема, которые, пытаясь дать свое понимание истины, опирались на историю науки и собственную практику научных исследований. Детально анализируя конкретные эпизоды формирования различных научных теорий, они пришли к выводу о том, что положения, лежащие в основе теорий, не могут рассматриваться как истинные или ложные, поскольку являются, по своей сути, конвенциями – соглашениями ученых. Критерии таких выборов-соглашений могут быть различными (удобство, простота, целесообразность и т. д.). Поэтому теории не могут быть оценены как истинные или ложные в принципе. Вместо этого следует проверять на опыте лишь отдельные гипотезы.

Еще одна альтернатива классической концепции истины – *герменевтическая* – создавалась в рамках философской герменевтики, имеющей многовековую традицию. Ее представители утверждали, что в областях, традиционно исследуемых герменевтикой, классический принцип соответствия практически неприменим, поскольку теряет смысл сам вопрос об истине в поэзии или истории, понимаемый как соответствие субъективной и объективной реальности. В этих условиях М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикёр, Э. Бетти и другие философы рассматривали возможности формирования новой концепции истины, не базирующейся на принципе соответствия. В рамках философской герменевтики наиболее значительные и целостные концепции истины представлены в исследованиях немецких философов М. Хайдеггера и Г. Гадамера.

Благодаря трудам упомянутых мыслителей в философской герменевтике появляется собственное понимание истины, основанное на принципах, качественно отличающихся от рационалистических установок классической концепции.

В современной герменевтике процесс понимания связан с конкретными качествами субъекта и социального контекста, однако само понимание остается в основном субъективным способом познания. При этом данное направление философии акцентирует внимание на существенном влиянии культурно-исторической среды на процесс понимания. Например, по мнению Г. Гадамера, традиции и предрассудки – это определенное выражение исторических условий, которые полностью устранить из процесса познания невозможно. Таким образом, герменевтическое понимание не является свободным субъективным феноменом вследствие того, что оно обязательно содержит в себе элементы общезначимого и объективного, формируемого культурно-историческим контекстом.

В своих работах Г. Гадамер подразделяет предрассудки на две категории:

- 1) некритически усвоенные мнения, от которых можно избавиться;
- 2) ментальные установки эпохи, устранить которые субъект познания не в состоянии без потери своей принадлежности к определенной исторической эпохе.

В данном варианте концепции истины признание традиции есть лишь признание историчности и ограниченности своего собственного существования, поэтому следование традиции, опора на неустрашимые предрассудки и авторитет не удаляют, а приближают субъект познания к истине [5, с. 242–245]. Сторонники такой концепции, подчеркивая ее адекватность в области гуманитарных наук, говорят скорее о процессе приближения к истине в тех областях, где в полной мере естественно-научные методы исследования неприменимы.

Наконец, *диалектико-материалистическая* концепция истины строится на основе классического принципа соответствия. Представители диалектического материализма развивают учение об объективной, абсолютной и относительной истине, воспринимая процесс познания как отражение объективной действительности.

Осознать существенную роль семиотического и социально-культурного контекстов в постижении содержания и функций понятия «истина» также помогает анализ этой проблемы в арабо-мусульманской философии. В наиболее общем плане концепт истины, сформированный в данном направлении, понимается как «правильность соотношения между “явным” и “скрытым”, когда эти две стороны соответствуют друг другу. В качестве “скрытого” рассматриваются, как правило, “смыслы”, а соотношение “явное – скрытое” в силу особенностей понимания категории “смысл” выступает в двух аспектах: как отношения “выговоренность – смысл” и “вещь – смысл”.

Ступенями эволюции познания в филогенетическом смысле являются целостные когнитивно-культурные системы, обладающие специфическим социально-историческим содержанием. Таковы повседневный опыт, магия, миф, искусство, религия, право, философия, мораль, идеология, наука. Возникая в процессе дифференциации познавательного отношения к миру как разные типы познания, они приобретают автономные функции и обогащаются содержанием в ходе взаимодействия между собой. В одних типах познания наиболее рельефно выступают накопление, сохранение и воспроизводство опыта, в других – его развитие и обновление. Примерами первого рода является познание в рамках мифа,

религии, морали, права; примерами второго – магия, искусство, философия, наука. Тип познавательного отношения определяется пропорциональным сочетанием в нем практически целевых, нормативно-регулятивных, конструктивно-созерцательных, аналитико-критических и поисково-исследовательских контекстов» [4, с. 261].

Существенной особенностью современных концепций истины является принцип конкретности. В соответствии с ним вопрос об истине познания приобретает смысл только применительно к конкретным общественно-историческим условиям. Таким образом, концепты познания и истины оказываются тесно связанными с понятием смысла.

В историческом генезисе концептуальных представлений о смысле сложились три последовательно сменяющие друг друга и взаимодействующие между собой парадигмы:

- словоцентристская;
- пропозициональная;
- деятельностьная [6].

Истоки первой парадигмы – *словоцентристской* – можно проследить начиная с Античности. Свое название она получила в силу того, что за элементарную единицу смысла здесь было принято слово. Все остальные смыслы лингвистических целостностей (предложений либо текстов) рассматривались как производные от смысла составляющих их слов. В этой парадигме возникло противостояние двух смысловых свойств слова, приблизительно соответствующих русским терминам «обозначение» и «означение» [6, с. 75].

Под обозначением понималась «проекция слова на обозначаемую им вещь. Именно эта вещь, сопоставимая со словом (знаком), ранее называлась значением, теперь же чаще употребляют термины “денотат” или “референт”. Под означением же обычно понималась мысль (дефиниция, толкование), трактующая понимание слова. Эта трактовка обычно и называлась смыслом. Через всю историю дискуссий о смысле слова проходит это противостояние двух его семантических измерений» [6, с. 75]. Путаница, которую породили два упомянутых выше подхода к пониманию семантики слова, привела к затяжной дискуссии о соотношении смысла и значения. Отчасти это было вызвано недостаточной глубиной разработки общих проблем семиотики и такого феномена, как знак. Иными словами, семиотика как наука лишь зарождалась в подобных дискуссиях.

Ситуация успешно разрешилась в конце XIX в. благодаря работам Г. Фреге, впервые описавшего семантическую структуру имени: знак (имя) – смысл – денотат (значение).

Позже такая структура получила обозначение треугольника Фреге. Именно после работ Г. Фреге смысл знака и его денотат можно было различать уже более четко [7].

Таким образом, свыше двух тысяч лет философы осмысливали мир вещей и идей. При этом сформировались две традиционные линии – идеализма и материализма, структурирующие философское семантическое пространство. Но только в конце XIX – начале XX в. в этом пространстве появилось третье измерение – знаковое. Оно позволило внести новые смыслы в традиционные философские концепты человека, общества, культуры и познания, по-новому взглянуть не только на природу человека, но и на всю целостность, которую образуют такие объекты в своем взаимодействии.

В тот переломный период не просто начал меняться парадигмальный контекст старых проблем. Одновременно с этим зарождались качественно новые парадигмы. В результате упомянутых трансформаций проблема взаимодействия «знаков» со «смыслами» и «вещами» стала исследоваться системно на протяжении последних полутора веков. Роль немецкого математика и философа Г. Фреге в этих процессах переосмысления оказалась ключевой: по сути, ученый открыл эпоху «знаков» в дополнение к эпохе «вещей и идей», которая длилась свыше двух тысяч лет.

Влияние работ Г. Фреге можно сравнить с импактами В. Вундта в психологии и З. Фрейда в психоанализе, которые дали старт новому отсчету времени не только в развитии своих узкоспециальных дисциплин, но и в общем генезисе науки и культуры. По мнению философа, смысл имени (знака) выражает мысль о вещи, а денотатом является сама вещь, на которую указывает знак (имя). Неявно предполагалось, что смысл имени предопределяется его денотатом.

Несмотря на то что вторая парадигма – *пропозициональная* – сыграла важную роль в понимании внутренних закономерностей семантических структур и даже обозначила их возможные семиотические границы, постепенно стала осознаваться и ее ограниченность. Это было вызвано тем, что пропозициональная парадигма позволяла выделять лишь суть смысла, т. е. наиболее общие, контекстно устойчивые семантические структуры.

Новый виток парадигмального генезиса последовал в 1962 г., когда Дж. Остин в книге «Как производить действие при помощи слов» представил первое явное и целостное описание оснований *деятельностной* парадигмы смысла [8].

Именно Дж. Остин традиционно возглавляет список «пионеров британской философии обыденного языка» [9, с. 158], поскольку одним из первых обратил внимание научного сообщества на то, что употребление многих слов и предложений в речевой практике может быть истолковано как реальное действие.

Однако, как это часто бывает в истории науки, до Дж. Остина идею о том, что «предложения могут нечто показывать помимо того, что они сообщают», высказал Л. Витгенштейн, и это «дало толчок целому ряду исследований в области философии языка», в которых принимали участие М. Шлик и Р. Карнап [9, с. 158].

Деятельностная парадигма основана на восприятии речевого акта как действия говорящего, направленного на слушающего. Это актуализировало субъективные аспекты смысла, связанные с намерениями говорящего и с тем, как воспринимающий его коммуникант понимал эти намерения.

Как справедливо отмечает А. С. Кравец, «всякий речевой акт производится говорящим с намерением достигнуть определенной цели, воздействовать на слушающего в желательном направлении. И здесь принципиально важным для успеха в достижении коммуникативной цели оказывается не только смысл самой пропозиции, но и конкретный вид ее модальности, все прагматические устремления коммуникантов. Эти аспекты смысла не охватываются изолированной от контекста общения пропозициональной парадигмой» [6, с. 90].

В результате исследований, выполненных в рамках деятельностной парадигмы, было установлено, что из-за своей рациональной природы речевой акт подчиняется определенным коммуникативным закономерностям, которые Дж. Лакофф назвал «естественной логикой», т. е. логикой естественного приращения языка [10]. Например, смысл всегда логичен (в отличие от абсурда).

Позже деятельностная парадигма получила дальнейшее развитие в работах английских и американских философов П. Стросона, П. Грайса, Г. Райла, У. Куайна, Дж. Р. Сёрля. Подробно изучая семантические структуры иллокутивных и перлокутивных феноменов (утверждений, констатаций, деклараций, объяснений, аргументаций, обещаний, клятв, угроз, проклятий, просьб, приказов, прошений, мольбы, поздравлений, пожеланий удачи, приветствий и т. п.), упомянутые исследователи смысла «в мире человеческой субъективности» не могли не увидеть обширного слоя неявной семантики коммуникаций. При этом они не только указали на важную роль этого слоя в коммуникациях, но и описали его структуры и функции.

Если в пределах словоцентристской парадигмы смысл отражает отношение, возникающее между знаком (словом) и объектом познания, то в рамках пропозициональной парадигмы это отношение опосредуется человеческой мыслью, которая характеризует некоторое «положение дел в мире». Такое опосредование с помощью «объективного положения дел» сохраняется в деятельностной парадигме, но становится более детальным, учитывает мотивы и цели деятельности субъекта, т. е. «прагматические устремления коммуникантов» [6, с. 90].

Иными словами, деятельностный подход существенно расширяет границы понимания смысла высказывания потому, что в нем учитывается субъективное содержание смысла, связанное с намерением говорящего и пониманием этого намерения слушающим.

В результате упомянутых парадигмальных трансформаций речевой акт стали трактовать как специфический вид человеческой деятельности, осуществляемый посредством специальной системы знаков – языка. При этом исследователи стремятся показать связь логических закономерностей с процедурами речевой аргументации.

Таким образом, критика модерна и всей философской традиции Нового времени, прозвучавшая во второй половине XX в. со стороны постмодерна, позволила лучше осмыслить основные парадигмы классического мышления, его особенности и ограничения. Прежде всего этими парадигмами являлись логоцентризм (вера в господство разума в пространстве вещей, идей и языков); структурированность бытия (вера в то, что в пространстве вещей и идей всегда можно выделить некие устойчивые целостности – структуры); фундаментализм (вера в то, что есть некие общие основы бытия, которые могут быть осмыслены) и традиционная концепция репрезентации (вера в то, что истина, безусловно, существует и адекватно отображает действительность).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ровинский П. Е. Синергетика и процессы развития сложных систем // *Вопр. философии*. 2006. № 2. С. 162–168.
2. Зинченко В. П. *Формирование зрительного образа*. М., 1969.
3. Зинченко В. П., Величковский Б. М., Вучетич Г. Г. *Функциональная структура зрительной памяти*. М., 1980.
4. Касавин И. Т. *Познание* // *Нов. филос. энцикл.* : в 4 т. М., 2001. Т. 3.

5. Гафаров Х. С. Философская герменевтика Г.-Г. Гадамера: становление и развитие : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. СПб., 2003.
6. Кравец А. С. Три парадигмы смысла // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 2004. № 6. С. 75–93.
7. Фреге Г. Смысл и денотат : пер. с нем. // Семиотика и информатика. М., 2007. Вып. 8.
8. Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М., 1999.
9. Куслий П. С. Импликатура и теория интерпретации // Язык, знание, социум: пробл. соц. эпистемологии / отв. ред. И. Т. Касавин. М., 2007.
10. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Нов. в заруб. лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

REFERENCES

1. Rovinsky R. Y. Synergetic and processes of development of complex systems. *Vopr. filos.* 2006. No. 2. P. 162–168 (in Russ.).
2. Zinchenko V. P. Formirovanie zritel'nogo obraza. Mosc., 1969 (in Russ.).
3. Zinchenko V. P., Velichkovskii B. M., Vuchetich G. G. Funktsional'naya struktura zritel'noi pamyati. Mosc., 1980 (in Russ.).
4. Kasavin I. T. Poznanie. *Nov. filos. entsykl.* : in 4 vol. Mosc., 2001. Vol. 3 (in Russ.).
5. Gafarov K. S. Filosofskaya germenevtika G.-G. Gadamera: stanovlenie i razvitie : dis. ... d-ra filoz. nauk : 09.00.03. Saint Petersburg, 2003 (in Russ.).
6. Kravets A. S. Three paradigms of sense. *Mosk. Univ. Bull. Ser. 7, Filos.* 2004. No. 6. P. 75–93 (in Russ.).
7. Frege G. Sense and denotation. Per. s nem. *Semiot. i inform.* Mosc., 2007. Issue 8 (in Russ.).
8. Ostin D. Izbrannoe. Transl. from Engl. L. B. Makeevoi, V. P. Rudneva. Mosc., 1999 (in Russ.).
9. Kuslii P. S. Implikatura i teoriya interpretatsii. *Yazyk, znanie, sotsium: probl. sots. epistem.* Mosc., 2007 (in Russ.).
10. Lakoff D. Pragmatika v estestvennoi logike. *Nov. v zarub. lingvist.* Mosc., 1985. Vol. 16 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 29.11.2015.
Received by editorial board 29.11.2015.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ К. Г. ЮНГА И ФИЛОСОФИИ БУДДИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е. А. МАСЛАКОВА¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Выявлены смысловые параллели в рассмотрении природы сознания в рамках аналитической психологии К. Г. Юнга и буддийской традиции. Основой для предметного изучения стали работы К. Г. Юнга, в которых психоаналитик обращается к проблеме сознания, и комментарий «Абхидхармакоша», написанный представителем школы саутрантики к абхидхарме – космологическому учению буддизма. Выделены структурные элементы сознания в концепции К. Г. Юнга и философии буддизма. Исследуется вопрос о соотношении понятий «эго» в аналитической психологии К. Г. Юнга и «не-я» в философии буддизма, а также идея потока сознания и проблема анализа реальности в рамках обоих направлений. Тезисно обозначены принципиальные различия между пониманием природы сознания в аналитической психологии и буддизме.

Ключевые слова: буддизм; аналитическая психология; сознание; К. Г. Юнг; вайбхашика; саутрантика; абхидхарма; эго.

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN C. G. JUNG'S ANALYTICAL PSYCHOLOGY AND PHILOSOPHY OF BUDDHISM: COMPARATIVE ANALYSIS

K. A. MASLAKOVA^a

^a*Belarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

This article aims at identifying semantic parallels in addressing the problem of consciousness within C. G. Jung's analytical psychology and the Buddhist tradition. The basis for this consideration can be found in Jung's works, in which he refers to the problem of consciousness, and in the comment «Abhidharmakosa» to the cosmological doctrine of Buddhism, written by a representative of the Sautrantika Buddhist school. The article refers to the consideration of structural elements of consciousness in Jung's analytical psychology and philosophy of Buddhism, to the question of

---

Образец цитирования:

Маслакова Е. А. Проблема сознания в аналитической психологии К. Г. Юнга и философии буддизма: сравнительный анализ // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 16–20.

For citation:

Maslakova K. A. The problem of consciousness in C. G. Jung's analytical psychology and philosophy of Buddhism: comparative analysis. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 16–20 (in Russ.).

Автор:

Екатерина Александровна Маслакова – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Katerina Maslakova, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. maslakova.katerina@gmail.com

the relationship between the concepts of «Ego» in Jung's works and «Anatman» in Buddhist philosophy, to the idea of «stream» of consciousness and the problem of reality analysis in the frameworks of the two considering approaches. The article also briefly states fundamental differences between the understanding of the problem of consciousness in analytical psychology and Buddhism.

Key words: Buddhism; analytical psychology; consciousness; C. G. Jung; vaibhasika; saurantika; Abhidharma; ego.

Вопрос о природе сознания представляет широкое поле для непреходящих дискуссий, и каждый мыслитель по-своему интерпретирует эту проблему. На данный момент творчество основателя аналитической психологии К. Г. Юнга прочно вошло в корпус социогуманитарных наук, однако роль Востока, по мнению многих юнговедов, в трудах самого автора остается до конца не проясненной. Причины такого отношения, по всей видимости, те же, что и в начале XX в.: признание восточной составляющей делало бы психоаналитическую практику еще более сомнительной и еще менее приемлемой в рамках господствовавших тогда в науке тенденций, направленных на эмпирическое обоснование. Однако обширные комментарии К. Г. Юнга к восточным текстам и обращение непосредственно к теме буддизма позволяют говорить о влиянии на него восточных, в частности буддийских, практик, а также о типологических смысловых параллелях между буддийской философией сознания и аналитической психологией К. Г. Юнга.

Несмотря на многообразие школ и течений буддизма, имеется определенный минимум, принимаемый всеми школами. К нему относятся проповеди Будды, в которых он постулировал зависимость внешнего мира от человека, а также динамическую природу и изменчивость всего существующего, в том числе человека. На основе такого представления базируются четыре благородные истины Будды и философия сознания буддизма, к которой мы обратимся чуть позже.

Особый вклад в развитие философии сознания буддизма внесли школы вайбхашики и саутрантики тхеравады. Космологическая составляющая философского учения этих школ отражена в трактате «Абхидхармакоша», созданном представителем школы саутрантики – Васубандху (IV–V вв.). Как видно из самого названия трактата, «Абхидхармакоша» – комментарий, написанный к космологическому и метафизическому учению буддизма – абхидхарме, – изложенному в последней части Палийского канона. «Абхидхармакоша» состоит из девяти разделов. В первом – «Учение о классах элементов» – излагаются философские представления о человеческой сущности и природе сознания.

Систематизированное изложение концепции сознания как в юнговской аналитической психологии, так и в философии буддизма не представляется возможным в рамках отдельной статьи, поэтому мы перейдем непосредственно к сопоставлению обозначенных выше подходов и выявлению смысловых параллелей, делая необходимые пояснения по ходу изложения вопроса.

Рассмотрим структурные элементы сознания в концепции К. Г. Юнга и философии буддизма.

В космологическом трактате «Абхидхармакоша» Васубандху описывается систематизированное представление о природе человека. Эмпирический человек состоит из пяти групп элементов (скандх). Пятой скандхой является сознание как механизм, объединяющий моменты сознания. Природа сознания пустотна, а само сознание невозможно вне мыслимого объекта и познавательной способности.

В своих работах К. Г. Юнг пишет о сознании как дискретном феномене, носящем фрагментарный характер. Оно ограничено восприятием конкретного момента, т. е. всегда содержательно наполнено. Целостную картину мира мы получаем в результате последовательности моментальных состояний сознания.

Таким образом, К. Г. Юнг, как и буддийские философы, не классифицирует элемент чистого сознания: если сознание лишит его содержания, оно будет пустым.

Вопрос о соотношении понятий «эго» в аналитической психологии К. Г. Юнга и «не-я» в философии буддизма непосредственно вытекает из предыдущего сопоставления.

В буддизме – в противовес представлениям брахманизма – понятие атмана (души) признается иллюзорным. Буддисты говорят об анатмане (не-я), однако эта иллюзорность раскрывается лишь на уровне абсолютного постижения реальности. Понятие души предполагает выделенность, конкретность и оформленность индивида, что противоречит учению о дхармах буддизма.

Эго в буддизме является самым большим препятствием на пути к мудрости. Эго, или иллюзорность нашего «Я», убежденность в конкретности и отделенности собственной сущности являются первопричиной всех страданий. В такой ситуации эго выступает барьером, отделяющим человека не только от внешнего мира, но и от собственной глубинной сущности. Данный барьер должен быть преодолен, это основополагающее действие на пути к освобождению и просветлению. Задача, стоящая перед

буддистом, заключается скорее не в избавлении от эго, а в избавлении от ошибочного видения, ложного понимания эго. Человек должен осознать: он много больше того, что думает о себе, когда отождествляет себя с конкретным и ограниченным эго.

Сравнивая понятие «эго» в буддизме с понятием «Я», или «эго», в концепции К. Г. Юнга, важно отметить, что их трактовка неоднозначна в аналитической психологии. Изначально эго понималось как центр сознания, который отвечал за связь с психическими содержаниями. С формальной точки зрения психические содержания становятся осознанными лишь при вступлении в связь с эго, или «Я». В то же время «Я» является переработанной информацией органов чувств и выступает суммой множества прошедших процессов. Весь этот материал нуждается в сцеплении, в основе которого находится сознание.

Таким образом, «Я» следует рассматривать «как отображение, но не одного, а множества процессов и содержаний, которые составляют я-сознание» [1, с. 147]. К. Г. Юнг пишет о множестве я-сознаний, определяя их как «совокупность различных сознаний органов чувств»: я-слышу, я-вижу и т. д. Множество этих форм сознания образует единство «многого центра» [2, с. 275]. В силу этого швейцарский философ говорит не просто о «Я», а о комплексе «Я», имеющем динамичную и изменчивую структуру. Другими словами, я-сознание, по Юнгу, не является образом, представляющим человеческую суть.

Я-сознание лишь условный центр, поскольку оно не включает все содержания и функции психики. Из всего увиденного и услышанного я-сознание воспринимает лишь незначительную часть, поэтому «Я» может быть только частным комплексом.

В соответствии с аналитической психологией К. Г. Юнга эго должно быть растворено прежде, чем сможет раскрыться самость. Здесь важно учесть, что самость, являющаяся совокупностью психики, не исключает эго. В процессе индивидуации эго не разрушается, но перестает быть центром личности и начинает подчиняться самости. Символическим изображением самости является мандала – центр, объединяющий все противоположности. Цель психоаналитической работы заключается в преодолении доминирования эго, преобразовании психических установок. Однако, прежде чем говорить об отмене эго, по мнению К. Г. Юнга, следует задаться построением сознательного эго, а уж потом стремиться к его преодолению.

Таким образом, человек в концепции К. Г. Юнга является «...непознаваемым объектом, представленным внешне в виде внутренне взаимосвязанной системы материальных элементов, но, при рассмотрении изнутри, вся деятельность которого является не более чем последовательностью сложных душевных образов...» [2, с. 277].

Исходя из вышесказанного, представляется возможным соотносить понятие «Я», или «эго», с буддийским концептом «не-я».

Обе системы приходят к концепту, представляющему собой своеобразную нить, на которую будут нанизываться моменты сознания. Как было упомянуто, индивид не является статичным, конкретным, с очерченным центром душевной жизни. Буддисты и К. Г. Юнг склонны видеть за иллюзорной статичностью поток взаимосвязанных явлений. В буддизме этот поток (сантана) включает ментальные элементы, материальные элементы собственного тела и внешние объекты. Корни этого потока элементов находятся за рамками настоящей жизни – в прошлых существованиях, а продолжение – в будущих воплощениях.

В представлениях швейцарского психоаналитика индивид является суммой, с одной стороны, материальных элементов, а с другой – душевных образов. Сознание же, по Юнгу, врожденное свойство человека, а не приобретенное в ходе социализации. Это обеспечивается наличием индивидуального и коллективного бессознательного.

Таким образом, наиболее емким определением человеческой сущности, с позиции К. Г. Юнга и буддистов, является метафора потока.

Далее остановимся на проблеме анализа реальности в концепции швейцарского мыслителя и буддийском учении. Абхидхармисты отрицают разницу между категориями субстанции и качества. В предельной реальности и субстанция, и качество суть дхармы, которые в силу омраченности сознания вызывают те или иные ощущения и порождают иллюзорный мир с его видимыми различиями. Иными словами, буддисты говорят о мире как психической реальности.

Объектную реальность К. Г. Юнг характеризует как психический феномен, т. е. психическую реальность, которая может быть понята как опыт, образ и природа психики.

В качестве опыта психическая реальность включает все, что индивид субъективно воспринимает как реальное. В представлении К. Г. Юнга мир является иллюзией: открытия современной науки, в частности квантовой физики, «испаряют» материальный мир, вводя надкаузальные параметры. По этой

причине самый очевидный метод исследования реальности – опыт – оказывается лишь сложным отражением душевных образов. Непосредственный опыт, по Юнгу, в принципе невозможен, любой опыт опосредуется и аллегоризируется через душевные проекции.

«...Мы окружены клубами дыма вечно меняющихся мгновенных образов; окружающий нас туман настолько густ и обманчив, что пришлось изобрести точные науки, чтобы уловить хотя бы проблеск действительной природы вещей...» [2, с. 280].

Рассматривая психическую реальность как образ, К. Г. Юнг исходит из идеалистической философии Платона и противостоит мнению З. Фрейда, который, говоря о психической реальности, не отказывался от понятия объективной реальности. Для К. Г. Юнга психическая реальность как образ подразумевает, что сознание имеет дело с отраженной реальностью, опосредованной органами чувств. Образ, по его мнению, это проекция, механизм, при помощи которого субъективные переживания переносятся на объект. Например, цвет или запах – субъективные переживания, проекции, в самом же предмете нет ни цвета, ни запаха. Проецирование на уровне мышления дает объекту имя и сообщает, что он есть. На основе таких рассуждений швейцарский психиатр и философ делает вывод о том, что объект есть лишь название, которое ему присваивает мышление в целях распознавания.

Говоря о психической реальности как природе и функции психики, К. Г. Юнг обосновывает тезис о единстве материальной и духовной сфер, где психическая реальность выступает связующим звеном. Психическая реальность – единственная реальность, которую можно переживать непосредственно.

С учетом вышесказанного тезисно обозначим ряд общих позиций между взглядами К. Г. Юнга и философией сознания тхеравады:

- категория «Я» является условно реальным понятием, поскольку индивид – это комплекс чувственно-мыслительных отношений. Обе системы признают, что «нет души, отдельной от ощущений»;
- сознание пустотно само по себе, оно не возникает само по себе, так как всегда обусловлено познавательной способностью и объектом познания;
- реальность иллюзорна, она является результатом взаимодействия множества тонких, недоступных анализу элементов материи и духа (то, что буддисты называли дхармой);
- в отсутствие четкого, статичного «Я» индивид представляется как поток явлений, не ограниченный рамками этой жизни, но берущий исток в прежних существованиях;
- определение объекта как «наименования», непризнание за объектом и его характеристиками (цвет, запах и т. д.) самостоятельной реальности, поскольку они находятся в субъективном восприятии человека.

Подобные смысловые параллели можно провести на основе сопоставления творчества К. Г. Юнга и философии сознания, представленной в трактате «Абхидхармакоша» Васубандху.

Стоит также остановиться на принципиальных различиях двух систем.

1. Философия сознания буддизма обосновывала свое знание как путь для достижения религиозного освобождения через успокоение потока дхарм; К. Г. Юнг же опирался на эмпирические методы, поскольку стремился к научному обоснованию собственных взглядов.

2. Система скандх повлияла на формирование взглядов К. Г. Юнга: в частности, при рассмотрении понятия самости он перенес ряд смыслов из буддийской феноменологии. Однако понятие самости ближе скорее к понятию «атман» в индуизме, чем к буддийскому потоку феноменов сознания.

3. Бессознательное, по Юнгу, вневременное явление, которое имеет как индивидуальное происхождение (индивидуальное бессознательное), так и отпечаток опыта всего человечества (коллективное бессознательное). Коллективное бессознательное лично не переживалось индивидом и реализуется посредством архетипов. При этом обе формы бессознательного входят в структуру сознания индивида.

Абхидхарма говорит о длительности сознания с других позиций: вопрос не в памяти предков и всего человечества. Речь идет о единичном потоке сознания, комбинация элементов которого находится в постоянном изменении. Здесь приобретает значение кармический фактор: являясь нравственным результатом прошлого индивидуального опыта, он определяет судьбу и характер.

Какой бы трудной ни представлялась задача сравнительного анализа двух систем, строящихся на разных духовных предпосылках, целью настоящей работы было выявить то общее, что присуще аналитической психологии К. Г. Юнга и философии буддизма по проблеме сознания. Как писал швейцарский философ, знакомство с Востоком может быть символически представлено следующим образом: мы начинаем вступать в связь с тем, пока еще чужим, что есть в нас самих. Это на первый взгляд чужое, но внутренне нам присущее и есть, с точки зрения К. Г. Юнга, коллективное бессознательное,

которое не вписано ни в определенное время, ни в пространство. Оно предшествует психической деятельности всех народов всех эпох. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что в аналитической психологии К. Г. Юнга мы находим идеи, встречающиеся в индийских трактатах IV–V вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ефимова И. Я.* Карл Густав Юнг и древнеиндийская философия сознания: компаративистский анализ. М., 2008.
2. *Юнг К. Г.* Проблема души нашего времени. М., 1994.

REFERENCES

1. Efimova I. Y. Karl Gustav Yung i drevneindiiskaya filosofiya soznaniya: komparativistskii analiz. Mosc., 2008 (in Russ.).
2. Yung K. G. Problema dushi nashego vremeni. Mosc., 1994 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 03.10.2016.
Received by editorial board 03.10.2016.*

МЕТАИСТОРИЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ, ИСКУССТВОМ И МИФОМ

В. Л. АЛЕКСАНДРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется концепция русского поэта и мыслителя XX в. Д. Андреева. Особое внимание уделяется ее основному понятию – метаистории. Выявляются два его значения – онтологическое и гносеологическое. В первом метаистория понимается как совокупность процессов в иных (параллельных) слоях Земли, во втором – как учение об этих процессах, включающее в себя три стадии: метаисторическое озарение, созерцание и осмысление. Отмечается, что метаисторический метод познания позволил Д. Андрееву глубоко проанализировать российскую и мировую историю, а также дать точный прогноз относительно важнейших событий и процессов второй половины XX в. (распад Советского Союза и социалистического лагеря, объединение Европы). Исследуется мифотворчество писателя как продолжение софиологии – направления русской религиозной философии. Сделан вывод о том, что, несмотря на иррациональный, мистический характер, концепция Д. Андреева обладает большой познавательной ценностью и может быть продуктивно использована при изучении актуальных социально-политических и культурных процессов, прежде всего глобализации.

Ключевые слова: Д. Андреев; метаистория; метакультура; миф; глобализация.

THE METAHISTORY OF DANIEL ANDREYEV: AT THE INTERSECTION OF PHILOSOPHY, ART AND MYTH

V. L. ALEKSANDROV^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the concept of the Russian poet and thinker of the twentieth century, Daniel Andreyev. Particular attention is paid to the basic notion of the concept – «metahistory». Reveals ontological and epistemological meaning of its. In a first aspect metahistory is understood as a complex of processes in the other (parallel) layers of the Earth, in the second – as the study of these processes, including three stages: metahistorical afflatus, contemplation and comprehension. It is stated that thanks metahistorical method of knowledge D. Andreyev was able, firstly, deeply analyzes the Russian and world history, and secondly, to give precise predictions about the most important events and processes of the second half of the twentieth century: the collapse of the Soviet Union and the socialist camp, the union of Europe. Particularly D. Andreyev's mythmaking analyzes as a continuation of sophiology, trend of Russian religious philosophy. The author concludes that, despite the irrational, mystical character, the concept of D. Andreyev has great epistemological value and can be efficiently used in the study of current social, political and cultural processes, particularly globalization.

Key words: D. Andreyev; metahistory; metaculture; myth; globalization.

Образец цитирования:

Александров В. Л. Метаистория Даниила Андреева: между философией, искусством и мифом // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 21–26.

For citation:

Aleksandrov V. L. The metahistory of Daniel Andreyev: at the intersection of philosophy, art and myth. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 21–26 (in Russ.).

Автор:

Владимир Леонидович Александров – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Vladimir Aleksandrov, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
alixandrau@tut.by

Потрясения первой половины XX в. – мировые войны, тоталитарные режимы – стали не только катастрофой для сотен миллионов людей. Они стали интеллектуальным вызовом для мыслителей и ученых. На глазах нескольких поколений рушились фундаментальные просветительские установки: вера в неуклонный социальный прогресс, представление о Европе как образце политического и культурного развития (европоцентризм) и др.

Первой крупнейшей рефлексией над тектоническими изменениями социальной реальности стало пророческое предчувствие О. Шпенглера. Именно ему «удалось во многом диагностировать актуальные становления своего кризисного времени; и в этом смысле его “Закат Европы” является высочайшим, поистине недостижимым образцом понимания тогдашней эпохи. <...> Он сумел навсегда положить конец плоскому прогрессизму рационалистического толка с его сугубо прямолинейной трактовкой человеческой истории» [1, с. 33, 68].

Примерно в одно время с немецким мыслителем не просто тревожно-пессимистическое, а эсхатологическое ощущение истории охватило многих русских поэтов, писателей и философов Серебряного века: А. Белого, А. Блока, Л. Андреева, М. Волошина, В. Розанова, С. Булгакова, Н. Бердяева. Стихотворения и поэмы, рассказы и статьи, трактаты и дневники были пронизаны чувством присутствия нечеловеческих, сверхчеловеческих сил и воздействий, недоступных для восприятия и осмысления умами с позитивистской, узко рационалистической направленностью. Поэтому любые образы и сюжеты подобного рода трактовались большинством лишь как плод художественной фантазии или результат необоснованных интеллектуальных спекуляций.

И все же, несмотря на критическое отношение к иррационалистическому взгляду на историю, эти представления развивались и нашли одно из ярчайших, необычных воплощений в творчестве русского поэта и писателя середины XX в. Даниила Андреева (1906–1959). Свидетель и участник национальных и мировых катастроф своей эпохи, мыслитель всю жизнь стремился в художественном и философском слове отразить их понимание. Во время ареста в 1947 г. было уничтожено почти все им написанное, при этом последовавший 25-летний тюремный приговор не просто стал тяжелейшим испытанием, а обернулся созданием уникальной творческой лаборатории. Произведения того периода, чудом написанные, сохранившиеся и опубликованные в начале 1990-х гг. в России уже после смерти их автора, оказались столь необычными по форме и содержанию, что поставили в тупик критиков и интерпретаторов. В главном трактате Д. Андреева «Роза мира» около 10 жанров, по этой причине одни исследователи считают его примером непревзойденного по масштабу и глубине творческого синтеза, другие – эклектичным сочетанием разнородных, несовместимых идей, понятий, принципов, сюжетов, образов и стилей.

Настоящая статья представляет собой анализ одного из важнейших понятий концепции Д. Андреева – метаистории. Этот термин в русской мысли мы находим у С. Булгакова в произведении «Два града», на которое и ссылается Д. Андреев, а также у Н. Бердяева в книге «Смысл истории». Оба русских философа употребляли его скорее апофатически – для обозначения ощущения той стороны исторического процесса, которая объективно существует, но не может быть обнаружена и познана. Не случайно С. Булгаков при определении понятия «метаистория» использует кантовский термин «ноуменальность». Между тем Д. Андреев подчеркивает, что «применение кантовской терминологии к проблемам этого порядка вряд ли поможет уяснению существа дела» [2, с. 31].

На контрасте с булгаковским определением Д. Андреев дает свою трактовку понятия «метаистория», используя его в двух значениях – онтологическом и гносеологическом. Онтологически метаисторию мыслитель понимает как «совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» [2, с. 31]. В гносеологическом смысле метаистория – это «учение об этих процессах инобытия» [2, с. 31].

Естественно, Д. Андреев предвидел возможные возражения относительно своей концепции: если она зиждется на личном духовном (мистическом, эзотерическом) опыте, то можно ли говорить о ее объективном, а тем более общезначимом смысле? Такой же упрек высказывал в свое время И. Кант в адрес своего старшего современника Э. Сведенборга, усмотрев в свидетельствах шведского мистика об «иных мирах» и их существах лишь «спекулятивные бредовые фантазии извращенного ума <...> [и] дикие бредни самого дурного из всех фантастов» [3, с. 782–783, 789].

Понимая всю зыбкость такой концепции, Д. Андреев пытался укрепить ее. С одной стороны, писатель апеллировал к фактору доверия явлениям духовного порядка: «Без всяких гарантий опыту другого поверит тот, чей душевный строй хотя бы отчасти ему созвучен; не поверит и потребует гарантий, а если получит гарантии – все равно их не примет тот, кому этот строй чужд» [2, с. 35]. С другой стороны, мыслитель высказывал надежду на создание некой научно-воспитательной системы, которая будет стимулировать проявление и развитие способностей духовного восприятия, заложенных в каждом человеке, но в обычных условиях дающих о себе знать крайне редко. Одновременно Д. Андреев выражал

уверенность в том, что параллельно с его прозрениями «не только в России, но и во многих краях Земли происходит тот же процесс: та же потусторонняя реальность вторгается в человеческое сознание, сначала – в сознание единиц, потом – сотен, чтобы позднее стать достоянием миллионов» [2, с. 30].

Прошло более полувека с момента написания этих строк. Достаточно, чтобы оценить, прав ли хотя бы в этом оказался русский мыслитель. Но прежде необходимо прояснить оба определения метаистории, упомянутые выше.

Онтологическое определение вытекает из главной, стержневой идеи всей концепции Д. Андреева – утверждения о многослойности Вселенной и ее основных астрономических объектов: галактик, звезд, планет, спутников. Под многослойностью автор понимает единство слоев космического тела, отличающихся пространственно-временной размерностью, характером материальности каждого из них, своеобразием процессов, там протекающих, и существ, там обитающих. Нетрудно заметить, что речь идет о попытке сохранения религиозной картины мира, но с серьезной поправкой: совмещением этой картины с современными физико-астрономическими представлениями. Насколько удачна эта попытка, каждый судит сам, но примечательно, что многие мысли Д. Андреева, звучавшие нелепо и дико для науки середины XX в., уже в конце прошлого и начале XXI в. подаются как нечто само собой разумеющееся. Например, в учебниках по философии и методологии науки можно встретить такие высказывания: «Современная наука обосновывает мысль о существовании множества миров <...> с многообразными видами материи» [4, с. 69]; «В других физических мирах, в принципе, возможно существование четырех-, пятимерных и т. д. объектов» [4, с. 71]. Не являются ли подобные утверждения примером того плодотворного диалога науки и религии, который, вопреки мнению скептиков с обеих сторон, стремительно развивается в эпоху постнеклассической рациональности?

Если же допустить – хотя бы умозрительно – наличие таких слоев инобытия Земли, то логически можно вывести и возможность процессов, протекающих там, и их связь с процессами нашего слоя, о чем пишет Д. Андреев. Перед характеристикой содержания этих процессов писатель дает и теоретическое, и автобиографическое описание метаистории как метода познания, включающего в себя три стадии: озарение, созерцание и осмысление. Первая стадия, наиболее иррациональная, возникает и протекает спонтанно, без участия воли субъекта. Ее содержанием «является молниеносное, но охватывающее огромные полосы исторического времени переживание нерасчленимой ни на какие понятия и не выразимой ни в каких словах *суги* (выделено автором. – В. А.) больших исторических феноменов» [2, с. 31]. Психически этот акт сопряжен с огромным потрясением субъекта, на протяжении секунд или минут вмещающего в себя невероятные объемы информации, превышающие все привычные рамки ее образной или понятийной обработки.

Вторая стадия, более длительная и уже включающая отчасти свободную волю субъекта, предстает как метаисторическое созерцание. С точки зрения дневного сознания это что-то вроде сочетания восприятия и воспоминания о ярком сновидении. Наконец, на третьей стадии происходит метаисторическое осмысление определенных событий, сюжетов, закономерностей. К ней Д. Андреев относится максимально критично и самокритично, поскольку именно на данном этапе «совершаются наибольшие ошибки, неправильные привнесения, слишком субъективные толкования. Главная помеха заключается в неизбежно искажающем вмешательстве рассудка» [2, с. 32].

В то же время все три стадии для творчески одаренных людей становятся тем материалом, который служит источником для его выражения в философской, религиозной или художественной формах. Сам Д. Андреев, будучи не только талантливым мыслителем, но и поэтом, воплотил плоды такого метаисторического познания и в трактате «Роза мира», и в своих стихотворениях и поэмах. В неповторимой, уникальной по стилистическому и жанровому сочетанию форме в них отражены и осмыслены события российской и мировой истории. Более того, в некоторых произведениях Д. Андреев отваживается на ряд смелых, для своего времени даже невероятных прогнозов, причем многие из них уже сбылись. Так, в поэме «Железная мистерия», отражающей метаисторические процессы первой половины XX в. и такого же рода перспективы второй его половины, поэт – на пике международного влияния и могущества Советского Союза – предсказывает скорый распад державы («Рухнула в ничто глыба государства» [5, с. 229]); объединение Европы после развала социалистического лагеря («Сплав сорока стран» [5, с. 261]); хаос и рыночные преобразования 1990-х гг. («Маркса грыз да Сталина, / Бац – кругом развалина. / Коль не каплет из носу, / Приучайся к бизнесу» [5, с. 264]).

Что же собой представляет метаистория в содержательном плане и почему, согласно Д. Андрееву, эти процессы так важно прозревать и понимать? С точки зрения мыслителя, склонного к дуализму в духе зороастрийской религии, в общепланетарном ракурсе Земля выступает ареной многомиллиарднолетней борьбы провиденциальных и демонических сил. Замысел первых – создание разноматериальных слоев для жизни и творчества, духовного становления и совершенствования сотворенных Богом монад (растений, животных, людей, ангелов, даймонов и многих других). Замысел вторых – порабощение

существ для увеличения страдания. Законы живой природы, даже такие, казалось бы, «вечные», как закон смерти и закон борьбы за существование, по мнению Д. Андреева, есть лишь временная равнодействующая борющихся сил. То же касается нравственно-трансфизического закона возмездия (кармы). Светлые силы стремятся их облегчить или отменить («Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» – восклицал апостол Павел) (1 кор., 15:55). Темные силы – утяжелить, усугубить.

Применительно к человечеству крупнейшими субъектами и объектами метаистории являются метакультуры. Под метакультурой понимается совокупность слоев, связанных со становлением конкретного сверхнарода и самих его представителей. Всего Д. Андреев выделяет 34 метакультуры человечества и с той или иной степенью подробности их описывает. Каждая метакультура – неповторимое образование, призванное к выполнению только ей порученной миссии. Выполнение миссии заключается в творении тех или иных ценностей (моральных, религиозных, художественных, интеллектуальных, материальных), необходимых для достижения всеми состояния богочеловечества. Впрочем, из-за сопротивления внутренних или внешних демонических сил эта миссия может быть оборвана, может остаться трагически незавершенной. Из 34 таких метакультур мыслитель перечисляет 15. Но даже успешно завершившие творчество в нашем слое метакультуры со временем из него исчезают (Древняя Греция, Древний Египет, Вавилон и др.), продолжая свое становление и развитие в высших для данной метакультуры слоях Земли. Если же национально-государственное или цивилизационное отображение метакультуры еще присутствует в нашем слое, то оно остается ареной для воплощения и творческой деятельности монад людей, к данной метакультуре принадлежащих. Столь необычную картину нашей исторической реальности в ее связи с «иными мирами» Д. Андреев максимально подробно рассматривает на примере метаисторического анализа и поэтического описания российской метакультуры, что логично.

Если рассматривать метаисторию как мистерию (а это следует в том числе из названия главной поэмы Д. Андреева), то в ней можно выделить мистериальные пространство, время, действующих лиц и драматический сюжет, причем каждый из структурных элементов мистерии оказывается многомерным. Пространство метаистории всего человечества включает в себя десятки слоев Земли, пространство метаистории каждой метакультуры – несколько, среди которых выделяются два полюса: средоточия светлых и темных сил каждой метакультуры. Временные потоки также охватывают разные отрезки метаистории, как бы вложенные друг в друга: эоны (крупнейшие мировые периоды), время существования метакультуры, народа, государства, церкви, конкретного человека, процесса, события.

Список действующих лиц поражает воображение. Их можно разделить на основании разных критериев: например, на людей и всех остальных, причем под людьми подразумеваются и те, чье последнее воплощение в нашем слое уже завершилось, и те, чье творчество или борьба продолжают и поныне. При всей своей фантастичности эта картина вполне логична для последовательно религиозного сознания, поэтому Д. Андреев, как и его предшественник Данте, уделяет большое внимание описанию посмертной судьбы сотен людей. Но если для великого флорентийца эта судьба характеризуется исключительно пассивной ролью (наслаждением и отдыхом в кругах рая или муками в кругах ада), то русский мистик предлагает гораздо более сложную и динамичную картину, подчеркивая активную сторону посмертной деятельности: это творчество для носителей соответствующих даров (гениев, талантов и вестников), борьба для героев и «родомыслов» (провиденциальных правителей), спасение и помощь для достигших нравственных вершин (святых, праведников). Впрочем, Д. Андреев считал, что небесные страны метакультур ни в коем случае нельзя представлять как средоточие одних только известных личностей. О большинстве их обитателей не расскажет никакая история. «Это незаметные герои нашей жизни, – отмечал мыслитель, – думать иначе, то есть вообразить синклит метакультуры в виде некоего собрания “знаменитостей”, значило бы доказать, что наш нравственно-мистический разум спит еще крепким сном» [2, с. 59].

Однако кроме людей на арене метакультуры действуют еще множество других существ, главным критерием разделения которых является все та же принадлежность к «светлому» или «темному» стану. Верховной провиденциальной инстанцией сверхнарода и метакультуры выступает, по мнению Д. Андреева, своеобразная диада: Демург (дух-народоводитель) и Соборная Душа. Неслучайна их мужская и женская природа, но не физического, а трансфизического, иноматериального плана. Здесь мистик оказывается перед трудной дилеммой. С одной стороны, он подчеркивает, что «всякое применение к иерархиям привычных для нас антропоморфных понятий возраста, брачных отношений и т. п. может быть сделано лишь с целью приблизить путем единственно возможных, хотя и далеких аналогий, нашу мысль к пониманию явлений, в буквальном смысле не имеющих почти ничего общего с явлениями, привычными для нас» [2, с. 110]. С другой стороны, все его работы пронизаны этой метафорикой пола, брака, венчания, деторождения, переносимой с видимой реальности на невидимую. В частности, в качестве ключевых событий российской и всемирной метаистории Д. Андреев видит «брак»

Демиурга и Соборной Души России и рождение ими (воплощение через них) некоей верховной женственной сущности, появление которой, как он полагает, было предвосхищено философами и поэтами Серебряного века в образе Софии (у писателя именуется Звентой-Свентаной).

По сути, мыслитель выступает как продолжатель и интерпретатор линии В. Соловьёва, А. Блока, С. Булгакова, П. Флоренского, Л. Карсавина и других русских софиологов. Звента-Свентана (София) – высшая женственная сущность Земли, она же – невеста Агнца (Христа), описанная в Апокалипсисе. При этом Д. Андреев неоднократно подчеркивал кощунственность и недопустимость любых сексуальных толкований подобных образов и сюжетов. В результате этого мистического брака в эсхатологические времена Земля якобы должна совершить переход из первого эона (мирового периода) во второй (образ «нового неба и новой земли» в Откровении Иоанна Богослова). Но, чтобы состоялся брак российских народоводительствующих сил, Соборная Душа России прежде должна быть освобождена из плена великодержавной государственности, из слоя российского античеловечества – цитадели демонических сил ее метакультуры. В плену же она оказалась после того, как Демиург России в целях защиты народа от татаро-монгольского ига был вынужден породить первого в роду демона российского великодержавия, тем самым предопределив трагическую судьбу метакультуры на века.

Такую сказочно-мифологическую формулу Д. Андреев накладывает на описание всей российской истории: диалектически очерчивает синусоиды возвышения и падения Московского царства, петербургской империи, Советского Союза. В частности, проведение параллелей между тираниями Ивана Грозного, Николая I и Сталина как зенитами могущества трех поколений демонов российского великодержавия и последовавшими цепочками исторических событий (реформы, реакция, смута или революция, распад государства) позволило мыслителю с большой точностью предсказать события второй половины XX в., включая распад СССР.

Точность этих сбывшихся прогнозов позволяет в ином ракурсе рассмотреть вопрос о возможной верификации подобной мифологической картины исторической реальности. Как считают некоторые исследователи творчества Д. Андреева, необязательно буквально принимать его онтологию, чтобы признать ее гносеологическую ценность и продуктивность. Один из вариантов толкования этой авторской мифологии может исходить, например, из юнговской модели архетипов – образов коллективного бессознательного, – которые благодаря интуиции и художественному мастерству конкретного творца могли обрести именно такое, а не иное выражение. Отношение к подобной мифологии может определяться в первую очередь степенью ее предсказательного потенциала, а не количеством субъектов со схожей картиной мира.

С этой точки зрения прозорливость Д. Андреева особенно показательна в свете актуальных социально-политических событий и процессов. Одним из первых предсказав глобализацию (еще до появления самого этого термина) как неизбежную тенденцию мирового развития, русский мыслитель обозначил альтернативные направления, развилки, своеобразные точки бифуркации, которые поджидают человечество на этом пути. Крайне важно, по его мнению, будет идти речь о глобализации на фундаменте взаимодействия государств как укоренившихся в новейшей истории главных социально-политических институтов или о глобализации с принципиальной трансформацией сущности государства, возможностью этического контроля над ним со стороны гражданского общества. Выбор первого пути – интеграционные процессы на государственной основе – объективно приведет к гегемонии одного, самого мощного государства (и стоящего за ним демона) с последующей апокалиптической перспективой образования всемирного государства как ядра абсолютной единоличной тирании, как дьяволочеловечества во главе с антихристом. Впрочем, у Д. Андреева есть и еще более грозные прогнозы – например, о третьей мировой войне, причем не между СССР и Западом, а именно между постсоветской Россией и Западом. Удивительно читать сегодня, учитывая нынешнюю международную обстановку, подобные строки, написанные в 1950-х гг. прошлого века.

В то же время Д. Андреев обрисовывает и оптимистичный прогноз (хотя и оговаривается, что шансов сбыться у него немного), имея в виду глобализацию по модели всеединства, содружества и сотворчества равноправных народов; интеграцию – политическую, экономическую, научную – при многообразии культур, верований, образов жизни. Зачатки подобного всеединства Д. Андреев видел в послевоенных Японии, Швейцарии, Скандинавии. Эта утопическая часть его концепции чаще других подвергается критике, как и иные утопии, особенно после кошмаров их воплощения в XX в. Но кто знает, быть может, именно подойдя к краю бездны рукотворного ядерного апокалипсиса, человечество, заглянув в нее и в ужасе отшатнувшись, инстинктивно повернется в противоположную сторону – ту, о которой мечтали В. Вернадский и Т. де Шарден, В. Соловьёв и А. Швейцер, М. Ганди и Д. Андреев. Во всяком случае, концепция последнего, со всей подробностью и резкостью раскрывающая основные альтернативы всемирного хода истории, еще раз напоминает о важности выбора стратегического вектора развития цивилизации, необходимости делать этот выбор и ответственности за него – всех и каждого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Румянцева Т. Г. Освальд Шпенглер. Минск, 2008.
2. Андреев Д. Л. Роза мира. М., 1991.
3. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Метафиз. начала естествознания. М., 1999.
4. Яскевич Я. С. Философия и методология науки. Вопросы и ответы: полный курс подготовки к кандидатскому экзамену. Минск, 2007.
5. Андреев Д. Л. Железная мистерия : поэма. М., 1990.

REFERENCES

1. Rumyantseva T. G. Osvaľd Shpengler. Minsk, 2008 (in Russ.).
2. Andreev D. L. Roza mira. Mosc., 1991 (in Russ.).
3. Kant I. Grezy dukhovidtsa, poyasnennye grezami metafiziki. *Metafizicheskie nachala estestvoznaniya*. Mosc., 1999 (in Russ.).
4. Yaskevich Y. S. Filosofiya i metodologiya nauki. Voprosy i otvety: polnyi kurs podgotovki k kandidatskomu ekzamenu. Minsk, 2007 (in Russ.).
5. Andreev D. L. Zheleznaya misteriya : poema. Mosc., 1990 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 06.10.2016.
Received by editorial board 06.10.2016.*

Ф И Л О С О Ф И Я И М Е Т О Д О Л О Г И Я Н А У К И

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

УДК 113/116;165.5

ПРИРОДА, НАУКА И НОВЫЕ ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ГЕЙЗЕНБЕРГА

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуются представления выдающегося физика XX в. В. Гейзенберга о природе и характере отношения к ней человека. Подчеркивается вклад немецкого теоретика в становление квантовой механики, новых стратегий постижения природы и их философских оснований. Особое внимание уделено роли В. Гейзенберга в обосновании неклассической и постнеклассической форм научной рациональности. Отмечается значимость природоведческих идей ученого для развития современной концепции философии природы.

Ключевые слова: природа; познание; квантовая механика; причинность; детерминизм; красота; этические ценности; истина; научная рациональность.

NATURE, SCIENCE AND NEW TYPES OF SCIENTIFIC RATIONALITY IN THE WORKS OF W. HEISENBERG

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the analysis of the representations of prominent physicist of XX century W. Heisenberg about the nature, the character of human relations to it. It is emphasized his contribution to the development of quantum mechanics and new strategies of nature comprehension and their philosophical foundations. Particular attention is drawn

---

Образец цитирования:

Карак П. С. Природа, наука и новые типы научной рациональности в творчестве В. Гейзенберга // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 27–35.

For citation:

Karako P. S. Nature, science and new types of scientific rationality in the works of W. Heisenberg. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 27–35 (in Russ.).

Автор:

Петр Семенович Карак – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kafedra628@gmail.com

to the disclosure of Heisenberg's role in the justification of non-classical and post non-classical forms of scientific rationality. It is noted the importance of natural history ideas of this physics to the development of modern concept of philosophy of nature.

Key words: nature; knowledge; quantum mechanics; causality; determinism; beauty; ethical values; truth; scientific rationality.

Современный экологический кризис, углубляясь и расширяясь, порождает интерес к философско-му осмыслению природы и обоснованию разумных форм отношения к ней человека. Выдающийся естествоиспытатель второй половины XX в. И. Пригожин (1917–2003) писал, что «попытка постичь природу остается одной из основных целей западной мысли. Но эту цель не следует идентифицировать с идеей овладения природой» [1, с. 135]. Кто же из представителей западной мысли XX в. внес вклад в постижение природы и при этом не ставил вопрос об овладении ею и покорении ее человеком?

К таким представителям И. Пригожин относил создателей квантовой механики В. Гейзенберга, П. Дирака, Э. Шрёдингера и др. Именно их концепции природы, по убеждению И. Пригожина, заслуживают внимания, так как они резко изменили наше описание природы. Более того, их радикальные взгляды на природу «имели далеко идущие и глубокие последствия для нашей концепции реальности» [1, с. 120]. Заметим, что эти ученые высказывали свои взгляды с позиций квантовой механики. Весьма убедительно их выразил Э. Шрёдингер: «Квантовая механика представляет собой первое теоретическое построение, объясняющее на основе исходных принципов все виды объединений атомов, фактически встречающихся в природе» [2, с. 60]. Добавим: да и саму природу и отношение человека к ней.

Именно с позиций квантовой механики развивал свое видение природы немецкий физик В. Гейзенберг (1901–1976). В трудах И. Пригожина присутствуют многочисленные упоминания и цитаты положений В. Гейзенберга относительно структуры природы и отношения к ней человека. Однако его вклад в обоснование философской концепции природы не получает должного освещения в отечественной литературе, касающейся философии природы, к тому же в некоторых западных работах продолжают обвинять естествоиспытателя в идеализме и насаждении мистики в науке. Все это и определило наш интерес к научному творчеству В. Гейзенберга и его концепции природы.

Квантовая механика и новые подходы в обосновании закона природы

При постижении сущности воззрений В. Гейзенберга на природу следует учитывать то новое, что вносила квантовая механика в учение о природе. По данному вопросу весьма определенно высказался Э. Шрёдингер: «Величайшее открытие квантовой теории – обнаружение дискретности в книге природы, в контексте которой с прежней точки зрения казалось нелепостью все, кроме непрерывности» [2, с. 53]. Это относилось прежде всего к материи и энергии.

Однако открытие новых уровней организации материи и дискретности энергии нельзя было объяснить с позиций классической механики и ее философских оснований (механицизм, лапласовский детерминизм и т. д.). Попытки использовать эти основания для истолкования новых открытий и порождали разного рода «нелепости» в новой физике. Такую философию В. Гейзенберг называл «дурной». «В сегодняшней физике элементарных частиц, – писал он, – дурная философия исподволь губит хорошую физику» [3, с. 172].

Для В. Гейзенберга «дурной философией» являлась позитивистская философия. Его критическое отношение к ней было связано с тем, что она «запрещает задумываться о более общих вопросах» бытия природы, относит «закон причинности» к «донаучной и анимистической эпохе мысли», отклоняет возможность употребления понятия «целое» в биологии и т. д. [4, с. 321]. Эти и другие претензии В. Гейзенберга к философии позитивизма, особенно в лице представителей венской школы, не позволили ему считать данную философию методологической основой квантовой механики и других наук о природе.

Эвристичной для развития физики В. Гейзенберг считал материалистическую философию. В его трудах неоднократно упоминаются Демокрит и его атомистическое учение. Так, в одной из своих работ немецкий теоретик писал: «За последние 100 лет демокритовская атомистика служила для физиков общей основой их материалистической картины мира; она легко поддавалась интерпретации, была до известной степени наглядной и определяла образ мысли даже тех физиков, которые не желали иметь ничего общего с философией» [3, с. 172]. Именно приверженцы атомистического учения Демокрита – ученые первой половины XX в. (Н. Бор, В. Гейзенберг, П. Дирак, Э. Шрёдингер и др.) – к концу 1920-х гг. создали новую область физики – квантовую механику, которая раскрывала самый глубинный уровень организации природы – атомный. Однако и атом оказался весьма сложным системным образованием.

При его изучении физики столкнулись с новыми проблемами. Одной из них стала «проблема бесконечной делимости материи. Так называемые атомы химиков оказались составленными из ядра и электронов. Атомное ядро было расщеплено на протоны и нейтроны» [3, с. 116]. В последующие годы ученые выявили новые элементарные частицы и их свойства. Таким образом расширилось и предметное поле квантовой механики.

Принципиальное значение имела также проблема выяснения связей и отношений квантовой механики с предшествующей классической механикой, с позиций которой нельзя было объяснить и описать особенности нового уровня строения материи. Перед физиками предстала задача разработать понятийный аппарат для описания строения атома, его ядра и открывающихся новых элементарных частиц, с которой ученые справились. Так, в системе познавательных установок квантовой механики Н. Бор предложил использовать принцип соответствия. Проблемы, связанные с интерпретацией установленного квантовой механикой корпускулярно-волнового дуализма элементарных частиц, стали решаться на основе введенного им принципа дополнительности. Трудности, возникающие при выявлении нахождения элементарных частиц в пространстве, физики начали преодолевать благодаря введенному В. Гейзенбергом положению о неопределенности и волновой функции Э. Шрёдингера.

Упомянутые и другие формы интерпретации открытий новой физики отражали становление нового типа научного мышления физиков. Его появление В. Гейзенберг засвидетельствовал в докладе, прочитанном на заседании Саксонской академии наук еще в 1932 г. Ученый отметил, что современное естествознание «создало в процессе своего развития новые формы мышления и открыло новые горизонты, которые не могла бы открыть никакая другая наука и которые будут важным вспомогательным средством во всех областях духовной деятельности [естествоиспытателей]» [5, с. 33].

Конкретным проявлением новых форм мышления для представителей квантовой механики и, в частности, В. Гейзенберга был их отход от использования механистической причинности и лапласовского детерминизма классической механики. Подвергая критике ее методологические основы, немецкий физик подчеркивал и их неспособность быть философской базой новых воззрений на природу. Квантовая механика вскрывала качественно новую форму причинной связи – статистическую причинность. Со всей категоричностью ученый заявлял, что «законы квантовой механики по необходимости имеют статистический характер» [3, с. 128]. Причем такой характер закономерностей этой науки устанавливается в процессе осуществления экспериментальных исследований. Так, В. Гейзенберг писал: «Парадоксальность того обстоятельства, что различные эксперименты выявляют то волновую, то корпускулярную природу атомной материи, заставляет формулировать статистические закономерности» [3, с. 128].

Подобные закономерности, по убеждению В. Гейзенберга, следует учитывать и при обосновании законов природы, а статистическую причинность ученый считал адекватной и новому этапу развития физики. Ее прогресс он связывал также с признанием физиками экспериментально подтверждаемого положения о полной превращаемости одних элементарных частиц в другие, единства материи на самых низких уровнях ее существования. Более того, данные современной физики убеждали и в том, что ранее признававшееся истинным положение о «различии между материей и силой или силой и веществом» не соответствует новым фактам. Экспериментально подтвержденные факты свидетельствуют о том, что «любая элементарная частица не только сама порождает силы и сама испытывает воздействие сил, но в то же самое время сама представляет в данном случае определенное силовое поле. Квантово-механический дуализм волн и частиц является причиной того, что одна и та же реальность проявляет себя и как материя, и как сила» [4, с. 98].

Поле В. Гейзенберг не считал чем-то внешним для элементарных частиц. Даже «в случае Вселенной» он не допускал возможным признания какой-то «внешней силы» [6, с. 138], определяющей ее организацию и бытие. Между тем обоснование единой теории поля, на базе которой может быть сформулирован закон природы, по мнению ученого, стало назревшей потребностью, ведь физикам уже известны «все необходимые для формулировки такой теории факты» [6, с. 186].

Хотя единая теория поля остается не сформулированной и в современной физике, В. Гейзенберг на основе представлений о поле как форме материи и роде связей объектов материального мира дает следующее определение понятия «мир»: «Мир представляется <...> в виде сложного сплетения процессов, где весьма разнообразные связи меняются, пересекаются и действуют вместе и таким путем определяют структуру всего сплетения» [4, с. 62]. Данная формулировка сходна с диалектико-материалистическим определением понятия «природа», которое давал Ф. Энгельс. «Вся доступная нам природа, – писал он, – образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом “тело” все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего» [7, с. 392]. У В. Гейзенберга реальностью признавался не эфир, а экспериментально установленные различные формы поля. Причем у него, как и у Ф. Энгельса, материя, мир и природа являлись однопорядковыми понятиями.

Все вышесказанное не означает того, что В. Гейзенберг сознательно следовал диалектико-материалистическим воззрениям Ф. Энгельса на природу. Но в период, когда «радикально меняются представления о структуре материи и законах природы», актуальным становится, по убеждению В. Гейзенберга, «возрождение материалистической философии в форме диалектического материализма». Именно эта философия, использованная естествоиспытателями, способствовала «впечатляющему прогрессу химии и физики» [3, с. 107, 115]. Немецкий теоретик выражал уверенность и в том, что ее дальнейшее применение будет содействовать решению таких вопросов в современной ему физике, как бесконечная делимость материи, создание единой теории материи, материалистическая формулировка закона природы и т. д.

Однако это еще не позволяет заключать, что В. Гейзенберг являлся сознательным приверженцем диалектического материализма. Физик высказывался критически в отношении данной философии, называя ее «официальным вероучением», существующим в некоторых странах и вступающим в конфликт с научными открытиями [3, с. 120]. Ученый не раскрывал содержания этого конфликта и не упоминал конкретные страны, где он происходит. На наш взгляд, В. Гейзенберга следует считать представителем той философии, которую В. И. Ленин называл *естественно-историческим материализмом*. К ней немецкий физик обратился в процессе осмысления новой физики и всего естествознания середины XX в. Сделанные В. Гейзенбергом выводы относительно строения материи, направлений ее познания иногда соответствовали положениям, которые высказывали представители диалектико-материалистической философии.

Неклассическая рациональность как выражение новой стратегии познания природы и отношения к ней человека

Познавательная деятельность в сфере постижения атомного уровня строения и организации природы существенно меняла способ постановки субъектом познания интересующих его вопросов. У физиков «возникает понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов» [8, с. 451]. Порождалась потребность учитывать и роль средств познания в получении ответов на поставленные вопросы. Все это В. С. Стёпин относит к чертам новой научной рациональности – неклассической. Причем при ее обосновании академик ссылается на положения В. Гейзенберга, касающиеся формулируемой им стратегии познания природы. В чем конкретно она выражается? Как ее интерпретировали философы недавнего прошлого и каково отношение к ней в настоящее время?

При поиске ответов на поставленные вопросы следует иметь в виду то, что В. Гейзенберг был одним из первых физиков XX в., которые не только осознали важность изменения стратегии постижения природы, но и сформулировали содержание качественно нового ее характера. Так, немецкий теоретик писал: «Мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем, – это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов. Научная работа в физике состоит в том, чтобы ставить вопросы о природе на языке, которым мы пользуемся, и пытаться получить ответ в эксперименте, выполненном с помощью имеющихся у нас в распоряжении средств [познания]» [4, с. 27]. Но эти средства изобретает и производит сам исследователь природы. К тому же он должен учитывать и их воздействие на изучаемые им процессы и явления природы. «Если мы хотим составить картину существования элементарных частиц, – отмечал В. Гейзенберг, – мы уже принципиально не можем игнорировать те физические процессы, с помощью которых мы получаем сведения о них» [3, с. 295]. Но эти сведения исследователь получает при помощи разного рода измерительных приборов, которые создал он сам. Тем самым в «описание атомных процессов снова вводится субъективный элемент» [4, с. 27].

Процитированные положения В. Гейзенберга некоторые современные авторы трактуют как насаждение идеализма в физике. В этом плане весьма характерны суждения британских марксистов А. Вудса и Т. Гранта, которые считают, что немецкий физик со всей «решимостью навязывает свой оригинальный “бренд” философского идеализма новой науке» [9, с. 137]. На последующих страницах своей книги к высказанной оценке они добавляют новые: «Гейзенберг отменяет критерий научной объективности» [9, с. 143]; он «предпочитает обращаться к философской мистике» [9, с. 144] и т. д.

Подобные оценки философским воззрениям В. Гейзенберга давали и отечественные философы, специалисты в области философских вопросов физики. Так, во втором издании книги В. Гейзенберга «Философские проблемы атомной физики» (2004) воспроизведена вступительная статья И. В. Кузнецова к первому ее изданию (1953). В ней утверждается, что В. Гейзенберг «насильственно навязывает современной физике отрицание объективной реальности», а «воззрения, которые защищает Гейзенберг вместе с Бором, есть старая-престарая идеалистическая теория принципиальной координации Маха и Авенариуса» [10, с. 36–38]. Обвинения Н. Бора и В. Гейзенберга в идеализме проводятся через всю статью И. В. Кузнецова.

Те же обвинения, хотя и в менее агрессивной форме, присутствуют и в учебном пособии В. С. Готта «Философские вопросы современной физики» (1972). В нем говорится, что «В. Гейзенберг лишает пространство, время, причинность объективного содержания», демонстрирует «движение не к диалектическому материализму, а к объективному идеализму Платона и мистике чисел пифагорийцев» [11, с. 89, 93] и т. д.

Подобные выводы относительно философских воззрений немецкого теоретика делали М. Э. Омеляновский и некоторые другие философы бывшего СССР. В настоящее время такого рода критики В. Гейзенберга в отечественной философской литературе нами не замечено. И в научных трудах, и в учебных пособиях объективно оценивается его вклад в становление современной физики, синтеза науки и философии. Примером сказанного могут быть суждения А. В. Ахутина о философском и научном творчестве В. Гейзенберга [12].

Однако и в указанной работе не отмечается роль немецкого физика в становлении нового понимания соотношения субъекта и объекта познания, значимости методов и средств познавательной деятельности в получении знаний о самых глубинных уровнях организации природы и в конечном итоге неклассического типа научной рациональности. Его концептуальное выражение обосновано В. С. Стёпным. «Неклассический тип научной рациональности, – пишет он, – учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира» [13, с. 326].

Таким образом, В. Гейзенберг был одним из первых естествоиспытателей, заложивших основы понимания неклассического типа научной рациональности. Ее элементами являются отказ от лапласовского детерминизма классической науки и включение в систему методологических оснований естествознания статистической, вероятностной формы причинности. Все это позволило немецкому теоретику сформулировать видение места человека в природе и особенности ее постижения. Причем оно определялось новой физикой. «Атомный физик, – писал ученый, – вынужден мириться с тем, что его наука представляет собой всего лишь звено в бесконечной цепи взаимоотношений человека и природы, она не может говорить попросту о природе “как таковой”. Познание природы всегда уже предполагает присутствие человека, и надо ясно сознавать, что мы, как выразился Бор, не только зрители спектакля, но одновременно и действующие лица драмы» [3, с. 295].

Представления о человеке как действующем лице в природе существенно меняют и характер познания последней. В современном естествознании, отмечал В. Гейзенберг, «предметом исследования является уже не природа сама по себе, а природа, поскольку она подлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречает самого себя» [3, с. 301].

Сегодня человек встречает прежде всего результаты своей природообразующей и разрушительной деятельности. Он все еще не стремится осознать свою принадлежность природе и зависимость собственного бытия от нее. Вот почему В. Гейзенберг советовал человеку включиться в жизнь природы [3, с. 300]. Но человек не спешит это делать. Между тем результатом такой задержки является все более углубляющийся экологический кризис.

Обоснование немецким физиком нового характера отношения человека к природе завершается выводом о важности замены словосочетания «картина природы» выражением «картина наших отношений к природе». Раскрытие содержания и сущности последнего ученый считал серьезнейшей задачей современной ему науки. «В поле зрения этой науки, – писал В. Гейзенберг, – прежде всего сеть взаимоотношений человека с природой, те связи, в силу которых мы, телесные существа, представляем собой часть природы, зависящую от других ее частей, и в силу которых сама природа оказывается предметом нашей мысли и действия только вместе с самим человеком» [3, с. 304].

Меняется и место научного знания о природе, которое перестает быть внешним наблюдателем. Наука начинает осознавать себя как «частный вид взаимодействия человека с природой». Изменяется роль научного метода: он своим «действием изменяет и преобразует предмет познания, вследствие чего сам метод уже не может быть отстранен от предмета. В результате естественно-научная картина мира, по существу, перестает быть только естественно-научной» [3, с. 304]. В ней должное место занимают человек и результаты его трудовой и познавательной деятельности. Такой видится эволюция представлений В. Гейзенберга о природе.

«Единое, благое, истинное» и постнеклассическая рациональность

На становление данных представлений большое влияние оказали воззрения И. Гёте (1749–1832). В работах В. Гейзенберга присутствуют многочисленные упоминания И. Гёте и цитаты его положений, касающихся природы и отношения к ней человека. В этой части настоящего исследования предметом анализа будет только статья В. Гейзенберга «Картина природы у Гёте и научно-технический мир» (1967) [3, с. 306–323]. Ее автор обращает внимание на коренное различие в понимании природы И. Ньютоном

и И. Гёте. По утверждению немецкого теоретика, И. Гёте, «рассматривая природу, неуклонно исходит от человека; при этом именно человек и его непосредственное переживание природы образуют то средоточие, которое связует все явления в осмысленный порядок». Такую формулировку В. Гейзенберг называет верной, поскольку «она позволяет с особой ясностью понять различие в подходах И. Гёте и И. Ньютона к природе» [3, с. 315]. Последний, как известно, не видел места и роли человека в природе. За это И. Ньютон подвергался критике со стороны И. Гёте¹.

В упомянутой статье В. Гейзенберга значительное место отводится анализу критики И. Гёте современных ему физиков за абсолютизацию только экспериментальных методов познания природы и игнорирование роли органов чувств человека в этом познании. Диалектическую структуру познавательного процесса И. Гёте предложил в следующей форме: «Всякое же смотрение переходит в рассматривание, всякое рассматривание – в размышление, всякое размышление – в связывание, и поэтому можно сказать, что при каждом внимательном взгляде, брошенном на мир, мы уже теоретизируем» [15, с. 127]. Эту особенность метода познания природы высоко оценил В. Гейзенберг: «И. Гёте был убежден, что отвлечение от чувственной реальности мира, вступление в эту беспредельную сферу абстракции должны принести с собой гораздо больше дурного, чем доброго» [3, с. 308]. На последующих страницах исследуемого труда В. Гейзенберг отмечает все то «дурное», что привнесла классическая механика Ньютона в понимание природы. Однако с особой теплотой физик цитирует положения И. Гёте, касающиеся его видения характера отношения человека к природе.

Природу И. Гёте считал не только объективной реальностью. В ней существенное место, с его точки зрения, занимает человек. «Природа принадлежит сама себе, существо – существу, человек принадлежит природе, она – человеку», – писал он [15, с. 218]. При такой взаимосвязи человека и природы первый обязан относиться по-другому к природе. Со всей категоричностью И. Гёте утверждал, что человек в своих отношениях с природой должен «пользоваться только мерой добра [а не зла]» [15, с. 322]. Тогда его тело и душа будут пребывать в радости, а его духовные силы станут «расплываться в добродетель, филантропию, чувствительность». Все отмеченное свидетельствует о том, что И. Гёте обосновывал этическое отношение человека к природе, которая является для него носителем нравственных ценностей [16, с. 24–34].

Следующей значимой ценностной стороной природы И. Гёте считал ее красоту. Во всех своих научных, художественных и философских произведениях немецкий мыслитель проводил мысль об объективности красоты природного мира, причем выражал ее через категорию прекрасного. Последняя выступает у него выражением красоты, ее сущностного начала. Причем И. Гёте не сомневается в объективности прекрасного, способности человека воспринимать и передавать данное свойство природы не только в форме понятий эстетики, но и как проявление объективных законов природы. Так, в работе «Максимы и рефлексии» (1822–1832) он пишет о «существовании прекрасной природы». Для него прекрасное есть ее объективное свойство. Концептуально отношение прекрасного и природы И. Гёте выразил в следующей форме: «Прекрасное – манифестация сокровенных законов природы; без его возникновения они навсегда остались бы сокрытыми» [17, с. 427]. В силу этого постижение прекрасного в природе есть важнейшее условие познания самой природы и получения истинного знания о ней.

Единство отмеченных аспектов познания природы, обоснованных И. Гёте, высоко оценил В. Гейзенберг, который писал, что «понятие истины неотделимо для И. Гёте от понятия ценности. *Unum, bonum, verum* (единое, благое, истинное) было для него, как и для древних философов, единственно возможным компасом, по которому на протяжении столетий могло ориентироваться человечество в поисках своего пути» [3, с. 314].

С огромным сожалением В. Гейзенберг отмечал, что человечество, и прежде всего естествоиспытатели, проигнорировало то направление познания природы и научно-технического прогресса, которое обосновывал И. Гёте. Именно забвение ценностных сторон природы, техническая стратегия развития цивилизации привели к тому, что «естественная наука перешла к абстракции, достигла неслыханного размаха в современной технике, проникла в первичные структуры биологии»; произошло «обездушивание и обезличивание труда»; наметился невероятный рост современного вооружения. Все это есть свидетельство опасности сложившегося пути развития нынешней цивилизации. В таких условиях актуально обнаружение в природе и сохранение той «светлой сферы» (прекрасного и благого. – *П. К.*), которую «умел распознать в природе И. Гёте» [3, с. 322]. Данная сфера должна стать, по мнению В. Гейзенберга, предметом постижения современного естествознания. Она также была в центре внимания немецкого физика.

Подтверждением сказанного могут быть суждения ученого относительно красоты природы и ее выражения в естествознании. Как и великий немецкий мыслитель И. Гёте, В. Гейзенберг считал красоту

¹Эта грань творчества И. Гёте освещается нами в работе «Природа в художественной литературе» [14, с. 52–66].

объективным свойством природы. Оно и должно стать, по убеждению физика, предметом научного знания: «Красота природы отражается в красоте наук о природе» [3, с. 268]. Саму же красоту природы он связывал с согласованностью частей в природном целостном объекте, их гармонией и единством в этом целом. В таком виде они предстают перед человеком как прекрасные в своем существовании и порождают у него эстетические чувства. Да и в научном знании они будут выражаться в непротиворечивой теории, в которой составляющие ее элементы должны находиться в согласованности друг с другом. Единство многих элементов в целостной теории есть свидетельство ее красоты. «Тот факт, – писал Гейзенберг, – что в подобной теории многому противопоставляется единое, что многое в ней объединяется, уже сам по себе приводит к тому, что теория эта воспринимается нами одновременно и как простая, и как прекрасная» [3, с. 275].

В. Гейзенберг приводит примеры таких теорий: рациональное соотношение чисел в математической школе Пифагора, совершенные геометрические фигуры у Платона, гармоничные траектории движения планет у Кеплера и т. д. Красота отмеченных и других теоретических обобщений была побудительной силой искания их авторами истины. Известное изречение Платона «Красота – сияние истины» В. Гейзенберг советует понимать в том смысле, что «исследователь узнает истину прежде всего по этому сиянию, по излучаемому ею свечению» [3, с. 275].

Именно «свечение красоты» атомным уровнем строения и организации природы еще в 1920-х гг. стимулировало молодого физика П. Дирака направить усилия на разработку законченной квантовой теории атомной оболочки [3, с. 26]. В. Гейзенберг называл П. Дирака человеком выдающихся математических способностей. Он внес огромный вклад в обоснование квантовой механики как новой области знания и в ту форму, в которой она вошла в науку. К тому же П. Дирак разработал релятивистскую теорию электрона и открыл позитрон [3, с. 102]. Это открытие было сделано в 1928 г. Наличие позитрона П. Дирак предсказал при обосновании квантового уровня движения электрона с высокими скоростями (уравнение Дирака), из которого следовало существование позитрона и явления аннигиляции элементарных частиц. Позже (1932) существование электрона было подтверждено экспериментальными методами. Оказалось, что при воздействии кванта света на электрон последний порождает пару «электрон – позитрон». Открытие позитрона В. Гейзенберг называл «важнейшим сдвигом из всех возможных сдвигов в физике нашего столетия», поскольку оно «изменило все наше представление о материи» [3, с. 102]. Это изменение представлений касалось воззрений на понятие элементарности в физике. Произошло «полное крушение старого понятия элементарной частицы. Элементарная частица оказалась уже не элементарной. Это фактически сложная система, точнее, сложная система многих тел, и она обнаруживает в себе все те структурные взаимосвязи, которые характерны для молекулы или любого другого объекта подобного рода» [3, с. 103].

Вышесказанное всего лишь одно из подтверждений роли красоты в постижении истинного знания о природе. Здесь будут уместны и суждения самого П. Дирака о роли красоты математической теории в познавательной деятельности физиков. Ученый отмечал, что красота научной теории является также тем фактором, который направляет исследователя на постижение красоты природы и ее достоверного воспроизведения в теории: «Общие законы природы, когда они выражены в математической форме, обладают математической красотой в очень высокой степени. Это дает физику-теоретика могучий метод, руководящий его действиями. Если он видит, что в его теории имеются уродливые части, то он считает, что именно эти части неправильны и что он должен сконцентрировать на них свое внимание; их нельзя игнорировать, но тем более нельзя создавать для них искусственную “красоту”, так природа может ее опровергнуть и разоблачить» [18, с. 4].

На важность постижения и объективного выражения красоты природы в системе научного знания особое внимание обращал и В. И. Вернадский¹.

По мнению В. Гейзенберга, «прекрасная теория» может способствовать решению и других научных проблем и социальных задач, таких как постановка экспериментов, создание новых видов техники, определение стилей в «строительном искусстве» и т. д. При их реализации ученый советует учитывать также этическую сторону всего, что создает человек, и ее первооснову – природу. Именно «развертывание прекрасной первоструктуры» неизбежно приводит к осознанию ее этических ценностей, которые налагают определенные «требования к характеру исследования природы» [3, с. 277]. Хотя немецкий теоретик и не раскрывал содержания этических ценностей и их роли в определении характера познавательной деятельности физиков, но то, что он считал предметом познания эстетические и этические аспекты природы, было новым направлением исследований для физиков.

Успехи постижения этих аспектов В. Гейзенберг связывал с использованием познавательных установок И. Гёте и прежде всего сочетания чувственной и рациональной сторон познания: «Еще и сегодня

¹Подробнее об этом см. наше специальное исследование [19].

И. Гёте может научить нас тому, что не следует допускать вырождения всех других познавательных органов за счет развития одного рационального анализа, что надо, напротив, постигать действительность всеми дарованными нам органами и уповать на то, что в таком случае и открывшаяся нам действительность отобразит сущностное, “единое, благое и истинное”» [3, с. 323]. С таким выводом нельзя не согласиться.

В приведенном выше высказывании не просто отмечается достоинство познавательной установки постижения природы, предложенной И. Гёте, а вскрываются элементы современной постнеклассической рациональности. У ее истоков следует видеть и научное творчество В. Гейзенберга, ведь в его концепции природы существенное место занимает человек. У него природа является «человекомерным» объектом, изучать который необходимо с учетом этических и эстетических аспектов. Поиск истинного знания о природе ученый связывал с этическими и эстетическими нормами исследователя и ценностными идеалами общества. Все это – типичные черты постнеклассической рациональности. По Стёпину, для последней характерно то, что «внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями. Этическая экспертиза включается в качестве компонента в идеал обоснования научных знаний» [8, с. 455]. В становление данного типа рациональности определенный вклад внес и В. Гейзенберг, чьи трактовки природы заложили основы современной концепции философии природы.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что В. Гейзенберг развивал весьма привлекательные и научно обоснованные воззрения на природу. Хотя и до настоящего времени целостная концепция природы (да и философии природы) не сформулирована, идеи ученого, касающиеся строения и организации природы, отношения к ней человека, должны занять соответствующее место в системе этой концепции. Вот почему их нельзя игнорировать исследователям, которые занимаются разработкой данной концепции. Ведь все вопросы и проблемы, которые поднимал и обсуждал В. Гейзенберг, составляют значимую часть предметного поля современной концепции природы. При этом важно, чтобы упомянутые и другие воззрения выдающегося немецкого физика относительно природы использовались в том числе в учебной работе со студентами, магистрантами и аспирантами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2001.
2. Шрёдингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. М., 1972.
3. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.
5. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М., 2004.
6. Гейзенберг В. Введение в единую полевую теорию элементарных частиц. М., 1968.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы // Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 343–626.
8. Степин В. С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма // Синтез филос., науки, культуры. К 80-летию акад. В. С. Степина. Минск, 2014. С. 448–462.
9. Вудс А., Грант Т. Бунтующий разум. Марксистская философия и современная наука. М., 2015.
10. Кузнецов И. В. Вернер Гейзенберг и его философские позиции в физике // В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики. М., 2004. С. 31–55.
11. Готт В. С. Философские вопросы современной физики. М., 1972.
12. Ахутин А. В. Вернер Гейзенберг и философия // В. Гейзенберг. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 361–394.
13. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006.
14. Карако П. С. Природа в художественной литературе. Минск, 2009.
15. Гёте И. Избранные философские произведения. М., 1964.
16. Карако П. С. Природа и нравственность. Минск, 2013.
17. Гёте И. Собр. соч. : в 10 т. М., 1980. Т. 10.
18. Дирак П. Электроны и вакуум. М., 1957.
19. Карако П. С. В. И. Вернадский об основаниях красоты биосферы // Чел., о-во, природа (к 150-летию со дня рожд. В. И. Вернадского) : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13 марта 2013 г.). СПб., 2013. С. 18–23.

REFERENCES

1. Prigogin I. Konets opredelennosti. Vremya, khaos i novye zakony prirody. Igevsck, 2001 (in Russ.).
2. Schrodinger E. Chto takoe zhizn'?' S tochki zreniya fizika. Mosc., 1972 (in Russ.).
3. Geizenberg V. Shagi za gorizont. Mosc., 1987 (in Russ.).
4. Geizenberg V. Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe. Mosc., 1989 (in Russ.).
5. Geizenberg V. Filosofskie problemy atomnoi fiziki. Mosc., 2004 (in Russ.).
6. Geizenberg V. Vvedenie v edinuyu polevuyu teoriyu elementarnykh chastits. Mosc., 1968 (in Russ.).
7. Marx K., Engels F. Dialektika prirody. Soch. 2nd ed. Mosc., 1961. Vol. 20. S. 343–626 (in Russ.).

8. Stepin V. S. Postnonclassical rationality and synergetic paradigm. *Sintez filos., nauki, kul'tury. K 80-letiyu akad. V. S. Stepina*. Minsk, 2014. P. 448–462 (in Russ.).
9. Wuds A., Grant T. Buntuyushchii razum. Marksistskaya filosofiya i sovremennaya nauka. Mosc., 2015 (in Russ.).
10. Kuznetsov I. V. Verner Geizenberg i ego filosofskie pozitsii v fizike. In V. Geizenberg. *Filosofskie problemy atomnoi fiziki*. Mosc., 2004. P. 31–55 (in Russ.).
11. Gott V. S. Filosofskie voprosy sovremennoi fiziki. Mosc., 1972 (in Russ.).
12. Ahutin A. V. Verner Geizenberg i filosofiya. In V. Geizenberg. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe*. Mosc., 1989. S. 361–394 (in Russ.).
13. Stepin V. S. Filosofiya nauki. Obshchie problemy. Mosc., 2006 (in Russ.).
14. Karako P. S. Priroda v khudozhestvennoi literature. Minsk, 2009 (in Russ.).
15. Goethe I. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Mosc., 1964 (in Russ.).
16. Karako P. S. Priroda i nravstvennost'. Minsk, 2013 (in Russ.).
17. Goethe I. Sobr. soch. : in 10 vol. Mosc., 1980. Vol. 10 (in Russ.).
18. Dirak P. Elektrony i vakuum. Mosc., 1957 (in Russ.).
19. Karako P. S. Vernadsky about the biosphere beauty grounds. *Chelovek, obshchestvo, priro. (k 150-letiyu so dnya rozhd. V. I. Vernadskogo)* : materialy Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. (Saint Petersburg, 13 March, 2013). St. Petersburg, 2013. P. 18–23 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 08.09.2016.
Received by editorial board 08.09.2016.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЭРНЕСТА СОЗЫ И ДРУГИЕ ТЕОРИИ ЗНАНИЯ

И. Е. ПРИСЬ¹⁾

¹⁾ Университет Дортмунда, ул. Унверхоффт, 23, 44263, г. Дортмунд, Германия

Перечислены основные положения эпистемологии когнитивных способностей/качеств американского философа Э. Созы. Приводится ее сравнение с другими подходами, указываются сильные и слабые места. Акцент делается на понимании природы и ценности знания. Отмечено, что подход Э. Созы страдает от недостатка философии языка и избытка метафизики, требующих витгенштейновской «терапии». Доказано, что сначала-знание-эпистемология Т. Уильямсона является более глубоким и удовлетворительным подходом, допускающим витгенштейновскую интерпретацию и позволяющим выработать единый взгляд на подходы Э. Созы, Д. Притчарда, С. Голдберга и других философов.

Ключевые слова: знание; природа знания; ценность знания; эпистемические способности/качества; подходящее мнение; безопасное мнение; животное знание; рефлексивное знание; полное знание; эпистемическое достижение.

ERNEST SOSA'S EPISTEMOLOGY AND OTHER THEORIES OF KNOWLEDGE

F.-I. E. PRIS^a

^a University of Dortmund, Unverhofft street, 23, 44263, Dortmund, Germany

We present the main traits of E. Sosa's virtue (ability) epistemology, compare it with other approaches and highlight its strong and weak points. We focus on the problems of understanding of the nature and value of knowledge. In our view, Sosa's approach suffers from a lack of the philosophy of language and an excess of metaphysics, which requires a Wittgensteinian «therapy». In this sense, T. Williamson's «knowledge-first» epistemology is a more satisfactory and deep approach. Besides, we think, it allows for a Wittgensteinian interpretation and also the elaboration of a unified treatment of the approaches of E. Sosa, D. Pritchard, S. Goldberg and others.

Key words: knowledge; nature of knowledge; value of knowledge; epistemic abilities/virtues; apt belief; safe belief; animal knowledge; reflective knowledge; full knowledge; epistemic achievement.

Если субъект S знает, что p , то естественно предположить, что это знание приобретено в результате применения им своих когнитивных способностей или когнитивных интеллектуальных качеств. В дальнейшем для краткости мы будем говорить просто об эпистемологии когнитивных способностей.

Когнитивная способность в некоторой области – это способность отличать в ней истинные утверждения от ложных. Например, перцептивная способность считается в эпистемологии когнитивной.

Наличие знания предполагает наличие истинного мнения (но не наоборот). Применение когнитивных способностей для приобретения истинного мнения и соответствующего знания означает, что истинное

Образец цитирования:

Прись И. Е. Эпистемология Эрнеста Созы и другие теории знания // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 36–44.

For citation:

Pris F.-I. E. Ernest Sosa's epistemology and other theories of knowledge. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 36–44 (in Russ.).

Автор:

Игорь Евгеньевич Прись – кандидат философских наук; ассоциированный научный сотрудник.

Author:

François-Igor Pris, PhD (philosophy); associate researcher. frigpr@gmail.com

мнение не является случайным. То есть в известной мере условие применения когнитивных способностей предполагает отсутствие эпистемического везения, формально выражаемого в виде так называемого условия безопасности истинного мнения, выполнение которого необходимо для наличия знания.

Истинное мнение субъекта S , что p , безопасно тогда и только тогда, когда оно не могло бы с легкостью быть ложным. Иными словами, в ближайших возможных мирах мнение субъекта S является истинным.

Между тем саму интуицию об отсутствии эпистемического везения (или условие безопасности) можно взять в качестве отправного пункта, поскольку знание есть истинное мнение, которое приобретает не случайным образом (не является случайным). Эта интуиция предполагает интуицию о применении когнитивных способностей, поскольку последняя позволяет объяснить неслучайность истинного мнения.

Таким образом, две указанные интуиции тесно связаны между собой. Это делает возможным существование различных подходов к знанию – в зависимости от того, в какой мере и каким образом предпочтение отдается той или иной интуиции.

В рамках эпистемологии американского философа Эрнеста Созы [1–8] интуиция о когнитивных способностях является доминирующей. В первом приближении определение знания имеет следующий вид: субъект S знает, что p , если его истинное мнение, что p , является прямым причинным результатом применения им своих подходящих и надежных когнитивных способностей. Это жесткая эпистемология когнитивных/эпистемических способностей, или эпистемология «знания как достижения». Основные ее компоненты, по мнению Э. Созы, присутствуют у Декарта.

В то же время, например, антислучайная эпистемология способностей Д. Притчарда [9–11] комбинирует обе интуиции, а также принимает во внимание связь между ними.

Для Д. Притчарда субъект S знает, что p , тогда и только тогда, когда истинное мнение S , что p , безопасно, является результатом применения субъектом его когнитивных способностей, что позволяет в значительной мере объяснить его безопасный когнитивный успех.

Данное определение в отличие от того, которое дает Э. Соза, не требует определяющей причинной связи между применением когнитивных способностей и когнитивным успехом, но подразумевает выполнение условия безопасности.

Можно согласиться с Д. Притчардом, С. Голдбергом [12] и другими философами в том, что подходы к знанию, основанные на доминировании одной из двух вышеуказанных интуиций, – чистая эпистемология когнитивных способностей и чистая эпистемология безопасного истинного мнения (в более уточненном варианте предполагается также, что сам метод получения безопасного истинного мнения является безопасным [13]), – опровергаются контрпримерами, приведенными ниже.

Тем не менее в своей новой работе Э. Соза совершенствует эпистемологию способностей, отвечает на возражения и по-прежнему считает свой подход правильным [8].

С точки зрения Дж. Греко [14], также сторонника эпистемологии способностей, этот подход более элегантен, чем другие, в частности подход Д. Притчарда¹, требующий введения двух условий: безопасности и применения когнитивных способностей, – и позволяет дать ответ на вопрос как о природе знания, так и о его ценности.

Заметим, что возражения Дж. Греко [14] и Э. Созы [8] против эпистемологии Д. Притчарда (которой мы симпатизируем, хотя в то же время более фундаментальным подходом считаем сначала-знание-эпистемологию британского философа Т. Уильямсона) не являются решающими.

В настоящей статье, однако, мы ограничимся анализом подхода к знанию Э. Созы. Раскрыв основные положения его эпистемологии способностей, попытаемся сравнить ее с другими подходами и укажем на сильные и слабые стороны. Особое внимание уделим вопросам природы и ценности знания.

Знание Э. Созы определяет как подходящее (англ. *apt*) мнение [4; 5; 8]. Подходящесть мнения означает выполнение трех условий (подразумевает удовлетворение трем нормам – AAA):

- 1) мнение истинно;
- 2) истинное мнение является результатом применения субъектом своих когнитивных способностей (субъект действует компетентным образом);
- 3) когнитивные способности субъекта (его компетенция) проявляются в его когнитивном успехе.

Последнее условие предполагает наличие естественной связи между двумя первыми: субъект достигает когнитивного успеха по причине (речь идет именно о причинной связи) применения им своих подходящих и достаточно надежных когнитивных способностей, которые вследствие этого проявляются в когнитивном успехе. То есть истинность мнения ни в коей мере не является случайной – она скорее закономерна. Условие подходящесть исключает возможность девиантной причинной связи.

¹Дж. Греко полагает, на наш взгляд несправедливо, что подход Д. Притчарда является подходом *ad hoc*.

Таким образом, для Э. Созы формула знания имеет следующий ААА-вид:

знание = успех (*accuracy*) + компетенция (*adroitness*) + подходящесть (*aptness*) (предполагающая успех и компетенцию).

Как показал Э. Гетье [15], истинное обоснованное мнение необязательно является знанием. (При этом предполагается традиционное понятие обоснования, допускающее обоснованные ложные мнения.)

Истинное мнение, полученное в результате применения когнитивных способностей и, следовательно, представляющее собой обоснованное истинное мнение, не является знанием, если оно (его истинность) случайно.

Так, в известном примере [16] фермер при благоприятных условиях формирует истинное обоснованное мнение о том, что в поле находится овца, тогда как на самом деле он видит перед собой овцеподобную собаку, за которой, однако, действительно случайным образом оказалась овца.

В данной ситуации когнитивная (зрительная) способность фермера не проявляется в его случайном когнитивном успехе, который достигается не по причине ее применения фермером. Поэтому с точки зрения эпистемологии когнитивных способностей фермер не знает, что в поле находится овца.

Наличие у субъекта некоторой способности/компетенции, в частности делать корректное суждение, означает, что он достаточно надежным образом (в большинстве случаев) приходит к соответствующему успеху, если стремится к этому.

Для Э. Созы проявляющая себя в успехе полная способность/компетенция имеет следующую (полную) SSS-структуру¹. Навык (*skill*) – это способность, абстрагированная от своих применений, или наиболее внутренняя составляющая полной способности. Иными словами, в ограниченном, чисто внутреннем виде способность присутствует и тогда, когда она не используется (S). В более полном виде («навык + форма») она присутствует тогда, когда оказывается настроенной на применение – возможно, в определенном виде ситуаций (SS). И наконец, она проявляет себя полностью в конкретной ситуации (SSS).

Например, способность вести автомобиль сохраняется и во время сна, но она имеет лишь первую, чисто внутреннюю составляющую – S. В более полном SS-виде эта способность присутствует у субъекта в состоянии бодрствования и его готовности вести автомобиль. Наконец, полная способность (SSS) – это способность вести автомобиль в той или иной ситуации. Она проявляется в акте управления автомобилем.

Аналогичным образом для Э. Созы диспозиции имеют *SeShSi*-структуру² [8, р. 27]. В частности, диспозиция субъекта делать корректное суждение имеет *SeShSi*-базис.

Понимание знания как подходящего мнения выявляет природу знания и предполагает, что концепт знания вторичен по отношению к концепту мнения. В известном смысле Э. Соза предлагает анализ (природы и концепта) знания: знание есть истинное мнение плюс условие подходящести. Этот анализ, однако, существенно отличается от большинства других, появившихся после Гетье и предлагающих необходимые и достаточные условия для знания в следующем виде: знание есть истинное (или истинное и обоснованное) мнение, удовлетворяющее некоторому дополнительному условию, не употребляющему концепт знания.

Таким образом, для Э. Созы, как и для Т. Уильямсона [17–24], знание (концепт и природа) не может быть проанализировано некруговым образом в виде необходимых и достаточных условий. Анализ знания, предлагаемый обоими философами, является не семантическим, а метафизическим, причем у Э. Созы (но не у Т. Уильямсона) это анализ в терминах явлений более фундаментальных, чем знание, т. е. анализ конститутивный. Знание для них не представляет собой конъюнкцию независимых составляющих. У Э. Созы анализ знания причинный. Благодаря этому между составляющими понятия «знание» устанавливается логически или метафизически необходимая связь.

В отличие от подхода Э. Созы сначала-знание-эпистемология Т. Уильямсона [17–24] (которая, с нашей точки зрения, имеет наибольшие шансы на успех) в качестве первичного понятия принимает понятие знания.

Несмотря на то что Т. Уильямсон критиковал витгенштейнизм (см., например, его дискуссию с Полом Хорвиком [25])³, его философский подход, на наш взгляд, в значительной мере является расширением витгенштейновского по духу подхода в область аналитической эпистемологии и метафизики. (Отметим, что французский философ Ж. Бенуа [26–29], если мы его правильно понимаем, расширяет витгенштейновский подход в область феноменологии и философии сознания и полагает, что его можно расширить и в область метафизики.)

¹Skill/Shape/Situation (навык/форма/ситуация).

²Seat/Shape/Situation (место (внутренний базис)/форма/ситуация).

³На самом деле, как нам представляется, Т. Уильямсон критикует псевдо-Витгенштейна, а не самого Л. Витгенштейна.

Как было сказано выше, Т. Уильямсон не отвергает анализ знания как таковой. Напротив, он предлагает следующий несемантический (нередукционный, но не концептуальный нередукционный) анализ природы знания [17]: знание, что p , является наиболее общим фактивным ментальным состоянием (пропозициональной установкой).

Иными словами, знание – это такая пропозициональная установка, которую имеют в отношении предложения p , если в отношении него вообще существует какая-либо фактивная пропозициональная установка, являющаяся ментальным состоянием (англ. *stative*) [17, р. 34]. Фактивность установки означает, что для любого предложения p , если мы имеем по отношению к p эту установку, то с необходимостью p истинно.

В своих работах [17; 19, р. 285–292] Т. Уильямсон утверждает, что знание однозначно (с точностью до логической эквивалентности [17, р. 39]) определяется в соответствии с тремя следующими правилами.

(а) Пусть Φ есть *FMSO* – оператор фактивного ментального состояния (*factive mental state operator*). Тогда из « $S \Phi s$, что p », можно вывести p .

(б) «Знаю» есть *FMSO*.

(с) Для любого *FMSO*, если Φ есть *FMSO*, то из « $S \Phi s$, что p », можно вывести «знаю, что p ».

Правило (а) относится к определению *FMSO*, а правила (б–с) – к собственно теоретическому определению понятия знания.

Оператор *FMSO* фактивен, относится к ментальному состоянию, пропозиционален, семантически не анализируем [17, р. 35–36].

Приведенное определение знания не является, таким образом, семантически редукционным. Оно также не прибегает к понятиям обоснования, причинной связи и надежности. В то же время, как отмечает Т. Уильямсон, знание очень чувствительно к указанным факторам, и это должно быть объяснено.

Британский философ устанавливает аналогию между знанием и действием. В частности, когнитивному успеху соответствует практический успех, мнению – попытка (или намерение) совершить действие, а знанию – интенциональное успешное действие. Истинное мнение, которое не является знанием, возникает в результате нарушений в когнитивном процессе приобретения знания. Аналогичным образом практический успех может быть достигнут в результате неинтенционального действия или же действия с нарушенной интенциональностью.

Как и Т. Уильямсон, Э. Соза сравнивает знание с действием. Более того, для него знание (и суждение) есть вид действия. Полная аналогия Э. Созы имеет следующий вид [8, р. 129].

Теория действия (нормативных перформансов): попытка, успешная попытка, компетентная попытка, компетентная и успешная попытка, подходящая попытка, рефлексивно подходящая попытка, полностью подходящая попытка.

Эпистемология: (алетическое) утверждение/мнение, успешное утверждение/мнение, компетентное утверждение/мнение, компетентное и успешное утверждение/мнение, подходящее утверждение/мнение (= животное знание), рефлексивно подходящее утверждение/мнение (рефлексивное знание), полностью подходящее утверждение/мнение = (подходящее) суждение (= полное знание).

Например, если в результате компетентного выстрела лучника стрела попадает в цель и это попадание обязано его компетенции (допустим, исключается возможность, что ветер сначала отклонил стрелу от ее успешной траектории, а потом вернул на нее, – в этом случае в игру вмешалось бы везение, т. е. компетенция лучника не проявилась бы в достигнутом успехе), то выстрел является подходящим, что в эпистемологии соответствует подходящему мнению. Подходящее (лишь в первом порядке) мнение может быть выражено в виде утверждения, но не суждения.

Охотник, обладающий высоким уровнем компетентности, может осознанно направлять свою компетентность первого порядка, т. е. компетентность для непосредственного достижения поставленной цели. Например, он может минимизировать риск, выбирая цель наилучшим образом. Такого рода выстрелы будут успешными в более полной мере.

Аналогичным образом Э. Соза вводит понятие полного знания (см. список «Эпистемология» выше) – знания, которое удовлетворяет условиям подходящести как первого (т. е. животное знание необходимо для полного знания), так и второго порядка, или знания, в котором сама подходящестя является подходящей. Иными словами, полное знание – это в известном смысле гарантированный когнитивный успех.

Заметим, что введение подходящести второго порядка логически влечет за собой введение подходящести высших порядков. По мнению Э. Созы, возникающий регресс не является плохим. Последовательность остаточных подходящестей высших порядков является быстроубывающей, так что на практике подходящести второго порядка достаточно для полной подходящести [8, р. 86].

Для американского философа когнитивный перформанс есть частный случай перформанса *tout court*. «Подходящестя эпистемического утверждения первого порядка достигается через управление,

осуществляемое подходящим восприятием второго порядка, что такое утверждение было бы подходящим. Этот случай полностью подходящего перформанса как раз и есть случай полного знания»¹ [8, p. 86].

Полное знание является (подходящим образом) рефлексивным. Однако не всякое рефлексивное знание является полностью подходящим (полным). (Понятие полного знания Э. Созы позволяет сделать введенное им ранее различие между животным и рефлексивным знанием [4–5] более глубоким.)

Аналогия: выстрел охотника может быть осознанно (рефлексивно) рискованным. Такой выстрел является рефлексивным, но не является полностью подходящим. Просто подходящее знание, т. е. лишнее подходящести второго порядка, а также рефлексивности, – это животное знание.

Помимо прочего, Э. Соза говорит о «знаниях», которые, быть может, не являются собственно знаниями (даже животными, а не только полными). Так, подходящее предположение (*apt guess*) – это пример «знания». То есть имеется своего рода семейство понятий знания. Причем здесь возникает вопрос о том, относятся ли эти «знания» к одному и тому же понятию (в этом случае между ними имелось бы витгенштейновское семейное сходство) или же речь идет о различных понятиях. Данный вопрос, требующий для своего решения применения философии языка, Э. Соза не рассматривает.

Хотя первичным понятием у Э. Созы является понятие когнитивной способности, условие безопасности возникает в рамках его эпистемологии как следствие. В частности, животное знание безопасно, но не в смысле рефлексивной безопасности, а в смысле животной безопасности первого порядка. (Полное знание безопасно как в первом, так и во втором порядке.)

По этой причине случаи Гетье возможны и на животном уровне. Если нарушается условие безопасности первого порядка, мы имеем дело со случаем Гетье. В то же время выполнение условия безопасности первого порядка не гарантирует наличия животного знания. Необходимо удовлетворение условия подходящести истинного мнения, подразумевающего применение когнитивных способностей. Аналогичным образом, например, успех в поиске золотого предмета в темной комнате, где все предметы золотые, достигается безопасным образом, но не благодаря применению субъектом своих когнитивных способностей.

Полное знание, являющееся полностью подходящим мнением, удовлетворяет AAA-нормативности как первого, так и второго порядка. Проявляющаяся в нем когнитивная компетенция имеет SSS-структуру как первого, так и второго порядка. Иными словами, в случае полного знания SSS-структура проявляется в самой подходящести (SSS-структура первого порядка обнаруживается в успехе; это равносильно подходящести первого порядка)².

Для Э. Созы полное знание, в отличие от животного знания, выражается в виде суждения. И наоборот, с суждением ассоциируется полное знание [8, p. 113]. Полное знание есть знание-суждение. Оно является интенциональным эпистемическим действием (цель достигается интенционально), тогда как животное знание не интенционально, а функционально.

Американский философ вводит понятие достаточно хорошего знания, т. е. знания, пригодного для действия. В случае если ставки высоки, знание должно иметь высокую степень достоверности, чтобы, исходя из него, можно было действовать. Например, мы можем знать, что лед крепок, и тем не менее побояться ступить на него, если наше знание не является достаточно достоверным.

Суждение Э. Соза понимает как подходящее интенциональное действие, или полностью подходящее (*fully apt*) утверждение (просто подходящее (*apt*) утверждение еще не суждение). Философ признает, что мы имеем знание, выражаемое условно-сослагательными предложениями, и считает, что это знание направляет достижение подходящести мнения.

Кроме того, Э. Соза вводит различие между суждениями первого и второго порядка. Суждение первого порядка, однако, относится не к животному, а к полному знанию (животное знание вообще не может быть выражено в виде суждения, хотя может быть сформулировано в виде утверждения). Суждение второго порядка есть рефлексивное принятие суждения первого порядка.

Критикуя жесткую эпистемологию когнитивных способностей, Д. Притчард считает, что в одних случаях она является слишком сильной, а в других – слишком слабой.

В известном случае Гетье, обусловленном особенностями окружающей среды, Барни находится в районе фальшивых (фасадов) амбаров и случайно смотрит на один-единственный в этом районе настоящий амбар [30]. Барни не знает, что перед ним (он видит) амбар, хотя и формирует истинное обоснованное мнение, что перед ним амбар. Дело в том, что Барни с легкостью мог бы ошибиться. То есть условие безопасности его истинного мнения не удовлетворяется.

Тем не менее его истинное мнение возникает по причине применения им когнитивных (зрительных) способностей. С точки зрения Д. Притчарда, эти способности проявляются в когнитивном успехе.

¹Здесь и далее перевод наш. – И. П.

²Компетенция второго порядка, или метакомпетенция, и компетенция первого порядка независимы друг от друга. Перформанс (в частности, когнитивный) может быть метаподходящим, но не подходящим.

Философ делает вывод, что в этом случае эпистемология когнитивных способностей является слишком слабой, поскольку не позволяет объяснить отсутствие у Барни знания.

Впрочем, Э. Соза [8] отвечает на это возражение. По его мнению, у Барни есть безопасное животное знание (это, заметим, согласуется со сделанным Д. Притчардом выводом [31], что «знание-как», в отличие от «знания-что», менее чувствительно к эпистемическому везению, связанному с окружающей средой), но нет полного (и, значит, рефлексивного) знания. Барни не сможет сформировать суждение, что перед ним настоящий амбар. Соответствующее псевдосуждение, или просто утверждение, не будет удовлетворять условию безопасности второго порядка.

Напротив, в случае знания, полученного от свидетеля, эпистемология когнитивных способностей, считает Д. Притчард, является слишком сильной. Например, когда спрашивают улицу в незнакомом городе, не применяют непосредственно когнитивные (например, перцептивные) способности. Приобретение знания в этом случае в большой степени основано на доверии. Философ заключает, что условие наличия доминирующей причинной связи не является необходимым. Однако Э. Соза вводит понятие индивидуально-групповой когнитивной способности [8], которая, на его взгляд, и применяется в данном случае. То есть для него и здесь знание возникает по причине применения когнитивных способностей.

В свою очередь, Э. Соза критикует подход Д. Притчарда, в частности применение им модального условия, полагая, что наличие одного-единственного ближайшего возможного мира, в котором мнение субъекта оказывается ложным, не делает это мнение небезопасным. Например, по мнению философа, в случае лотереи с маленькой вероятностью выигрыша можно сказать: субъект знает, что он не выигрывает.

Для Э. Созы в случае лотереи нарушается условие восприимчивости (*sensitivity*) к ложности мнения, но не условие безопасности. Аналогичным образом можно знать, что автомобиль, который стоит за домом, не угнан, хотя условие восприимчивости к ложности мнения нарушается: если бы он был угнан, мнение, что он на прежнем месте, могло бы сохраниться. Это может породить иллюзию, будто мы не знаем, что автомобиль на месте. Справедливый, на наш взгляд, ответ Д. Притчарда состоит в том, что в подобных случаях возможный мир, в котором мнение ложно, не является ближайшим, хотя он и может быть более вероятным.

Точно так же Э. Соза решает и проблему скептицизма. С его точки зрения, скептик делает неправильный вывод о том, что мы не знаем, будто внешний мир существует, исходя из того, что мы (по определению) невосприимчивы к скептическому сценарию: если бы мы были «мозгом-в-пробирке», то продолжали бы верить, будто внешний мир существует. Но на самом деле для наличия знания достаточно выполнения лишь условия безопасности, означающего, что в достаточно большом количестве возможных миров мнение истинно. Поскольку скептический сценарий является исключительным, мы знаем, что мы не «мозг-в-пробирке» [2; 8].

Эпистемология Э. Созы, таким образом, оказывается довольно гибкой, быть может, даже излишне, чтобы дать ответ на приведенные возражения. Это достигается, в частности, путем введения новых понятий, которые, на наш взгляд, не всегда хорошо определены, и их комбинаций. На самом деле такого рода гибкость присуща и некоторым другим эпистемологическим подходам. И это не всегда, по нашему мнению, является достоинством. Излишняя гибкость говорит о том, что эти подходы не являются фундаментальными. Сначала-знание-эпистемология представляется нам более удовлетворительным и фундаментальным подходом.

Как было сказано выше, Э. Соза устанавливает тесную аналогию между знанием, суждением и действием. Знание для него есть подходящее (эпистемическое) действие, или эпистемический перформанс. Подходящесть, т. е. успех, в котором проявляется способность/компетенция, – норма для перформанса. В частности, подходящесть является нормой для мнения. Знание есть подходящее мнение. Следовательно, знание есть норма для мнения и для суждения [8, p. 171].

Для Т. Уильямсона также знание есть норма для мнения. В отличие от британского философа Э. Созы, однако, понимает эту нормативность как телеологическую. Знание (истина и подходящесть) является целью для мнения. У Т. Уильямсона норма знания конститутивно нормативна, подобно правилам игры в шахматы.

Понимание природы знания как когнитивного перформанса, удовлетворяющего нормативному условию подходящеости, в то же время позволяет понять его ценность. Для Э. Созы знание имеет телеологическую ценность, т. е. оно ценно само по себе, подобно ценности произведения искусства. Его ценность в том, что оно является совершенным (подходящим) когнитивным перформансом, т. е. перформансом, удовлетворяющим норме подходящеости. Совершенный перформанс лучше, чем несовершенный. Другими словами, ценность знания в том, что оно является особым (эпистемическим) достижением.

Такой вывод нам кажется предпочтительнее, чем вывод Д. Притчарда о том, что знание не имеет какой-то специфической ценности. В частности, философ указывает на то, что не всякое пропозициональное знание является эпистемическим достижением (в то же время в одной из своих работ [32] он аргументирует, что всякое «знание-как» является эпистемическим достижением). Для Д. Притчарда понимание (а не знание) имеет особую ценность. Понимание, что *p*, возможно в отсутствие знания, что *p*, и наоборот.

Наша точка зрения ближе к суждению Т. Уильямсона о том, что ценность знания заключается в его особой стабильности. Это мнение близко к позиции Сократа в платоновском «Меноне». Сократ сравнивает знание с привязанными статуями Дедала: будучи привязанными, они не могут убежать. Иными словами, тот, кто знает дорогу к Ларисе, не может с легкостью потерять свое мнение. Поэтому знание того, как идти к Ларисе, имеет большую ценность, чем просто истинное мнение.

Особая ценность знания объясняется тем, что оно есть наиболее общая фактивная пропозициональная установка. Как сказал Т. Уильямсон: «Оно важно для нас, поскольку для нас важны фактивные статические установки» [17, р. 34].

Будучи стабильнее, чем просто истинное мнение, знание имеет большую практическую ценность для осуществления наших планов и действий, протяженных во времени. Причем Т. Уильямсон добавляет к этому ценность рационального элемента знания: «При прочих равных условиях, принимая во внимание рациональную восприимчивость к новой очевидности, настоящее знание делает будущее истинное мнение более вероятным, чем это делает настоящее просто истинное мнение» [17, р. 101].

Британский философ Д. Притчард полагает, что, вводя рациональную восприимчивость к новой очевидности, Т. Уильямсон делает шаг вперед по сравнению с Платоном [33].

По мнению С. Голдберга, ценность знания в том, что при его наличии когнитивный успех может быть адекватно объяснен исходя из «эпистемически допустимых предложений» (*epistemic entitlements*). (Эпистемически допустимое предложение – предложение, которое в процессе формирования субъектом мнения при помощи метода *M* в обстоятельствах *S* или соответствующего обдумывания, в эпистемическом смысле не является недопустимым, т. е. субъекту разрешается его предполагать [12; 34; 35].) С нашей точки зрения, это своего рода логическая реконструкция условия привязанности знания к факту/истине.

Как было упомянуто выше, объяснительное условие вводит и Д. Притчард в рамках своей антислучайной эпистемологии способностей. Он требует, чтобы когнитивные способности вносили существенный вклад в объяснение безопасного когнитивного успеха. Это позволяет установить связь между подходами Д. Притчарда и С. Голдберга.

Наконец, следует отметить, что эпистемология Э. Созы имеет прагматическое измерение. Обоснованность истинного мнения или надежность применяемых когнитивных способностей зависит от контекста (практических целей). При этом знание может быть более или менее достоверным. Например, для умеренного скептика в обыденном контексте мы знаем, что внешний мир существует, а в скептическом контексте – нет. Можно также различать знание обыденное и экспертное, которое требует большей достоверности.

Хотя позиция эпистемического контекстуализма имеет свои недостатки, принятие во внимание прагматики при анализе знания является принципиально важным.

На наш взгляд, знание может быть понято как прагматическое закрытие провала между эксплицитным или имплицитным обоснованием (обоснованного истинного мнения), играющим роль витгенштейновского правила, и фактом/истиной, причем это соответствует определению знания, данному Т. Уильямсоном, как наиболее общего фактивного ментального состояния. То есть проблема знания – это витгенштейновская проблема следования эпистемическому правилу. Эпистемология требует для решения своих проблем привлечения философии языка и философии сознания. В случае когда провал между правилом и его применением закрыт и только в этом случае имеется объяснение когнитивного успеха в том смысле, в каком понимал его С. Голдберг. Случаи Гетье – это случаи наличия провала в имплицитном обосновании (в терминах С. Голдберга – в предполагаемых эпистемически допустимых предложениях; в терминах Э. Созы когнитивная компетенция в случаях Гетье не проявляется в когнитивном успехе). Подход Д. Притчарда можно рассматривать как относящийся к реконструкции знания в терминах когнитивных способностей и безопасности истинного мнения, т. е. к реконструкции более высокого уровня, чем реконструкция С. Голдберга. Наиболее фундаментальным подходом является подход Т. Уильямсона. По нашему мнению, он может быть понят в витгенштейновских терминах. Что касается подхода Э. Созы, то в известном смысле он развивает его в рамках метафизически перевернутой сначала-знание-парадигмы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Sosa E. Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. Cambridge, 1991.
2. Sosa E. How to Defeat Opposition to Moore // *Philos. Perspect.* 1999. № 13. P. 141–154.
3. Sosa E. Skepticism and Contextualism // *Philos. Issues.* 2000. № 10. P. 1–18.
4. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2007.
5. Sosa E. Reflective Knowledge: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2009.
6. Sosa E. Knowing Full Well. Princeton, 2011.
7. Ernest Sosa on epistemology. The nature and value of knowledge [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/watch?v=PpE6boDDekU (date of access: 22.01.2016).
8. Sosa E. Judgment and Agency. Oxford, 2015.
9. Pritchard D. Knowledge. Basingstoke, 2009.
10. Pritchard D. Anti-Luck Virtue Epistemology // *J. Philos.* 2012. Vol. 109, № 3. P. 247–279.
11. Pritchard D. Knowledge. Hampshire, 2016.
12. Goldberg S. Epistemic Entitlement and Luck // *Philos. Phenomenol. Res.* 2015. Vol. XCI, № 2. P. 273–302.
13. Pritchard D. Epistemic Luck. Oxford, 2005.
14. Greco J. The Value Problem // *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
15. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis.* 1963. Vol. 23, № 6. P. 121–123.
16. Chisholm R. Theory of Knowledge. Englewood Cliffs, 1989.
17. Williamson T. Knowledge and its Limits. Oxford, 2000.
18. Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Oxford, 2007.
19. Greenough P., Pritchard D. Williamson on Knowledge. Oxford, 2009.
20. Williamson T. Knowledge first epistemology // *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
21. Williamson T. Knowledge First // *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 1–10.
22. Williamson T. Knowledge Still First // *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 22–24.
23. Williamson T. A Note on Gettier Cases in Epistemic Logic // *Philos. Stud.* 2015. Vol. 172. P. 129–140.
24. Williamson T. Acting on Knowledge // *Knowledge-First.* Oxford, 2015.
25. Williamson T., Horwich P. The plausibility of Wittgenstein's metaphilosophy [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/watch?v=IpOmFTRcwUM (date of access: 22.01.2016).
26. Benoist J. Concepts. Paris, 2010.
27. Benoist J. Éléments de philosophie réaliste. Paris, 2011.
28. Benoist J. Le bruit du sensible. Cerf, 2013.
29. Прусь И. Е. О новом философском методе и новой реалистической философии Жослина Бенуаста // *Филос. и соц. науки.* 2014. № 1. С. 32–36.
30. Goldman A. Discrimination and Perceptual Knowledge // *J. Philos.* 1976. Vol. 73, № 20. P. 771–791.
31. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Luck // *Noûs.* № 49 (3). P. 440–453. Forthcoming.
32. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Value // *Australas. J. Philos.* Forthcoming.
33. Pritchard D., Turri J. The Value of Knowledge // *Stanford Encyclopaedia Philos.* 2014 [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/> (date of access: 22.01.2016).
34. Burge T. Perceptual Entitlement // *Philos. Phenomenol. Res.* 2003. Vol. LXVII, № 3. P. 503–548.
35. Casullo A. What is Entitlement? // *Acta Anal.* 2007. Vol. 22, № 4. P. 267–279.

REFERENCES

1. Sosa E. Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. Cambridge, 1991.
2. Sosa E. How to Defeat Opposition to Moore. *Philos. Perspect.* 1999. No. 13. P. 141–154.
3. Sosa E. Skepticism and Contextualism. *Philos. Issues.* 2000. No. 10. P. 1–18.
4. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2007.
5. Sosa E. Reflective Knowledge: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2009.
6. Sosa E. Knowing Full Well. Princeton, 2011.
7. Ernest Sosa on epistemology. The nature and value of knowledge [Electronic resource] URL: www.youtube.com/watch?v=PpE6boDDekU (date of access: 22.01.2016).
8. Sosa E. Judgment and Agency. Oxford, 2015.
9. Pritchard D. Knowledge. Basingstoke, 2009.
10. Pritchard D. Anti-Luck Virtue Epistemology. *J. Philos.* 2012. Vol. 109, No. 3. P. 247–279.
11. Pritchard D. Knowledge. Hampshire, 2016.
12. Goldberg S. Epistemic Entitlement and Luck. *Philos. Phenomenol. Res.* 2015. Vol. XCI, No. 2. P. 273–302. DOI: 10.1111/phpr.12083.
13. Pritchard D. Epistemic Luck. Oxford, 2005.
14. Greco J. The Value Problem. *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
15. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis.* 1963. Vol. 23, No. 6. P. 121–123.
16. Chisholm R. Theory of Knowledge. Englewood Cliffs, 1989.
17. Williamson T. Knowledge and its Limits. Oxford, 2000.
18. Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Oxford, 2007.
19. Greenough P., Pritchard D. Williamson on Knowledge. Oxford, 2009.
20. Williamson T. Knowledge first epistemology. *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
21. Williamson T. Knowledge First. *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 1–10.
22. Williamson T. Knowledge Still First. *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 22–24.

23. Williamson T. A Note on Gettier Cases in Epistemic Logic. *Philos. Stud.* 2015. Vol. 172. P. 129–140. DOI: 10.1007/s11098-014-0357-1.
24. Williamson T. *Acting on Knowledge*. Knowledge-First. Oxford, 2015.
25. Williamson T., Horwich P. The plausibility of Wittgenstein's metaphilosophy [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/watch?v=IpOmFTRcwUM (date of access: 22.01.2016).
26. Benoist J. *Concepts*. Paris, 2010 (in French.).
27. Benoist J. *Eléments de philosophie réaliste*. Paris, 2011 (in French.).
28. Benoist J. *Le bruit du sensible*. Cerf, 2013 (in French.).
29. Pris' I. E. O novom filozofskom metode i novoi realističeskoj filozofii Zhoslina Benuasta. *Filosofskie i sotsial'nye nauki*. 2014. No. 1. P. 32–36 (in Russ.).
30. Goldman A. Discrimination and Perceptual Knowledge. *J. Philos.* 1976. Vol. 73, No. 20. P. 771–791.
31. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Luck. *Noûs*. No. 49 (3). P. 440–453. Forthcoming.
32. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Value. *Australas. J. Philos.* Forthcoming.
33. Pritchard D., Turri J. The Value of Knowledge. *Stanford Encyclopaedia Philos.* 2014 [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/> (date of access: 22.01.2016).
34. Burge T. Perceptual Entitlement. *Philos. Phenomenol. Res.* 2003. Vol. LXVII, No. 3. P. 503–548.
35. Casullo A. What is Entitlement? *Acta Anal.* 2007. Vol. 22, No. 4. P. 267–279. DOI: 10.1007/s12136-007-0012-y.

Статья поступила в редколлегию: 14.02.2016.
Received by editorial board: 14.02.2016.

УДК 316.012

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассмотрены традиции и современные интерпретации понятия «социальный порядок». Показано, что идея определенной формы порядка, лежащей в основе существования государства и общества, достаточно отчетливо выражена в конфуцианстве и философии Античности. Исследована трактовка социального порядка в теории общественного договора, отмечены особенности подходов ее авторов Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Проанализирована специфика раскрытия сущности и механизмов становления социального порядка классиками социологической науки О. Контом, Г. Спенсером, Ф. Теннисом, Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Т. Парсонсом. Особое внимание уделено переосмыслению понятия «социальный порядок» современными авторами Н. Элиасом, П. Бурдьё, Э. Гидденсом, П. Бергером и Т. Лукманом. Сделан вывод о том, что нынешние жизненные реалии требуют дальнейшего исследования теоретико-методологических и практических проблем конституирования и поддержания социального порядка.

Ключевые слова: общество; социальный порядок; организация общественной жизни; теория общественного договора; социальная статика; социальная динамика; социальное действие; социальное взаимодействие; социальная стабильность.

SOCIAL ORDER: TRADITIONS AND CONTEMPORARY APPROACHES TO STUDY

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes main traditional and contemporary approaches to the study of problem of social order. The author explicates that idea of certain form of order as a basis for existence of state and society is presented in Confucianism and in Antiquity. Interpretation of social order in theory of civil contract and its specific in works by Th. Hobbes, J. Locke,

---

Образец цитирования:

Рубанов А. В. Социальный порядок: традиции и современные подходы к изучению // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 45–56.

For citation:

Rubanau A. V. Social order: traditions and contemporary approaches to study. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 45–56 (in Russ.).

Автор:

Анатолій Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sociology@bsu.by

J.-J. Rousseau is shown. Peculiarities of explication of mechanisms of formation of social order by classical authors in sociology A. Comte, H. Spencer, F. Tönnies, E. Durkheim, M. Weber, T. Parsons are analyzed. Special attention is paid to the works of N. Elias, P. Bourdieu, A. Giddens, P. Berger, Th. Luckmann. The main conclusion is that contemporary reality needs further elaboration of theoretical, methodological and practical problems of constitution and support of social order.

Key words: society; social order; organization of social life; theory of social contract; social statics; social dynamics; social action; social interaction; social stability.

Французский философ О. Конт выделил в социологической науке две основополагающие составляющие: социальную статику и социальную динамику. Если социальная динамика интересуется причинами, характером, движущими силами и направленностью общественного развития, то социальная статика рассматривает общество с точки зрения сохранения его целостности и стабильности. Главный предмет ее внимания – это поиск ответа на вопрос о том, как возможно существование общества, совместной организованной жизни людей.

Сложилось так, что понятие «социальный порядок» не входило в число важнейших категорий марксистской социальной науки и поэтому требует особого исследовательского внимания, тем более что идея определенной формы порядка, лежащей в основе существования государства и общества, впервые достаточно отчетливо была выражена уже в конфуцианстве и философии Античности.

Конфуций, Платон и Аристотель об основах социального порядка

Представление о социальном порядке у Конфуция базируется на сочетании двух положений: строгой социальной иерархии и неукоснительного соблюдения ритуалов.

Необходимость строгого иерархического устройства общественной жизни на всех ее уровнях древний мыслитель выразил словами: «Государь должен быть государем, слуга слугой, сын сыном, отец отцом» [1, с. 90]. Взаимоотношения между разными социальными группами должны опираться на беспрекословное повиновение младших старшим, детей – родителям, подчиненных и подданных – чиновникам и государю. Для обоснования этого принципа Конфуций разработал учение о сыновей почтительности, сформулировав его следующим образом: «Молодые люди должны выказывать почтительность к родителям, а вне дома – уважительность к старшим» [1, с. 20]. Этот принцип стал фундаментом нравственных отношений: «Мораль, добродетель всегда будут укреплены, – говорил Конфуций, – если с достоинством мы будем относиться к памяти умерших предков и с достоинством будем припоминать их деяния» [1, с. 21]. Соблюдать принцип сыновей почтительности крайне важно для сохранения порядка в государстве и успешного управления им, ведь «нечасто бывает такое, когда человек, уважающий, почитающий старших, родителей, мог выступить против правителя» [1, с. 19].

Другой базовый стержень социального порядка – ритуал – означает строгое следование нормам и правилам поведения, которые восходят к культуре предков и выражаются в соблюдении традиций, обычаев, обрядов и церемониала. Атрибутами ритуала являются четко установленная форма и демонстративный характер исполнения. «Ритуал полезен потому, что, согласно Конфуцию, он приводит людей к миру, согласию. Гармония же ритуала воспроизводит как прекрасное дао многих царей, а им необходимо следовать и в малом, и в большом, так как они совершали все свои дела в соответствии с ритуалами. Нельзя делать то, что не соответствует ритуалу, потому что разрушение гармонии ритуала будет ограничивать само деяние» [1, с. 22]. Организующая социальная роль ритуала чрезвычайно велика, поэтому «то, что неприемлемо для ритуала, то и пагубно для глаз; то, что чуждо ритуалу, нельзя тому и внимать; то, что плохо для ритуала, нельзя обсуждать; то, что не подходит для ритуала, нельзя исполнять» [1, с. 87–88].

Следование ритуалу – залог успешного управления государством. Отсюда рождается и совет Конфуция государям: «Руководи народом так, как будто ты осуществляешь важный жертвенный ритуал; не пытайся людям делать то, что не желаешь самому себе, тогда в государстве и семье не будет мятежей и вражды» [1, с. 88]. Более того, в строгом соблюдении ритуалов заложена основа духовно-нравственных отношений – по выражению китайского мыслителя, добродетели. Если «порядок удерживать с помощью наказаний, то народ будет склонен уклоняться от наказаний и вряд ли будет испытывать стыд. Если же руководить народом, беря за основу добродетель, и сохранять мир, порядок при помощи ритуалов, то сам народ и будет выражать покорность, стыд и исправляться» [1, с. 22].

В учении Платона проблема социального порядка представлена в контексте его идей о государстве. Основу государства, а соответственно и общества, согласно его мысли, составляет разделение труда. Объясняя появление государства, Платон исходит из того, что его создают потребности людей, которые человек не может удовлетворить сам. Поэтому многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь. Такое совместное поселение и получает название государства [2, с. 130].

Самая большая потребность, продолжает Платон, это добыча пищи для существования и жизни. Вторая потребность – жилье, третья – одежда и т. п. Производители этих благ – земледельцы, строители и ткачи – составляют первое сословие государства. Растущие потребности людей приводят к необходимости расширения территории государства (прежде всего за счет соседей) и одновременно защиты от подобных притязаний с их стороны. Межгосударственные конфликты ведут к формированию второго сословия, состоящего из воинов (стражей). Управлять государством призваны представители третьего сословия – мудрецы-философы, которые не потакают мнению толпы, отличаются стремлением к познанию истины, способностью охватить мыслью «целокупность времени и бытия». Их главная функция – устанавливать и оберегать разумные и справедливые законы.

По Платону, социальный отбор в то или иное сословие осуществляют правители в зависимости от преобладания в душе человека одного из трех начал: «разумного» (способности рассуждать), «яростного» (мужественного, когда соблюдаются указания рассудка) или «вождедеющего» (влюбчивости, голода, жажды, чувственных наслаждений). Доминирование «разумной» основы свойственно философам, «яростной» – стражам, «вождедеющей» – земледельцам и ремесленникам [2, с. 212–219].

Очевидно, что социальный порядок и стабильность общества в идеальном государстве Платона базируются на строгой иерархичности социальной структуры, которая образуется в соответствии с характером разделения труда. Выполнять свои социальные обязанности, по мнению Платона, люди станут эффективнее, если будут учитываться их личные интересы. Поэтому при росте и благоустройстве государства всем сословиям необходимо предоставить возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным. Кроме того, нельзя допускать проникновения в государство таких социальных зол, как богатство и бедность, поскольку первое ведет к роскоши и лени, а второе – к низостям и злодеяниям [2, с. 191].

Особое внимание Платон обращает на духовно-нравственные основы идеального государственного устройства. Согласно учению древнегреческого философа, социальный порядок держится на главных добродетелях, а именно: мудрости (здоровых решениях), мужестве как гражданском свойстве, рассудительности, подобной некой гармонии, и справедливости, которая состоит в том, что каждый занимается своим делом. Справедливый человек, продолжает Платон свою мысль, нисколько не отличается от справедливого государства, где три различных по своей природе сословия выполняют свои социальные обязанности [2, с. 219–221].

Ученик Платона Аристотель отождествлял общество с городом-государством (полисом). В качестве основополагающих элементов социальной системы он рассматривал человека, семью, селение и государство. Общество, включающее в себя несколько селений, по Аристотелю, есть вполне завершенное государство, достигшее самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни [3, с. 378, 461–462].

Важнейшим структурным признаком государства, согласно Аристотелю, является общение, которое организуется ради какого-либо блага. Любое общение стремится к тому или иному благу, но больше других к высшему из благ стремится наиболее существенное общение, которое «обнимает» собой все остальные виды общения. Это общение мыслитель называет политическим. Государство, уточняет великий мыслитель, есть общение свободных людей [3, с. 376, 456].

Государство, по мнению Аристотеля, имеет естественное происхождение. Его возникновение вызвано тем, что, во-первых, человек по природе своей существо политическое, поэтому даже тот, кто нисколько не нуждается во взаимопомощи, безотчетно стремится к совместному жительству. Во-вторых, к коллективному единству граждан побуждает сознание общей пользы. В-третьих, люди объединяются ради собственной жизни, так как в ней самой заключаются некое благоденствие и естественная сладость [3, с. 455].

Подчеркивая основополагающее значение социального порядка в общественной жизни, Аристотель вводит понятие «государственное устройство» и определяет его как организацию обитателей государства. В другом месте своего труда, посвященного политике, мыслитель уточняет понятие государственного устройства, когда говорит, что это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти [3, с. 444, 455].

Из шести видов государственного устройства, которые выделяет Аристотель, три рассматриваются им как правильные. Каждому из них соответствуют свои отклоняющиеся формы. Правильными, по мнению древнегреческого философа, являются следующие:

- монархическое правление (царская власть), подразумевающее общую пользу;
- аристократия, т. е. власть немногих, но более чем одного, когда правят лучшие и при этом имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит;
- полития, когда ради общей пользы правит большинство.

Отклонениями в государственном устройстве Аристотель считает:

- тиранию, т. е. монархическую власть, заботящуюся о выгодах одного правителя;
- олигархию, которая блюдет выгоды состоятельных граждан;
- демократию, представляющую собой правление неимущего большинства, осуществляемое в его же интересах.

Общей пользы, по мнению мыслителя, ни одна из трех последних форм правления не приносит.

Лучшим из названных видов государственного устройства сам Аристотель считал политию, но исходил из положения, что в целом ни один из них не удовлетворяет своему назначению. Высказав намерение определить идеальный государственный строй, философ начал с установления принципа, который мог бы послужить отправной точкой его поисков. Этот принцип Аристотель сформулировал в виде вопроса следующим образом: должны ли все граждане принимать участие во всем, что касается жизни государства, или не должны участвовать ни в чем, либо в одних делах должны, а в других – нет?

Основу организации социальной жизни, по убеждению Аристотеля, составляют законы. Он задает риторический вопрос: «Под какой властью полезнее находиться – под властью лучшего мужа или под властью лучших законов?» – и отвечает: «Поскольку закон беспристрастен, предпочтительнее, чтобы властвовал он, а не кто-либо один из среды граждан». А на контраргумент, что закон не в состоянии предусмотреть все возможные случаи, возражает, что и человек не в силах их предугадать. Зато в закон можно вносить поправки, если опыт покажет их необходимость. Главное преимущество закона состоит в том, что он представляет собой, по выражению Аристотеля, свободный от безотчетных позывов разум [3, с. 477, 481–482].

Наряду с законодательными основаниями государства Аристотель выделял его нравственные основы, причем делал это, рассуждая о добродетели гражданина и раскрывая содержание понятия «справедливость». Добродетель гражданина, на его взгляд, заключается в умении властвовать и быть подвластным. Справедливость же, по определению Аристотеля, представляет собой государственное благо – то, что служит общей пользе.

Особо Аристотель рассматривал вопрос о том, как собственность должна быть организована у тех, кто стремится иметь наилучшее государственное устройство: быть общей или не общей? Лучше, чтобы собственность была частной, полагал он, а пользование ею – общим. Ведь когда забота о ней будет поделена между разными людьми, среди них исчезнут взаимные нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит; благодаря же добродетели в использовании собственности получится как в пословице «У друзей все общее» [3, с. 410].

Формирование стабильного и справедливого государства Аристотель связывал со средним классом. Обосновывая такую позицию, мыслитель выделял в социальной структуре государства три части населения: очень состоятельных граждан, крайне неимущих и третьих, стоящих посередине между теми и другими. Исходя из основополагающего тезиса, что для каждого человека наилучшее – это умеренность и средняя жизнь, он отмечал, что «средний достаток из всех благ всего лучше». При наличии среднего достатка, аргументировал философ свою позицию, легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Таким образом, делает вывод Аристотель, неизбежно следует, что государство, состоящее из среднего класса, будет иметь наилучший строй. Формирование такого государства предполагает, на его взгляд, два важнейших условия. Во-первых, средний класс численно должен быть представлен в большем количестве, быть сильнее обеих крайностей или по меньшей мере каждой из них в отдельности. Во-вторых, государство должно содействовать тому, чтобы «его граждане обладали собственностью средней, но достаточной» [3, с. 507–508].

Теория общественного договора

Первая развернутая концептуальная трактовка проблемы социального порядка появилась в эпоху Просвещения в теории общественного договора, разработка которой связана с именами Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо.

Определение проблемы социального порядка, впоследствии ставшее классическим, первым дал Т. Гоббс, который представил ее в форме парадокса: как возможно общество, если «человек человеку – волк»? Английский философ исходил из того, что жизнь людей без общей власти порождает такое состояние общественной жизни, которое он назвал «войной всех против всех». Безопасность и порядок в обществе могут быть достигнуты только посредством договора, согласно которому каждый

гражданин уступает часть своих естественных прав в пользу верховного суверена (в его понимании – монархической власти), получая взамен гарантии защиты жизни и собственности. На этой позиции базируется гоббсовское определение государства как единого лица, ответственными за действия которого сделали себя огромное множество людей путем взаимного договора между собой с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты [4, с. 133].

Раскрывая механизм заключения общественного договора, Т. Гоббс писал: «Страсти, делающие людей склонными к миру, есть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к согласию. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами» [4, с. 155]. В числе естественных законов, т. е. принципов поведения людей, соответствующих условиям общественного договора и лежащих в основании права и государства, Т. Гоббс, например, упоминал такие: необходимо искать мира и следовать ему, защищая себя при этом всеми возможными средствами [4, с. 156]; в случае готовности других к миру человек обязан, если того требуют интересы мира и самозащиты, довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, какую он допускает у других по отношению к себе [4, с. 156]; люди должны выполнять заключенные ими соглашения [4, с. 169].

Другой английский философ – Дж. Локк – в рамках своей интерпретации идей общественного договора делал акцент на проблемах политической власти (государства) и собственности. «Политической властью, – писал он, – я считаю право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и, соответственно, все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только для общественного блага» [5, с. 263].

Политическому (правовому) существованию людей предшествует их естественное состояние. Давая характеристику естественному состоянию людей, Дж. Локк отмечал, что «это – *состояние полной свободы* (курсив автора – А. Р.) в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого» [5, с. 264]. В рамках этого состояния естественный закон природы, который опирается на силу человеческого разума, учит всех людей, «что, поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» [5, с. 265].

В естественном состоянии, как считал Дж. Локк, люди находятся до тех пор, «пока по своему собственному согласию они не становятся членами какого-либо политического общества» [5, с. 270]. Раскрывая структуру политической власти, философ указывал на необходимость четкого разделения ее законодательной и исполнительной ветвей, поскольку «те же лица, которые обладают властью создавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на их исполнение, чтобы таким образом сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон <...> для своей личной выгоды» [5, с. 347].

Наконец, французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо в теории общественного договора исходил из главного тезиса: фундаментом власти является соглашение, а государство возникает на договорной основе. «Поскольку ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то в качестве основы всякой законной власти среди людей остается соглашение [6, с. 568], – писал философ и продолжал: – Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли. <...> Вместо отдельной личности каждого договаривающегося этот акт ассоциации немедленно создает <...> общее Я, жизнь и волю. Эта общественная личность, составленная путем соединения всех остальных личностей, получала в прежние времена название гражданской общины, а теперь называется республикой, или политическим телом, которое именуется своими членами государством» [6, с. 568].

В историческом плане Ж.-Ж. Руссо выделял естественное состояние, гражданское общество и государственное состояние. В естественном состоянии люди «жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природе, и продолжали наслаждаться всей прелестью независимых отношений» [6, с. 564]. «Истинным основателем гражданского общества», по образному выражению писателя, был «первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: “Это мое” и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить» [6, с. 562]. Прямое следствие частной собственности на землю – имущественное неравенство. С образованием государства оно дополнилось неравенством политическим.

Установление справедливого социального порядка Ж.-Ж. Руссо связывал с реализацией народного суверенитета (или, по его словам, общей воли), который предполагает заключение общественного договора свободными и равными людьми. Идею народного суверенитета французский мыслитель конкретизировал, когда утверждал, что «Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон».

Классики социологической науки о социальном порядке

Объяснить проблему порядка в том виде, в каком сформулировал ее Т. Гоббс, т. е. почему возможно существование общества, организованной общественной жизни, пытались основоположники социологической науки.

Социальная статика и социальная динамика являются двумя главными категориями социологии французского философа О. Конта. Девиз позитивизма – порядок и прогресс [7, с. 121]. Определяя содержание контовского понятия социальной статике, Р. Арон отмечает: «Статика, в сущности, сводится к изучению того, что он называет общественным консенсусом. Общество сравнимо с живым организмом. Подобно тому, как нельзя изучать функционирование любого органа в отрыве от целостного живого организма, точно так же нельзя изучать политику и государство вне рамок всего общества, взятого в данный момент. Социальная статика предполагает, таким образом, с одной стороны, анатомический анализ структуры общества на конкретный момент, а с другой – анализ элемента или элементов, определяющих консенсус, т. е. превращающих совокупность индивидов или семейств в коллектив, делающих из множества институтов единство» [8, с. 100].

Особое значение в установлении порядка имеет рост социального чувства (по названию одной из глав работы О. Конта «Дух позитивной философии»). Говоря об этом процессе, философ выделял эгоистические, семейные и социальные инстинкты (чувства) поведения человека. В «эпоху детства человеческой жизни» основную роль, по его словам, играли инстинкты, относящиеся к поддержанию материальной жизни. Влияние эгоистических инстинктов снижалось, а социальные чувства пробуждались по мере возрастания значения разума, вырабатывающего определенные правила поведения. Хотя личные инстинкты преобладали и будут преобладать всегда. Ничего порочного в этом нет. «В самом деле, – вопрошает О. Конт, – каким образом тот, кто не любил себя, мог бы любить другого? Нужно опасаться только слишком слабой интенсивности социальных чувств». Развитие ума равносильно повышению инстинктов доброжелательства, потому что оно усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым осознание зависимости от общества. Оно же дает перевес чувствам симпатии, устраняя эгоистические мотивы и внушая любовь к порядку, способную содействовать сохранению социальной гармонии [9, с. 81–82].

Посредником между индивидом и родом выступает семья. Именно в ней человек начинает выходить за пределы своей личности и приучается жить для других. Важную роль О. Конт отводил женщинам, которые, отличаясь развитостью чувства симпатии и общительности, призваны изменять слишком холодное и грубое направление мужского ума, вызывать смягчающие социальные инстинкты. Для детей семья, по мнению мыслителя, является школой социальной жизни, вырабатывающей способность к повиновению и управлению. Привычка к кооперативной деятельности также развивает социальные инстинкты, порождая чувство зависимости от других и сознание своего личного значения. Это происходит тем более интенсивно, когда работа распределена таким образом, что каждый занимается тем, к чему имеет склонность и лучше подготовлен. Вместе с выгодами специализации появляются и неудобства. В результате разделения людей по профессиональному признаку социальные чувства распространяются лишь на лиц одинаковой профессии. Вызванные разделением труда умственные и нравственные различия между людьми требуют постоянной дисциплины, способной предупредить или сдержать разлад между людьми. Ее обеспечение – функция государства [9, с. 83, 89].

Проблему социального порядка английский философ Г. Спенсер рассматривал в контексте своих эволюционных идей, означающих «переход от состояния относительной неопределенности, несвязности, однородности к состоянию относительной определенности, связности, многогранности»¹ [10, р. 17; 11, р. 370–373] и объясняющих, как «самые ранние изменения, которые, как предполагается, испытала вселенная в целом <...> так и те последние изменения, которые прослеживаются в обществе и в продуктах социальной жизни» [11, р. 337].

Эволюция общественной жизни, по Спенсеру, подразумевает рост масштаба социальных образований, усложнение их структуры и дифференциацию функций. С увеличением дифференциации возрастает потребность во взаимозависимости и взаимосогласованности частей социального целого и выполняемых ими функций и, как следствие, необходимость создания «регулирующей системы», которая

---

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Р.

контролировала бы действия составляющих частей и обеспечивала их координацию. «В государстве, как и в живом теле, – пишет Г. Спенсер, – неизбежно возникает регулирующая система. <...> При формировании более прочного сообщества <...> появляются высшие центры регулирования и подчиненные центры, высшие центры начинают расширяться и усложняться» [10, р. 46]. Так формируется социальный порядок.

Основываясь на особенностях механизма внутренней регуляции общественной жизни, Г. Спенсер выделил военные и индустриальные общества. «Характерной чертой военных обществ является принуждение... Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, является принудительным сотрудничеством <...> так же как и в организме человека внешние органы полностью зависят от центральной нервной системы» [10, р. 58–59]. Общество индустриального типа, напротив, характеризуется «индивидуальной свободой, которую подразумевает любая коммерческая сделка. Сотрудничество, за счет которого существует многообразная активность общества, становится добровольным сотрудничеством. И поскольку развитая стабильная система, склоняющаяся к социальному организму индустриального типа, создает себе, как и развитая стабильная система животного, регулирующий аппарат рассеянного и нецентрализованного вида, она стремится также децентрализовать первичный регулирующий аппарат за счет привлечения от различных классов их оспариваемой власти» [12, р. 569].

Немецкий социолог Ф. Тённис рассматривал проблему социального порядка в тесной связи с выделением общинных (*gemeinschaftliche*) и общественных (*gesellschaftliche*) связей и отношений.

Основу социальной организации при общинных (общностных) отношениях, по мнению Ф. Тённиса, составляют общие эмоциональные переживания, личная привязанность и душевная склонность. К подобным отношениям мыслитель причислял следующие:

- 1) собственно родовые или кровно-родовые отношения;
- 2) отношения соседства, характеризующиеся совместным проживанием, свойственные брачной и – в узком смысле слова – семейной жизни, однако в понятии имеющие более широкий смысл;
- 3) отношения дружбы, основывающиеся на сознании духовной близости или родства, поскольку такое сознание постулировано или положено в основу какого-либо рода совместной жизни [13, р. 464].

Сущностью общественных отношений является рациональная реализация личных интересов. В такого рода отношения могут вступать не только отдельные индивиды, но и формальные лица, т. е. разного рода группы, сообщества и даже государства. «Сущность всех этих отношений и связей заключается в сознании полезности или ценности, которой обладает, может обладать или будет обладать один человек для другого и которую этот другой обнаруживает, воспринимает и осознает. Отношения такого рода имеют, следовательно, рациональную структуру» [13, р. 464].

Французский философ Э. Дюркгейм тесно связывал существование общества с социальной солидарностью, которую считал универсальной ценностью, лежащей в основе организованной общественной жизни. Мыслитель проводил различие между механической и органической солидарностью. Механическая солидарность господствует в неразвитых, архаических обществах и определяется сходством, подобием составляющих их индивидов, одинаковостью исполняемых ими общественных функций, неразвитостью индивидуальных черт. Возникновение органической солидарности Э. Дюркгейм соотносил с разделением труда, под которым понимал профессиональную специализацию.

По мнению Э. Дюркгейма, важным элементом социальной солидарности являются коллективные представления, образующие в совокупности коллективное, или общее, сознание, которое существует независимо от индивидов и способно оказывать на них внешнее принуждение. Давая определение коллективному сознанию, Э. Дюркгейм писал: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием» [14, с. 80]. Выражая те или иные состояния общественной жизни, коллективные представления «зависят от ее состава и способа организации, от ее морфологии, от ее институтов – религиозных, моральных, экономических и т. п.» [15, с. 218].

Организирующая роль коллективного сознания, по мнению французского мыслителя, особенно сильно проявляется в архаических обществах, где его объем совпадает с объемом индивидуальных сознаний, а по своему характеру оно религиозно. Неслучайно наиболее полное представление о коллективном сознании содержится в дюркгеймовской концепции религии. Отрицая идею сверхъестественного, божественного как атрибута религии, Э. Дюркгейм называл бога обществом. Главным назначением церкви считал отправление коллективных обрядов и культов, увеличивающих солидарную силу группы и укрепляющих общее сознание. С интенсивным социальным общением во время первобытных культовых действий, обрядов, церемоний и празднеств, когда трудное повседневное существование сменялось состоянием крайней экзальтации и подъема, пробуждающих веру в великую идею коллективности общества, связано, на его взгляд, само появление религиозной идеи. При органической солидарности коллективное сознание уменьшается в объеме, становится все слабее и неопределеннее, принимает

новые формы и изменяет свое содержание. По содержанию оно все более превращается в светское, рационалистическое, ориентированное на индивида. В то же время, по утверждению Э. Дюркгейма, общему сознанию не угрожает опасность «совсем исчезнуть». Развивается новая религия, объектом которой становится индивид.

Конституирование социального порядка М. Вебер рассматривал через социальное действие и взаимодействие. Определяя социальное действие, философ выделял два основных момента: субъективную мотивацию индивида или группы и ориентацию действующего лица на другого или других. «Действием мы называем, – писал М. Вебер, – действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [16, с. 602–603].

Немецкий социолог выделял четыре вида действия:

- целерациональное;
- ценностно-рациональное;
- аффективное;
- традиционное.

«Социальное действие, подобно всякому действию, может быть определено: 1) целерационально, т. е. через ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и при использовании этого ожидания как “условия” или как “средства” для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех); 2) ценностно-рационально, т. е. через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или как-либо иначе понимаемую безусловную собственную ценность (самоценность) определенного поведения, взятого просто как таковое независимо от успеха; 3) аффективно, особенно эмоционально – через актуальные аффекты и чувства; 4) традиционно, т. е. через привычку» [17, S. 551].

Ведущей тенденцией социально-исторического процесса философ называл рационализацию социального действия. «Одним из существенных компонентов “рационализации” действия, – отмечал М. Вебер, – является замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Конечно, этот процесс не исчерпывает понятия “рационализация” действия, ибо последняя может протекать, кроме того, позитивно – в направлении сознательной ценностной рационализации и негативно – не только за счет разрушения нравов, но и за счет вытеснения аффективного действия и, наконец, за счет вытеснения также и ценностно-рационального поведения в пользу чисто целерационального, при котором уже не верят в ценности» [17, S. 558]. Пределом рационализации, характерным для капитализма, по мнению мыслителя, стала формальная рациональность, которую воплощает калькулируемость, когда все без остатка поддается количественному учету, исчерпывается количественной характеристикой.

Существование организованной общественной жизни М. Вебер связывал с тем, что социальное поведение индивидов ориентировано на их представление о существовании легитимного порядка, т. е. власти, которая признается управляемыми или имеет шанс встретить повиновение определенному приказу. «Современное государство, – писал немецкий философ, – в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что определенные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать» [16, с. 614–615].

Легитимные типы господства, на которых основывается социальный порядок, М. Вебер анализировал исходя из «мотивов повиновения власти». Трем таким мотивам соответствуют три типа господства. *Традиционный* тип обусловлен нравами, привычкой к определенному поведению и опирается на веру – как в законность, так и в священность издревле существующих порядков, личной преданности господину. Этот тип господства соотносится с традиционным поведением. Аффективное действие лежит в основе *харизматического* господства. Харизма – качество личности, признаваемое необычайным, наделяющее ее сверхъестественными силами и способностями. Харизматический тип господства базируется на преданности и доверии к личности вождя. *Легальный* тип господства в качестве «мотива уступчивости» имеет соображения интереса, а его стержнем является целерациональное действие. Осуществляется легальное господство посредством реализации формально-правового начала, строгого соблюдения законов. Аппарат управления составляет бюрократия, т. е. специально обученные чиновники, к которым предъявляется требование действовать, «невзирая на лица» [16, с. 636–643].

Первоначальный акцент на причинах происхождения социального порядка постепенно, начиная с социальной статики О. Конта, сместился на факторы, способствующие сохранению его устойчивости и стабильности. Наиболее развернутое объяснение этих факторов содержится в синтетической теории социального порядка Т. Парсонса. Согласно этой теории равновесие и гармония в обществе достига-

ются двумя параллельными путями. С одной стороны, порядок в общественной жизни основывается на том, что в процессе социализации люди усваивают доминирующие в данном обществе ценности и нормы поведения и следуют им в повседневной жизни, выполняя свои социальные функции. Даже мотивацию поведения американский социолог рассматривал в контексте приспособления к существующему социальному порядку, понимая под мотивами то, что люди «испытывают побуждение» сделать или хотят сделать в соответствующих ситуациях и обстоятельствах [18, с. 365].

С другой стороны, система социального действия сохраняет стабильность благодаря совместной деятельности подсистем общества, которые выполняют, по выражению Т. Парсонса, основные функции сохранения структуры. К ним философ относил:

- адаптацию (приспособление к изменяющейся окружающей среде – функция экономики);
- целенаправленность (выдвижение общесистемных целей – функция политики);
- интеграцию (обеспечение сплоченности, солидарности – функция социетальной общности);
- сохранение латентной структуры (сдерживание внутренней напряженности – функция культуры).

Проблема социального порядка является предметом анализа и объяснения во многих других социологических теориях.

Так, в теории обмена социальный порядок представлен как состоящий из устойчивых структур обмена, которые формируются на основе поведения людей, стремящихся к максимизации выгод и минимизации затрат в процессах материального и нематериального обмена друг с другом, а также следующих правилам социального обмена.

В символическом интеракционизме социальный порядок рассматривается как продукт ценностного консенсуса большинства членов общества. Сосредоточив особое внимание на общении людей и познании мира посредством широкого набора разнообразных значений и символов, интеракционисты относят согласованное символическое взаимодействие к важнейшему условию возникновения и поддержания социального порядка.

Современные трактовки проблемы социального порядка

Подводя промежуточный итог, можно отметить следующее. Традиция анализа проблемы социального порядка в ее гоббсовской постановке (почему возможно существование общества?) привела к тому, что акцент в классических социологических теориях сделан на равновесии и стабильности. Проблема изменчивости основ социальной организации представлена в них преимущественно в виде процесса их формирования, сохранения и разрушения. В связи с этим Р. Нисбет справедливо замечал, что практически все значимые идеи европейской социологии могут быть поняты как ответ на проблему порядка, созданного в начале XIX в. коллапсом старого режима под влиянием индустриализма и революционной демократии. Последствием этого явилось то, что в господствующей концептуальной парадигме из социально-исторического процесса стали исчезать действующие в нем люди. В определенной мере эта традиция была прервана концепцией социального действия М. Вебера.

Парадигматический сдвиг в социальной теории от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил, когда социальный порядок видится как воспроизводимый и конструируемый в результате человеческих действий, произошел в конце прошлого – начале нынешнего века и связан с представителями теории социальных агентов: Н. Элиасом, П. Бурдьё, А. Гидденсом, П. Бергером, Т. Лукманом и др. Современные философы отделились от дюркгеймовской традиции отдавать приоритет структурным детерминантам социальных процессов и стали подчеркивать активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни и влияющих тем самым на ее протекание и развитие. В результате их совместных интеллектуальных усилий функционирование и развитие общества сегодня рассматривается как общий итог действий всех социальных агентов (субъектов).

Суть взглядов упомянутых выше социологов может быть кратко выражена следующими тезисами. Во-первых, общество – это процесс, подвергаемый постоянным изменениям. Во-вторых, эти преобразования преимущественно эндогенные, способные к саморазвитию. В-третьих, их главная движущая сила – активность отдельных личностей и групп. В-четвертых, действие совершается в контексте перемещающихся структур, которые общество создает и под влиянием которых находится само, результатом чего является двойственность структур (формирующих и формируемых) и действующих лиц (производящих и производных). В-пятых, взаимовлияние действий и структур происходит посредством сменяющихся друг друга периодов созидательной активности действующих агентов и строгой предопределенности структур.

Так, создатель фигуративной социологии Н. Элиас связывает основы социальной организации с наличием множества фигураций, под которыми понимает различным образом структурированные

взаимозависимости индивидов, связывающие их между собой. Взаимозависимости, в которые включены индивиды, не только действуют как внешние принуждения, но и участвуют в формировании внутренних структур личности, ее чувств и мышления. Фигурации отличаются одна от другой длительностью и сложностью цепочек взаимосвязей. Они не ограничиваются теми зависимостями, которые люди познают на основе своего опыта или благодаря осознанию. Их разнообразие, как писал Н. Элиас, распространяется от четырех человек, играющих в карты, до нации или международных отношений. Фигурации устанавливают рамки действий, которые определяют как возможности индивидуального выбора, так и его пределы [19, с. 62–65].

Конфигурация многих взаимных зависимостей, считает Н. Элиас, отмечена неравенством, доминированием и властью. Власть он понимает не как нечто, чем «кто-то» обладает, а согласно формуле: «Даже если мы в большей степени зависим от других, нежели эти другие зависят от нас, они имеют над нами власть». Это, в частности, означает, что каждая сторона по-своему испытывает принуждение. В связи с этим Н. Элиас приводит пример: «король-солнце» Людовик XIV, обладая, несомненно, большей свободой, чем другие представители французского общества той эпохи, не мог делать всего, что пожелает, поскольку был включен в сеть взаимозависимостей, присущих придворному обществу.

В изменениях социальной конфигурации Н. Элиас видит причину решающих исторических перемен. Например, возникновение абсолютной монархии социолог объясняет действием так называемого королевского механизма, состоящего в том, что короли появляются при наличии особой конфигурации, когда соперничающие функциональные группы амбивалентны, т. е. одновременно зависимы друга от друга и враждебны по отношению друг к другу, а власть оказывается поровну распределенной между ними, что препятствует возникновению серьезного конфликта или итогового компромисса.

Родоначальник структуралистского конструктивизма П. Бурдьё, объясняя свой в определенном смысле «перекрестный» подход к формированию основ общественной жизни, пишет: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире <...> существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями» [20, с. 181–182].

С целью реализации своей исследовательской позиции П. Бурдьё использует два ключевых понятия: габитус и поле.

Габитус, как объясняет французский социолог, – это система мотивационных и когнитивных структур, являющихся продуктом условий существования и управляющих поведением и восприятием индивида в обыденных ситуациях [20, с. 120]. Формируется габитус первоначально через первые жизненные опыты человека (первичный габитус), а затем через опыт его взрослой жизни (вторичный габитус). Составляющие его диспозиции устойчивы и пытаются сопротивляться изменению, тем не менее они способны преобразовываться в процессе жизни. Содержание габитуса образуется в тесной связи с социальным положением человека. Люди с аналогичным статусом обычно обладают схожими габитусами. Габитус порождает индивидуальные и коллективные практики, которые позволяют справляться с непредвиденными и постоянно меняющимися ситуациями, но полностью положиться на него в критических, опасных ситуациях невозможно [20, с. 120]. Воспроизводится габитус скорее тогда, когда сталкивается с привычными ситуациями, однако он способен к инновациям, если оказывается лицом к лицу с незнакомыми ситуациями [21, с. 117].

Поле – это определенная сфера (пространство) социальной жизни, обладающая своей структурой, логикой и набором ценностей, которые сформировались и существуют независимо от индивидуального сознания и воли. Кроме того, имеется ряд полуавтономных полей (экономическое, религиозное, художественное, высшего образования и др.), у каждого из которых собственные логика и значения. Полю присуще неравномерное распределение свойственных ему легитимных средств, следствием чего становится конкурентная борьба за их капитализацию, включая экономический, политический, социальный, культурный, символический и другие капиталы. Особую социальную роль играет поле власти (политики), а также символическое насилие как главный механизм утверждения господства. Агенты, занимающие определенные позиции в рамках того или иного поля, используют разнообразные стратегии действия, хотя и соблюдают правила поля. Взаимоотношения габитуса и поля П. Бурдьё характеризует следующим образом: поле обуславливает габитус, габитус образует поле как нечто, обладающее смыслом и заслуживающее затрат жизненной энергии людей.

Для описания взаимодействия структур и социальных действий Э. Гидденс ввел понятие структуризации, понимая под ней «двусторонний процесс, с помощью которого мы как формируем свой социальный мир через собственные действия, так и сами меняемся благодаря обществу» [22, с. 619]. Разъясняя,

что такое структуризация, английский социолог писал: «Условия социальной среды, в которой мы живем, не состоят всего лишь из случайно образовавшихся цепочек событий или действий – они структурированы или смоделированы неодинаковым образом. В наших формах поведения и в отношениях друг с другом есть упорядоченность. Но структура социальная не похожа на материальную, как у строения, существующего независимо от действий человека. Сообщества людей всегда находятся в процессе структуризации. В любой момент они подвержены реконструкции, осуществляемой теми самыми “строительными блоками”, из которых построены, т. е. реконструкции, производимой человеческими существами» [22, с. 19]. Свой социальный оптимизм Э. Гидденс связывал с большим объемом социальной рефлексивности, когда многие аспекты жизни, которые прежними поколениями принимались как само собой разумеющиеся, связаны с необходимостью открытого принятия решений [22, с. 585].

Основатели социального конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что социальный порядок – это человеческий продукт и в своем генезисе (как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (существует только потому, что человек продолжает его создавать своей деятельностью). Фундаментом социального порядка стала типизация повторяющихся успешных человеческих действий. Любой институционализации, т. е. формированию социальных институтов и усвоению людьми своих социальных ролей, раскрывают свою мысль П. Бергер и Т. Лукман, предшествует хабиитуализация – «опривычивание» человеческой деятельности. Живучесть и сила привычки коренятся в том, что часто повторяемое действие воспроизводится с экономией усилий и освобождает человека от бремени принятия решений в ситуации неопределенности, принося ему тем самым психологическое облегчение и высвобождая энергию для инноваций [23, с. 89–91].

Таковы базисные положения наиболее известных теоретико-методологических подходов к объяснению возникновения и существования социального порядка, основ организованной общественной жизни. Что касается более конкретного наполнения понятия «социальный порядок», английский социолог П. Коэн замечает, что в современной социологической науке оно имеет достаточно много логически связанных между собой значений, и называет в числе главных следующие из них. Понятие «социальный порядок», во-первых, имеет отношение к определенным ограничениям, запретам и контролю в общественной жизни; во-вторых, подразумевает существование взаимности в обществе (поведение каждого индивида не случайно и не беспорядочно, но отвечает взаимностью или дополняет поведение других); в-третьих, включает в себя элемент предсказуемости и повторяемости в общественной жизни (люди могут действовать социально только в том случае, если они знают, чего ожидают друг от друга); в-четвертых, может означать определенную согласованность, непротиворечивость компонентов социальной жизни; в-пятых, указывает на устойчивость, более или менее длительное сохранение ее форм [24, р. 18–19].

В заключение можно отметить, что в поисках ответа на вопрос «Как возможно существование общества, государства?» в истории социальной мысли сложились многообразные, часто весьма отличные друг от друга теоретико-методологические подходы. В последнее время доминирующим становится видение социального порядка в первую очередь как результата вполне осознанных человеческих действий. Современные реалии, которые характеризуются заметным нарушением основ организации общественной жизни как на национальном, так и на международном уровне, требуют дальнейшего исследования теоретико-методологических и практических проблем конституирования и поддержания социального порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конфуций: Жизнь. Учение. Мысли, изречения, афоризмы / сост. В. В. Юрчук. 3-е изд. Минск, 2003.
2. Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3.
3. Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4.
4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. : в 2 т. М., 1991. Т. 2.
5. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Антол. мир. филос. : в 4 т. М., 1970. Т. 2.
7. Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2011.
8. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
9. Социология Конта в изложении Ригولاжа. СПб., 1898.
10. Spencer H. First principles. N. Y., 1896.
11. Spencer H. Social statics. London, 1851.
12. Spencer H. The principles of ethics. N. Y., 1904. Vol. I.
13. Tönnies F. Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft // Köln. Ztschr. Soziol. 1955. Jg. 7, № 3.
14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
15. Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии: период открытого кризиса: нач. 10-х – сер. 30-х гг. XX в. / ред. П. Я. Гальперин, А. Н. Ждан. М., 1980.

16. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
17. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
18. Американская социология. М., 1972.
19. Элиас Н. Понятие фигурации // ЖССА. 2000. Т. III, № 3.
20. Бурдьё П. Начала. М., 1994.
21. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
22. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсола : пер. с англ. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М., 2005.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
24. Cohen P. Modern social theory. London, 1968.

REFERENCES

1. Konfutsii [Confucius]: Zhizn'. Uchenie. Mysli, izrecheniya, aforizmy. 3rd ed. Minsk, 2003 (in Russ.).
2. Platon. Gosudarstvo [State]. Sobranie sochinenii : in 4 vol. Mosc., 1994. Vol. 3 (in Russ.).
3. Aristotel'. Politika. Sochineniya: in 4 vol. Mosc., 1983. Vol. 4 (in Russ.).
4. Gobbs T. Levianfan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or matter, form and power of the church and the civil state]. Sochineniya : in 2 vol. Mosc., 1991. Vol. 2 (in Russ.).
5. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. Sochineniya : in 3 vol. Mosc., 1988. Vol. 3 (in Russ.).
6. Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava [The Social Contract, or Principles political rights]. *Antologiya mirovoi filosofii* : in 4 vol. Mosc., 1970. Vol. 2 (in Russ.).
7. Kont O. Obshchii obzor pozitivizma [Overview of positivism]. Mosc., 2011 (in Russ.).
8. Aron R. Etapy razvitiya sotsiologicheskoi mysli [Stages of development of sociological thought]. Mosc., 1993 (in Russ.).
9. Sotsiologiya Konta v izlozhenii Rigolazha [Comte Sociology as submitted Rigolazha]. Saint Petersburg, 1898 (in Russ.).
10. Spencer H. First principles. N. Y., 1896.
11. Spencer H. Social slatics. London, 1851.
12. Spencer H. The principles of ethics. N. Y., 1904. Vol. I.
13. Tönnies F. Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft. *Köln. Ztschr. Soziol.* 1955. Jg. 7, No. 3.
14. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [On the division of social labor. Sociology method]. Mosc., 1990 (in Russ.).
15. Dyurkgeim E. Sotsiologiya i teoriya poznaniya [Sociology and the theory of knowledge]. *Khrestomatiya po istorii psikhologii: period otkrytogo krizisa: beginning of 1920s – middle of 1930s* / ed. by P. Y. Gal'perin, A. N. Zhdan. Mosc., 1980 (in Russ.).
16. Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Mosc., 1990 (in Russ.).
17. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
18. Amerikanskaya sotsiologiya [American sociology]. Mosc., 1972 (in Russ.).
19. Elias N. Ponyatie figuratsii. *J. Sociol. Soc. Anthropol.* 2000. Vol. III, No. 3 (in Russ.).
20. Burd'e P. Nachala [Started]. Mosc., 1994 (in Russ.).
21. Burd'e P. Prakticheskii smysl [The practical meaning]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
22. Giddens E. Sotsiologiya [Sociology] : transl. from Engl. 2nd ed. Mosc., 2005 (in Russ.).
23. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Mosc., 1995 (in Russ.).
24. Cohen P. Modern social theory. London, 1968.

Статья поступила в редколлегию 02.11.2016.
Received by editorial board 02.11.2016.

УДК 101.1:316.3

СЕТЕВАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ПРЕДМЕТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Я. С. ЯСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Раскрываются статус и проблемное поле инновационной модели сетевой философии. Уточняется методологическая роль, а также предназначение сетевой философии в осмыслении коммуникативных практик сетевой экономики, политики и культуры. Подчеркивается необходимость разработки правил и регулятивов сетевого этикета. Сетевая философия трактуется как обобщенная система взглядов человека на виртуальную реальность, нацеленная на выявление ее природы, особенностей описания (нарратива) и познания, обоснование социокультурных ценностей сетевой коммуникации, исследование механизмов управления человеком и обществом посредством сетевого воздействия и формирования основных жизненных позиций людей, их убеждений, идеалов, принципов познания и оценки материальных и духовных событий.

Ключевые слова: виртуальная реальность; организационная структура; сетевая культура; сетевая философия; политическое пространство; сетевая экономика; управление; электронное правительство; этика интернета.

NETWORK PHILOSOPHY AS A SUBJECT METHODOLOGICAL REFLECTION IN THE CONTEST CALL INFORMATION SOCIETY

Y. S. YASKEVICH^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the status and the problem field of innovation model of network philosophy. Reveals methodological role and purpose of the network of philosophy in understanding the communicative practices of the network economy, politics, culture. The thesis of the need to develop rules and regulators netiquette. Network philosophy is treated as the generalized system of human views on virtual reality, aimed at identifying its nature, the characteristics of the description (narrative) and of the knowledge, study of social and cultural values of the network of communication, study human and social control mechanisms through the use of possibilities of network effects and the formation of the basic attitudes of people, their beliefs, ideals, principles, knowledge and evaluation of material and spiritual events.

Key words: virtual reality; organizational structure; culture network; the network philosophy; political space; network economy; management; e-government; Internet ethics.

Образец цитирования:

Яскевич Я. С. Сетевая философия как предмет методологической рефлексии в контексте вызовов информационного общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 57–62.

For citation:

Yaskevich Y. S. Network philosophy as a subject methodological reflection in the contest call information society. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 57–62 (in Russ.).

Автор:

Ядвига Станиславовна Яскевич – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Yadwiga Yaskevich, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
yaskevichys@bsu.by

Сегодня в контексте информационных технологий (ИТ) появляется своего рода социальный заказ от современного общества на разработку интегративной модели методологии сетевой философии, которая задавала бы параметры исследования особенностей сетевых структур в различных областях: сетевой экономике, сетевой политике, сетевом коммуникативном пространстве и т. д. Виртуализация культуры, экономики, политики требует философско-методологического осмысления разнообразных проблем информационного общества, статуса и роли сетевой философии, разработки ее этических аспектов, механизмов формирования сетевой культуры в контексте принципов и подходов информационно-электронного общества, динамики социокультурной и национальной идентичности, экзистенциальных поворотов личностного бытия. Цель настоящей статьи – обозначить проблемное поле сетевой философии, механизмы и особенности сетевизации экономики, бизнеса, политики и культуры в условиях информационного общества, раскрыть роль и предназначение сетевой философии в исследовании сетевых структур в различных сферах и формировании регулятивов сетевого этикета.

Современные социальные коммуникации в разных областях культуры под воздействием ИТ приобретают совершенно новые, порой парадоксальные черты. В процессе динамики сетевой философии и ее методологического осмысления сформировалось несколько течений, которые условно можно типологизировать как хакерство, киберанархизм, сетевое либертарианство, а также копилефт [1]. Ярким проявлением интенсивной философской и идеологической деятельности представителей указанных течений стали всевозможные декларации, манифесты, статьи, художественные произведения и т. п. Наибольшую известность среди них получили «Декларация независимости киберпространства» Джона Барлоу [2] и «Манифест киберпанка» Кристиана Кирчева [3].

Зарождение сетевой философии относится к 1960-м гг., когда появились первые хакеры, а сам феномен хакерства, окруженный аурой таинственности и необычности, стал привлекательным для многих пользователей. Проблемы изучения культуры хакеров связаны с определением основ и этапов развития хакерского движения, которые сводятся к следующему. Значительное влияние на хакеров оказало движение хиппи. Поскольку хакеры были первопроходцами компьютерных технологий и интернета, доступ к которым в первое время был сильно ограничен, они выступали против государственного вмешательства в научно-технический прогресс. Целью их деятельности было развитие человеческого знания как такового, а для этого требовался свободный обмен информацией. Кроме того, необходимо было избегать нанесения ущерба при вторжении в систему. В знаменитом «Манифесте хакера» Л. Блэнкеншипа (1986) выражены главные ценности хакерской субкультуры: безразличие к цвету кожи, национальности и религии; превосходство знаний и нестандартного образа мыслей; безграничная свобода информации, необходимой для исследований; сами исследования на основе чистого любопытства [4]. В дальнейшем сращивание хакерского сообщества с криминалом показало слабость данной мировоззренческо-идеологической субкультуры, учитывая, что и на современном этапе развития хакеры сотрудничают со структурами, выходящими за пределы правового поля, а также с некоторыми ведущими коммерческими производителями программного обеспечения.

Киберанархизм, как следующее направление сетевой культуры, представляет собой новую версию классического анархизма, в основе идеологических постулатов которого лежат идеи равенства людей и неприятие государства. Интернет дает возможность пользователям объединяться вне государственного влияния, эффективно самоуправляться в виртуальных сообществах, самостоятельно обсуждать и принимать решения, формировать взвешенное общественное мнение.

Под сетевым либертарианством, получившим широкое распространение в современном мире, понимают виртуально установившуюся в киберпространстве концепцию, главными постулатами которой являются:

- максимальное ограничение вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков;
- индивидуализм;
- представление о человеке как гражданине мира;
- свобода слова, граничащая с отрицанием прав на интеллектуальную собственность;
- сетевое самоуправление;
- акцент на этические, а не правовые нормы как основу самоуправления.

Платформа и практика копилефта (от англ. *copy* – экземпляр, копия; *left* – лево) в интернете направлены на то, чтобы пользователи имели неограниченное право применять, изменять и распространять как исходный материал, так и производные от него объекты авторского права. Концепция копилефта как одного из направлений сетевой культуры стала основой для появления, например, бесплатной операционной системы Linux и интернет-энциклопедии «Википедия». Кроме того, идея бесплатного использования, модифицирования, тиражирования и распространения информации послужила базовым принципом технологий вирусного маркетинга, активно применяемых в рекламных и PR-коммуникациях.

Таким образом, сетевая философия в ее методологическом осмыслении – это обобщенная система взглядов человека на виртуальную реальность (от лат. *virtual* – возможный) как социокультурный феномен информационного общества. Сетевая философия нацелена на выявление природы, специфики познания и особенностей описания (нарратива) виртуальной реальности; выработку социокультурных и ценностных регулятивов сетевой коммуникации; исследование механизмов управления обществом посредством использования возможностей сетевой культуры; изучение формирующихся в контексте сетевого воздействия ключевых жизненных позиций людей, их убеждений, идеалов, принципов познания и оценки материальных и духовных событий.

В рефлексивно-методологической модели сетевой философии можно выделить онтологические, гносеологические и ценностные основания. Онтология сетевой философии раскрывает прежде всего сущность виртуальной реальности, специфику ее пространственно-временных измерений и механизмов трансформации. Виртуальная реальность, как социокультурный феномен информационного общества, рассматривается в качестве, во-первых, концептуализации радикального этапа развития техники и технологий, которая позволяет открывать и создавать новые измерения культуры и общества, одновременно порождая острые проблемы, требующие критического осмысления; во-вторых, развития идеи множественности миров (возможных миров) и относительности реального мира.

В современной философской литературе подход, основанный на признании множественности реальности и осуществляющий в таком контексте реконструкцию природы виртуальной реальности, получил наименование виртуалистики [5]. Здесь важны следующие теоретические предпосылки: 1) понятие объекта научного исследования необходимо дополнить понятием реальности как среды существования множества разнородных и разнокачественных объектов; 2) виртуальная реальность включает в себя связь разнородных объектов, расположенных на различных иерархических уровнях взаимодействия и порождения объектов: она всегда основывается на некоторой исходной (константной) реальности, относится к реальности константной как самостоятельная и автономная реальность, находясь лишь во временных рамках процесса ее создания и поддержания существования, и способна порождать иную виртуальную реальность следующего уровня.

Для работы с понятием виртуальной реальности необходимо отказаться от моноонтического мышления (постулирующего существование только одной реальности) и ввести полионтическую парадигму (допускающую множественность миров и промежуточных реальностей), которая позволит строить теории развивающихся и уникальных объектов, не сводя их к линейному детерминизму. Проблематика виртуальной реальности конституируется в рамках постнеклассической философии в последней четверти XX в. как проблема природы многообразной реальности в ее многообразных измерениях и контекстах [6, с. 386]. Сегодня информационные суперсети и виртуальная реальность еще не стали общекультурными практиками, но обладают гигантским потенциалом для управления процессом порождения иных культурных идентичностей и моделей субъективности – с новыми содержательными наполнениями в интерпретации творческого предназначения и статуса субъекта, его коммуникативных практик в сетевом пространстве экономики, политики, культуры. Концепция и практика виртуальной реальности имеют довольно разнообразные контексты возникновения и развития в молодежной контркультуре, компьютерной индустрии, литературе (научная фантастика), военных разработках, космических исследованиях, искусстве и дизайне. На современном же этапе, как это не раз происходило в истории философской мысли, возникает насущная потребность в рефлексии над основаниями формирующейся сетевой философии, выявлении ее открытых онтогносеологических и экзистенциальных аспектов.

Онтология виртуальной реальности детерминирует становление особого типа гносеологических проблем: необходимости изучения изменяющихся представлений о познавательных возможностях человека, его восприятии, отношении к реальному и виртуальному миру, а также исследования феномена киберпространства (*cyberspace*). Виртуальная реальность и киберпространство пробуждают наше воображение и позволяют преодолеть экзистенциальную ограниченность реальности: выйти за пределы реальной жизни и смерти, времени и тревоги, заброшенности и конечности; совершать операции с компонентами виртуальной реальности, потенциально вполне идентичными операциям с настоящими инструментами и предметами. Работа в среде виртуальной реальности сопровождается эффектами легкости, быстроты, носит акцентированно игровой характер, когда возникает ощущение единства машины с пользователем, перемещения в виртуальный мир.

В контексте современной сетевой культуры, экономики и политики формируется научная картина социальной реальности, которая испытывает на себе влияние инновационно-сетевых стратегий. Однако и в рамках новых реалий она по-прежнему является, как подчеркивает В. С. Стёпин, особой формой теоретического знания, выступает важнейшим компонентом общенаучной картины мира, описывает обобщенное видение системной организации и развития общества. Динамика организационных преобразований в сетевом пространстве задает необходимость выявления ее антропологических

и нравственных поворотов, в том числе и разработки сетевого этикета. Во всех современных научных представлениях об обществе как целостной системе выделяют, как правило, три основных блока:

1) экономику в ее взаимосвязи с политикой, правом, моралью и другими формами общественного сознания;

2) систему социальных связей людей и соответствующие институты;

3) культуру в ее разнообразных проявлениях [7, с. 342].

Задача состоит в том, чтобы выявить взаимосвязи этих подсистем и их функций в социальной жизни в условиях инновационных подходов в культуре, экономике, политике, сетевых структурах, а также обозначить проблематику и исследовательское поле сетевой философии, которые включают в себя:

- статус и функции виртуальной реальности;
- природу, специфику, причины и факторы развития феноменов сетевого пространства;
- тематизацию содержания и взаимоотношений экономики с политикой, правом, моралью в условиях сетевой коммуникации;
- структуру и методы познания виртуальной реальности;
- формирование и статус фактов в сетевом пространстве;
- функции информационно-виртуальной коммуникации;
- трансформацию социокультурной и национальной идентичности в информационно-коммуникативном пространстве;
- виртуализацию образа жизни человека информационной эпохи;
- характер экзистенциальных проблем в контексте сетевого общества;
- этику взаимоотношений в сетевом пространстве.

Информационная культура, экономика, политика реализуются только благодаря своему источнику, средству и результату, в качестве каковых выступает личность. Что происходит с личностью в условиях глобализации, виртуализации и сетевизации социального пространства, массовизации культуры, а также проблематизации национальной идентификации человека и государств? Как отмечают исследователи, человеческое «Я» все больше превращается в точку бифуркации, сборки, нелинейную волну свободы и ответственности, странника в стихиях возможного бытия. Проектно-брендовой идентификации личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. Одновременно в культуре, политике и экономике мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов, построенных в том числе на преодолении расовых, гендерных, возрастных и даже просто человеческих характеристик идентификации [8].

Динамика информационного общества и телекоммуникационных технологий приводит к формированию особой среды для экономической деятельности, развитию инфраструктуры интернет-пространства, его коммерциализации и изменению способов ведения бизнеса, а также становлению электронного рынка в контексте принципов и подходов сетевой экономики. Как хозяйственно-экономическая деятельность, осуществляемая с помощью электронных сетей, сетевая экономика обеспечивает технологическую среду, в которой юридические и физические лица могут контактировать между собой, базируясь на горизонтально-прямым длительным связям между всеми участниками совместной деятельности в информационно-коммуникационной среде интернета. Появляется новая форма управления экономической деятельностью, которая отличается по своему масштабу от рыночной и централизованной. Сетевая экономика носит глобальный характер и может существовать только в компьютерных сетях, создавая основу для электронного бизнеса и коммерции.

Характерными особенностями современных рынков в рамках сетевой экономики, как отмечает А. В. Кареев, являются возрастание скорости изменений и рост информационных потоков во внешней среде, вызывающие стремительные преобразования во внутренней структуре компаний. Эти процессы вызваны бурным ростом экономики и технологических возможностей в сфере организации бизнеса, свободой предпринимательской деятельности и, как следствие, обострением рыночной конкуренции, интенсификацией в некоторой степени неупорядоченных и несогласованных действий разрозненных рыночных агентов в среде предпринимателей. Обработка большей части информации происходит в центре иерархии, а подчиненные компоненты структуры получают уже конкретные указания. Фундаментом для возникновения сетевых эффектов является информация в форме знания, на базе которого строится повторяемость процесса или группируются элементы организационной структуры [9]. Экономика сетевого управления, построенная на принципе поощрения самоконтроля, креативного решения сложных ситуаций, высокой потребности в самостоятельности и ответственности, творческого участия и взаимного доверия, означает управление на основе ценностей и развития человеческого потенциала.

Под воздействием интернета в современном сетевом обществе происходит серьезная трансформация как экономического, так и политического пространства, публичной сферы, коммуникативных практик в различных областях, что, несомненно, влияет на принятие решений в экономике. Политическая

коммуникация в интернете включается в широкий спектр массовой коммуникации, воздействует на формирование отношения к тем или иным политическим проблемам общества и в конечном счете на функционирование экономической и политической систем, их стабильность и устойчивость [10]. В точках исторической бифуркации, дестабилизации мировой социальной системы, близкой к потере равновесия, – с активным применением в том числе сетевых механизмов – реальными становятся сценарии хаотизации общества. К фактическим предпосылкам в виде социально-экономических и политических оснований добавляются еще и манипуляционно-сетевые методы воздействия на людей – и приходит пора трагического бытия «на изломе», возникает необходимость реального исторического выбора, ибо, «когда сложные открытые системы достигают критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются» [11, с. 12].

В контексте сетевой культуры интенсивно формируется электронное правительство как система электронного документооборота государственного управления, основанная на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в масштабах страны и служащая целям существенного повышения эффективности государственного управления, снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества, а также оптимизации оказания правительственных услуг населению и бизнесу. Создание электронного правительства должно обеспечить не только более качественное администрирование, но и кардинальное изменение взаимоотношений между обществом и правительством, что приведет к совершенствованию демократии и повышению ответственности власти перед народом с учетом взаимодействия между государством и гражданами (*G2C, Government-to-Citizen*); государством и бизнесом (*G2B, Government-to-Business*); различными ветвями государственной власти (*G2G, Government-to-Government*); государством и госслужащими (*G2E, Government-to-Employees*). Инновационная модель управления на основе ценностей потребует реорганизации культуры предприятия в целом, системного управления качеством и эффективного планирования.

В условиях радикальной виртуализации социокультурного пространства необходимо разработать регулятивы организации нравственно ориентированного поведения в Сети, сетевой этикет – нетикет (*netiquette*) – как междисциплинарную область знания, связанную с осмыслением и нравственной оценкой бурно развивающихся интернет-технологий, их достижений и проблематики. Появляется сетевой этикет на основе классической этики, относящейся к разделу прикладной этики (наряду с такими ее областями, как биоэтика, экологическая этика, биомедицинская и другие прикладные этики) и выступающей в качестве способа нормативной регуляции поведения в интернете. Она подразумевает запрет грубости, пропаганды наркотиков, насилия, размещения материалов порнографической, нацистской и другой общественно опасной направленности.

В последнее время возникла проблема этического регулирования и оценки сетевой экономики, политики, культуры, бизнеса, придания им нравственных ориентиров. Правила нетикета носят рекомендательный характер и, в отличие от правовых норм, предусматривающих определенные санкции за их нарушение, не содержат конкретных мер наказания за тот или иной нравственный проступок, кроме общественного порицания. Внутренним гарантом пользователя выступает совесть, а внешним – общественное мнение. Тем не менее информационное сообщество, учитывая специфику новой сферы – Всемирной паутины, обеспечивающей внедрение новых информационных и коммуникационных технологий, – создает соответствующие принципы сетевой этики. Например, принцип личной свободы, согласно которому каждый пользователь интернета волен делать все, что ему будет угодно, если это не вредит другим членам общества, не ущемляет их интересов. И. Кант выразил этот принцип в своем категорическом императиве словами: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [12, с. 270].

Некоторые авторы в качестве принципа сетевого этикета упоминают здоровый консерватизм, предусматривающий бережное отношение сетевого сообщества к уже достигнутым знаниям и соблюдение требования преемственности. Наряду с этим существует и принцип самосохранения сетевого сообщества, которое должно беречь и защищать свою среду обитания – интернет, обеспечивая его устойчивость, адекватно используя механизмы обратной связи. Сетевой этикет налагает огромную ответственность на каждого члена сообщества, получающего и выкладывающего собственную информацию в интернете. Все категории классической этики (добро и зло, долг и добродетель, совесть и честь, достоинство и благородство, справедливость и ответственность) сохраняют свою общечеловеческую значимость в интернете, нацеливая пользователей на открытый диалог, толерантность и взаимоуважение.

Таким образом, современная концептуальная модель сетевой философии ориентирована на теоретико-философское осмысление динамично развивающихся процессов в сфере культуры, экономики, современных рынков, радикальных трансформаций политического и социокультурного пространства на реальном и локальном уровнях, что обуславливает конструирование методов и принципов познания виртуальной реальности, разработку этических правил и регулятивов поведения в интернете.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Быков И. А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Полит. наука. 2008. № 2. С. 79–98.
2. Барлоу Д. П. Декларация независимости киберпространства // XYZ – сетевой проектный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html> (дата обращения: 05.10.2014).
3. Кирчев К. А. Манифест киберпанка // Сайт Марата Гельмана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/mani-fest/istochniki/kiberpank.htm> (дата обращения: 05.10.2014).
4. The Mentor. The Conscience of a Hacker // Phrack. Vol. 1, issue 7. Phile 3 of 10 [Electronic resource]. URL: <http://www.phrack.org/archives/7/P07-03> (date of access: 05.05.2011).
5. Носов Н. А. Виртуальная психология. М., 2000.
6. Яскевич Я. С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды : избр. тр. Минск, 2014.
7. Степин В. С. Философская антропология и философия культуры. М., 2015.
8. Акопов С. В. Транснациональное измерение современности // Филос. науки. 2015. № 3. С. 110–119.
9. Кареев А. В. Сетевые эффекты на современных рынках // Экономика, предпринимательство и право. 2012. № 4 (15). С. 13–17.
10. Яскевич Я. С. Рациональное управление на основе нравственных ценностей // Проблемы управления. 2013. № 4. С. 148–158.
11. Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград, 2014.
12. Кант И. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 211–310.

REFERENCES

1. Bykov I. A. Cyberspace as a factor in the development of political ideologies. *Politicheskaya nauka*. 2008. No. 2. P. 79–98 (in Russ.).
2. Barlow D. P. The Declaration of Independence of Cyberspace. *XYZ – setevoy proektniy zhurnal* [Electronic resource]. URL: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html> (date of access: 05.10.2014) (in Russ.).
3. Kirchev K. A. Cyberpunk Manifesto [Electronic resource]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/mani-fest/istochniki/kiberpank.htm> (date of access: 05.10.2014) (in Russ.).
4. The Mentor. The Conscience of a Hacker. *Phrack*. Vol. 1, issue 7. Phile 3 of 10 [Electronic resource]. URL: <http://www.phrack.org/archives/7/P07-03> (date of access: 05.05.2011).
5. Nosov N. A. *Virtual'naya psikhologiya* [Virtual psychology]. Mosc., 2000 (in Russ.).
6. Yaskevich Y. S. *Filosofiya i nauka: vremya dialoga, otvetstvennosti i nadezhdy* [Philosophy and science: Dialogue time, responsibility and hope] : izbrannye trudy. Minsk, 2014 (in Russ.).
7. Stepin V. S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Mosc., 2015 (in Russ.).
8. Akopov S. V. *Transnatsional'noe izmerenie sovremennosti* [The transnational dimension of modernity]. *Filos. nauki*. 2015. No. 3. P. 110–119 (in Russ.).
9. Kareev A. V. Network effects on the today's markets. *Ekon., predprinim. i parvo*. 2012. No. 4 (15). P. 13–17 (in Russ.).
10. Yaskevich Y. S. Rational management based on ethical values. *Probl. upr.* 2013. No. 4. P. 148–158 (in Russ.).
11. Laslo E. Global bifurcation: time to decide. Where to move the age of globalization? Volgograd, 2014 (in Russ.).
12. Kant I. *Osnovy metafiziki nrvstvennosti*. Soch. : in 6 vol. Mosc., 1965. Vol. 4, part 1. P. 211–310 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.06.2016.
Received by editorial board 20.06.2016.

УДК 316.472.42

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК СТРУКТУРИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ АГЕНТОВ

Е. В. БЕРНГАРД¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируются брачно-семейные отношения в рамках теории структуризации Э. Гидденса, а также с учетом гендерного подхода. Брак и семья рассматриваются как социальная практика, воспроизводимая социальными агентами. Выделена зависимость брачно-семейных отношений от конкретных социокультурных и социально-экономических условий. Даны определения основных понятий теории структуризации (структура, структуризация, рутина, дуальность структуры, правила, ресурсы). Обозначены этапы структуризации социальных практик брачно-семейных отношений. Описана взаимосвязь между рутинизацией действия и ценностными ориентациями социальных агентов на брак и семью.

Ключевые слова: структура; структуризация; дуальность структуры; правила; ресурсы; этапы структуризации; ценностные ориентации; рутинизация действия; рутина.

MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS AS A STRUCTURING SOCIAL PRACTICE OF AGENTS

A. V. BERNHARD^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Marriage and family relations have analyzed by means of theory of Structuration of A. Giddens in the article. The main provisions of this theory are considered through the prism of gender approach. Marriage and family are examined as the social practice reproduced by social agents. Dependence of marriage and family relations and certain sociocultural and socio-economic terms have viewed in the article. The definitions of the basic concepts of Structuration theory: structure, structuration, the routine, the duality of structure, rules, resources. The article describes the relationship between the routinized action and value orientations of individual and stages structuration of social practices.

Key words: structure; structuration; the duality of structure; rules; resources; stages of structuration; values orientations; routinisation action; the routine.

В настоящее время наблюдается смещение ценностных ориентиров белорусов от традиционных к современным вследствие включенности белорусского общества в глобальные процессы, в результате которых любая информация становится доступной, а в СМИ широко пропагандируется западная модель брачно-семейных отношений: сожительство и гостевые браки, свободные отношения, семьи без детей (*child-free*). Возрастает роль семьи и брака не только как традиционных институтов, но и как

Образец цитирования:

Бернгард Е. В. Брачно-семейные отношения как структурирующие социальные практики агентов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 63–68.

For citation:

Bernhard A. V. Marriage and family relations as a structuring social practice of agents. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 63–68 (in Russ.).

Автор:

Елена Владимировна Бернгард – аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко.

Author:

Alena Bernhard, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
lena.bern82@mail.ru

союзов, главное назначение которых – межличностное общение близких и заинтересованных друг в друге людей, совместное разрешение ими жизненных проблем и проведение свободного времени. Между тем с точки зрения государства семья остается ячейкой для воспроизводства населения [1]. Интерес исследователей к проблемам семьи не угасает, однако требуются новые теоретико-методологические подходы для объяснения трансформаций, которые происходят в семье сегодня.

Подход к анализу институтов брака и семьи в настоящей работе базируется на теории структуризации Э. Гидденса, в рамках которой вся человеческая деятельность рассматривается как социальная практика, упорядоченная в пространстве и времени [2]. Брак и семью также можно представить как социальную практику, воспроизводимую социальными агентами. Брачно-семейные отношения зависят от конкретных социокультурных и социально-экономических условий, поскольку вписаны в социальную действительность конкретного общества и в определенный промежуток времени. Приступая к анализу брачно-семейных отношений и ценностных ориентаций на брак и семью, исследователь всегда привязан к пространственно-временному континууму. Структуризация семьи – это процесс изменения социальной практики брачно-семейных отношений, который предусматривает их дерутинизацию вследствие социокультурных и социально-экономических трансформаций.

В отечественной социологии семья всегда рассматривалась как традиционная ценность, однако в современных условиях, с появлением новых форм брачно-семейных отношений, семья как социальный институт перестала быть традиционной. Наряду с желанием вступить в зарегистрированный брак студенческая молодежь все чаще стремится к построению равноправных отношений, прежде всего это касается распределения гендерных ролей в семье. Таким образом, несмотря на то что семья остается приоритетной ценностью, брачно-семейные отношения претерпевают изменения. Согласно теории структуризации Э. Гидденса следует изучать изменение не самого социального института, а его структуру.

В соответствии с комплексным подходом (в настоящей работе мы опираемся на теорию структуризации Э. Гидденса и системный подход М. С. Мацковского) в структуре семьи выделяются следующие элементы брачно-семейных отношений:

1) ресурсы – материальные и властные. Материальные ресурсы выражаются в финансовых средствах, материальных ценностях, наличии своего жилья; властные – в лидерстве в семье, принятии решений;

2) коммуникация – непосредственное общение между членами семьи, совместное времяпрепровождение;

3) правила – социальные нормы поведения, которые выступают в форме первичного социального контроля, осуществляемого в семье;

4) роли (распределение гендерных ролей относительно хозяйственно-бытовой, воспитательной, экономической сфер семьи);

5) функции – выполнение семьей социально значимых действий по воспроизводству населения и социально-экономическому, рекреационному поддержанию членов семьи [3].

Весной 2016 г. автором проводилось социологическое исследование на тему «Ценностные ориентации студенческой молодежи Беларуси на брак и семью». Выборочная совокупность исследования составила 600 студентов (51,2 % девушек и 48,8 % юношей) 3–4-х курсов университетов г. Минска (Белорусского государственного университета, Белорусского педагогического университета им. Максима Танка, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского государственного технологического университета); сбор информации проводился методом анкетного опроса. Главными критериями отбора респондентов были следующие: пол, курс обучения, специальность (техническая, гуманитарная). В данном исследовании студенческая молодежь представлена из всех областей Республики Беларусь. На основе заложенных в инструментарий индикаторов были проанализированы типы брачно-семейных отношений и модели семьи в студенческой среде. Исходя из данных нашего опроса, семья для студенческой молодежи является наиболее приоритетной ценностью: это признали 76,7 % от общего числа респондентов (семья очень важна – 48,5 %; семья важна – 13,5 %; семья достаточно важна – 8,5 %).

В целом семья как ценность очень важна для граждан Республики Беларусь – это отметили в среднем 82 % респондентов на протяжении шести волн опросов (1989–2014) в рамках Исследования мировых ценностей¹. Эти показатели иллюстрируют довольно стабильное отношение белорусов к семье как жизненно важной ценности. Вместе с тем при исключительной ценности семьи показатели разводимости остаются высокими. По статистике браков и разводов белорусов в разные периоды видно, что показатели данных явлений менялись, однако были неизменно высокими. Так, в 1990 г. в Беларуси было зарегистрировано 99 тыс. браков и 35 тыс. разводов [1]. В 2014 г. зарегистрировано 83 942 брака и 34 864 развода, т. е. 41,5 % зарегистрированных браков распадаются [4].

¹Online Data Analysis: World Values Survey Wave – Time Series. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.

Продемонстрированные студенческой молодежью ценности расходятся с реальным поведением юношей и девушек. Причина этого кроется в завышенных ожиданиях и требованиях, предъявляемых к брачному партнеру. В исследовании ценностных ориентаций студенческой молодежи респондентам было предложено выбрать 5 из 20 обязательных качеств (требований) для хорошего мужа, хорошей жены, а также характерных для самих участников опроса. Студенты чаще выбирали феминные качества для женщин и маскулинные для мужчин.

**Качества, обязательные для хорошего мужа, хорошей жены и характерные для студенческой молодежи, %
Character of good husbands and good wives and one characterizes students, %**

Качества	По мнению девушек ($n_1 = 100\%$)			По мнению юношей ($n_2 = 100\%$)		
	Для мужа	Для жены	Для самих студенток	Для мужа	Для жены	Для самих студентов
Супружеская верность	78,8	73,0	60,3	65,9	71,3	48,5
Чуткость и заботливость	36,5	59,3	36,2	28,0	47,8	22,5
Хозяйственность	16,6	56,7	29,0	15,0	38,6	13,6
Умение понимать партнера	34,8	32,9	40,4	29,0	31,4	29,0
Целеустремленность	38,1	11,4	20,2	42,3	12,6	21,8
Ответственность	45,9	24,1	30,0	33,1	19,4	24,6
Доброта	20,5	30,0	37,1	21,8	33,4	35,1
Терпимость	23,1	32,9	30,3	23,2	23,2	27,3
Ум и интеллект	33,2	29,6	24,1	40,6	23,5	32,8
Внешняя красота	4,9	15,0	9,8	6,1	37,2	10,2
Решительность	39,4	9,8	7,5	35,8	7,5	4,4

Отраженные в таблице данные иллюстрируют завышенные требования студентов к потенциальным брачным партнерам. Среди наиболее ожидаемых качеств хорошего мужа опрошенные студентки выделяют супружескую верность, ответственность, решительность, целеустремленность, чуткость и заботливость. Для хорошей жены, с точки зрения девушек, важны другие качества: супружеская верность, чуткость и заботливость, хозяйственность, терпимость, умение понимать партнера. По мнению большинства студентов, хорошие мужья должны обладать следующими качествами: супружеской верностью, целеустремленностью, интеллектом, решительностью и ответственностью. Хорошим женам юноши приписывают феминные качества: супружескую верность, чуткость и заботливость, хозяйственность, внешнюю красоту и доброту.

Несовпадение взглядов юношей и девушек на ролевое поведение мужа и жены предположительно может стать источником серьезных конфликтов в будущем. Многие молодые люди, предъявляя завышенные требования к потенциальному брачному партнеру, сами не обладают личностными качествами, необходимыми для создания прочной семьи. Исходя из самооценки юношей и девушек многим из них не хватает решительности, хозяйственности, чуткости и терпимости. Расхождение между идеализированным (желаемым) и реальным образом супруга (супруги) впоследствии может привести к неудовлетворенности семейной жизнью, частым конфликтам и разводу.

Среди наиболее весомых причин развода, по данным республиканского социологического исследования «Образ семьи в массовом сознании жителей Беларуси: региональные особенности»¹, респонденты называли такие, как злоупотребление алкоголем и наркотиками одним из супругов (75,2%), измена (68,3%), неумение уступать друг другу (53,4%), несовпадение характеров (45,3%).

Четкое разделение гендерных ролей в семье также вызывает частые конфликты. Сегодня женщины, занятые на официальной работе, несут на себе двойную нагрузку, поскольку вынуждены вести домашние дела и воспитывать детей. В нашем исследовании (2016) выделены три типа брачно-семейных отношений, основанных на разделении гендерных ролей в семье: традиционный, современный и смешанный (рис. 1).

¹Проводилось в 2015 г. Центром социологии культуры и социальной сферы ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

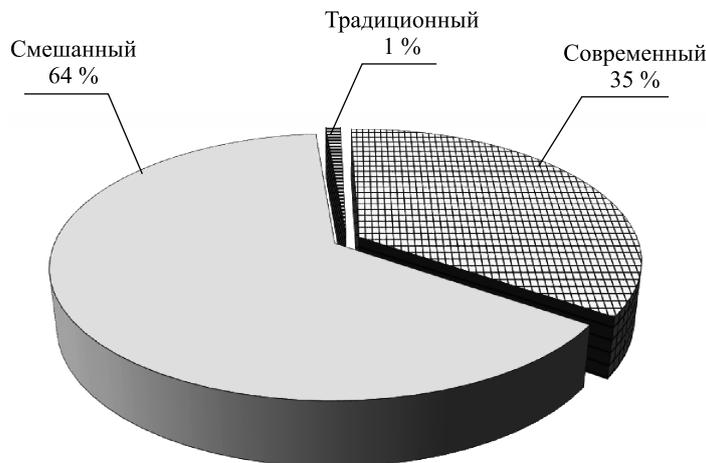

Рис. 1. Типы брачно-семейных отношений студенческой молодежи Беларуси
Fig. 1. Types of marital relations strived for by university students in Belarus

Традиционный тип характерен для семьи, члены которой воспроизводят патриархальные установки относительно функционально-ролевой структуры семьи. В такой семье воспитательную и хозяйственно-бытовую функции выполняет преимущественно женщина, а мужчина является добытчиком и главой семьи, принимает решения о распределении семейного бюджета. *Современному* типу семьи свойственны эгалитарные отношения между супругами, в домашний труд вовлечены мужчина и женщина в равной степени, брачные партнеры совместно занимаются воспитанием детей, принимают решения о распределении семейного бюджета и проведении досуга. *Смешанный* тип присущ семьям, в которых присутствуют как патриархальные, так и эгалитарные установки.

В проведенном нами осенью 2015 г. исследовании гендерного распределения ролей в семье студенты 5-го курса факультета философии и социальных наук БГУ высказали свое мнение о женских и мужских ролях. «В организации домашнего уюта участвуют в основном женщины. Мужчина, взявший на себя функцию главного “кошелька”, редко включается в дела домашние», – отметила девушка. «Девочек должны воспитывать женщины. Приготовление еды также женская функция. Мужчина занят более сложными проблемами. Отец – это глава семейства, который решает крупные задачи и является опорой семьи», – констатировал юноша.

Можно предположить, что традиционные взгляды студентов на семью и брак в дальнейшем будут способствовать выстраиванию брачно-семейных отношений по принципу патриархата.

По результатам нашего исследования, проведенного весной 2016 г., 98 % респондентов признают важность материнского и отцовского воспитания, опрошенные юноши осознают значимость роли отца в воспитании детей. Опыт родительства делает молодых людей более зрелыми, взрослыми и сильными в эмоциональном плане. Для мужчин особенно значимыми являются чувства отцовства, собственной значимости и ответственности.

Отношения супругов описывает одна из трех моделей взаимодействия:

1) *детоцентристская* (в семье, где внимание сосредоточено на детях, отношения строятся вокруг интересов ребенка, который находится в центре семейных забот. И поскольку родители готовы сделать все возможное ради благополучия детей, такой семье свойственно проявление гиперопеки);

2) *партнерская* (в семье, где внимание супругов направлено на межличностное взаимодействие, отношения выстраиваются вокруг коммуникации между брачными партнерами, для которых первостепенное значение имеют взаимная поддержка, совместное времяпрепровождение, общие интересы и увлечения. В такой семье взаимодействие родителей и ребенка характеризуется нормальной или гипопекой);

3) *разобщенная* (в семье, где внимание супругов направлено на внесемейную деятельность, брачные партнеры предпочитают проводить свой досуг отдельно друг от друга. Такие семьи разобщены, у каждого из партнеров свои интересы, взаимоотношения с детьми выстраиваются по принципу гипопеки).

В проведенном нами в 2016 г. исследовании 66,2 % опрошенных студентов согласились с суждением: «Родители обязаны делать все лучшее для своих детей, даже если это будет для них финансово затруднительно». По мнению студенческой молодежи, в семье должно быть двое детей – так считают 56,5 % респондентов (мнения девушек и юношей распределены примерно одинаково). Отвечая на вопрос: «Сколько детей хотелось бы иметь Вам лично?», большинство собеседников оказались ориентированы

на создание семьи с двумя детьми – 55,8 % опрошенных (из них девушек – 29,7, юношей – 26,2 %); семью с тремя детьми хотели бы создать 19,3 % участников опроса (из них девушек – 10,2, юношей – 9,2 %).

Основными мотивами вступления в брак студенты считают рождение и воспитание детей, потребность в любви и признании, возможность чувствовать относительную стабильность. Мотив «рождение и воспитание детей» 81,3 % опрошенных выделяют в качестве приоритетного для вступления в брак и создания семьи.

В теории структуризации Э. Гидденс рассматривает понятие «структура» как динамическую константу. Структура трансформируется благодаря действиям людей, которые воспроизводят и изменяют структурирующие социальные практики. Семья преобразовывается: у молодежи появляются новые целевые установки, юноши и девушки в большей степени ориентированы на новые формы брачно-семейных отношений, старые нормы устаревают и отвергаются. Ценностные ориентации определяют поведение, моральный выбор и жизненную позицию молодежи.

Ценностные ориентации – разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения; важнейший фактор, детерминирующий и регулирующий мотивацию личности и ее поведение [5].

В анализе ценностного сознания Н. И. Лапин рассматривает два типа базовых ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства), которые, в свою очередь, подразделяет на традиционные, общечеловеческие и современные. К современным ценностям-целям исследователь относит жизнь и свободу, а к традиционным – семью [6].

Брачно-семейные отношения выстраиваются в соответствии с доминирующими ценностями-средствами – материальными (традиционными) или постматериальными (современными). В данной дихотомии семья как ценность-цель характеризуется через структурирующую практику социальных агентов, а именно брачно-семейные отношения, которые формируются поведением супругов и их взглядами на жизнь. Таким образом, ценности-средства устанавливают характер действия социального агента, а ценности-цели – желательность данного действия.

Ценности-средства – одобряемые обществом рутинные и структурированные действия агентов, воссоздающие социальную практику (семью). Эти ценности формируются мнением респондентов о гендерном разделении труда в семье, воспитании детей, распределении бюджета семьи, лидерстве в семье. Данные показатели позволяют исследователю выяснить, какой смысл респонденты вкладывают в понятие семьи как каждодневной (рутинной) практики брачно-семейных отношений.

В исследовании ценностных ориентаций студенческой молодежи на брак и семью ценностью-целью выступают брак и семья, а ценностями-средствами – структурные элементы брачно-семейных отношений (ресурсы, правила, коммуникация, функции и роли). На основе анализа традиционных и современных суждений о структуре брачно-семейных отношений и моделях семьи по каждой анкете опрошенных респондентов были выявлены приоритетные типы и модели семьи, на которые ориентируется студенческая молодежь.

Новые тенденции брачно-семейных отношений со временем становятся привычными. По мнению Э. Гидденса, рутинизация социальных практик – необходимая предпосылка социальной стабильности. В современном обществе толчком к дерутинизации могут стать изменение социально-экономических условий и научно-технический прогресс. Сегодня рутинизация не может продолжаться долго, поскольку происходит быстрое развитие новых технологий, которые включаются в повседневную жизнь. Жизненные практики трансформируются, и возникает новая рутина. Например, в некоторых западных странах однополые браки являются социальной нормой и разрешены к регистрации на общегосударственном уровне. Таким образом, сейчас однополые браки, создание которых осуждалось обществом, а регистрация была юридически невозможна 100 лет назад, во многих государствах обыденная практика. В Беларуси однополые браки запрещены как противоречащая христианским традициям форма отношений. В то же время с появлением новейших медицинских технологий в нашей республике стали возможны искусственное оплодотворение и суррогатное материнство, что во многих случаях решает проблемы женского бесплодия и бездетных пар.

Структуризация брачно-семейных отношений как социальной практики проходит несколько этапов (рис. 2):

1) социальная структуризация предусматривает изменение социально-экономических, политических, технологических и культурных условий в обществе;

2) внутренняя структуризация социальной практики подразумевает изменение рутинных (привычных, габитуализированных) действий, функций и ролей, их нивелировку либо полное исчезновение и появление новых структурных элементов социальной практики;

3) внешняя структуризация характеризуется изменением образа социального института (семьи) и представлений о данной социальной практике.

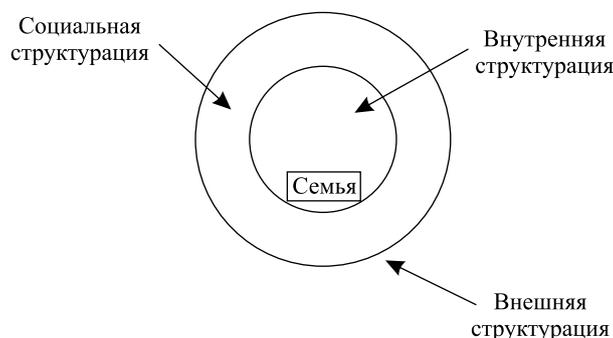

Рис. 2. Модель структуризации социальной практики агентов
Fig. 2. Model of family structuration

Подводя итоги настоящей работы, отметим, что гипотеза о приоритете семьи как жизненно важной ценности у студенческой молодежи подтвердилась. Сегодня молодые люди намерены создать семью с двумя детьми, девушки и юноши ориентированы на смешанный тип брачно-семейных отношений, с одной стороны, позиционируя равенство в плане принятия решений и разделения домашних обязанностей, с другой – демонстрируя традиционность взглядов в сфере финансового лидерства, сведения мужской роли к роли кормильца семьи. Гипотеза о предпочтении детоцентристской модели семьи белорусской молодежью правомерна: молодые люди выделяют рождение и воспитание детей как первостепенный мотив создания семьи и отмечают важность формирования наилучших условий для воспитания ребенка. Наблюдаются различия в представлениях студентов об обязательных качествах мужчины и женщины для выполнения супружеских ролей, завышенные ожидания от брачных партнеров, что впоследствии может привести к разочарованию в браке и серьезным конфликтам между супругами.

Чтобы снизить количество разводов, повысить престиж семьи и ее педагогический потенциал, необходимо целенаправленно готовить молодое поколение к брачно-семейным отношениям и созданию семьи, а также обучать специалистов по вопросам профилактики и разрешения семейных проблем различного характера (педагогических, юридических, психологических и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Титаренко Л. Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск, 2004.
2. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2003.
3. Мацковский М. С. Социология семьи. М., 1989.
4. Статистический ежегодник – 2015 / под ред. И. В. Медведева. Минск, 2015.
5. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003.
6. Латин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социс. 2010. № 1. С. 28–36.

REFERENCES

1. Titarenko L. G. Tsennostnyi mir sovremennogo belorusskogo obshchestva: gendernyi aspekt [Valuable world of modern Belarusian society: the gender dimension]. Minsk, 2004 (in Russ.).
2. Giddens A. Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii [The constitution of society. Outline of the theory of structuration]. Mosc., 2003 (in Russ.).
3. Matskovskii M. S. Sotsiologiya sem'i [Sociology of the family]. Mosc., 1989 (in Russ.).
4. Statisticheskii ezhegodnik – 2015 [Statistical Yearbook – 2015]. Minsk, 2015 (in Russ.).
5. Sociological encyclopedia. Minsk, 2003 (in Russ.).
6. Lapin N. I. Functionally-orienting clusters of the basic values – population of Russia and its regions. *Socis*. 2010. No. 1. P. 28–36 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.06.2016.
Received by editorial board 14.06.2016.

УДК 316.647

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ФЕНОМЕНА ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

Ю. С. СМИРНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Обосновывается использование прототипического подхода к анализу феномена предубеждений. Излагаются результаты эмпирического исследования прототипа категории «предубеждение», определены прототипичные формы предубеждений. Установлено, что высокой степенью прототипичности обладают расовые, этнические, профессиональные и некоторые другие предубеждения высокостатусного большинства по отношению к представителям меньшинства, проявляющиеся в форме дискриминации, агрессии и ограничения контактов в сферах занятости и получения образования, а также в различных социальных ситуациях, складывающихся в общественных местах. Обсуждаются возможности использования результатов исследования при реализации различных методов ослабления предубеждений.

Ключевые слова: предубеждение; категоризация; прототип; прототипичные формы предубеждений; стигма.

THE PROTOTYPICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF PREJUDICES

Y. S. SMIRNOVA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The prototypical approach to the analysis of the phenomenon of prejudices is analyzed in the article. The results of the empirical study of the prototypical content of the category «prejudice» are presented. The prototypical forms of prejudices are defined. In accordance with the results, racial, ethnic, professional and some other prejudices of high status majority

---

Образец цитирования:

Смирнова Ю. С. Прототипический подход к анализу феномена предубеждений // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 69–73.

For citation:

Smirnova Y. S. The prototypical approach to the analysis of the phenomenon of prejudices. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 69–73 (in Russ.).

Автор:

Юлия Сергеевна Смирнова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Yuliya Smirnova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
smiry@bsu.by

against members of minority in the form of discrimination, aggression and contact limitation in the fields of employment and education, as well as in various social situations in public places are prototypical. The results' application in prejudice reduction is discussed.

Key words: prejudice; categorization; prototype; prototypical forms of prejudices; stigma.

Исследования предубеждений и предрассудков уже не раз демонстрировали, что наиболее деструктивное их выражение в форме открытой враждебности или насилия хоть и встречается еще в нашей действительности, но постепенно уходит в прошлое, а на смену им приходят скрытые, тонкие, более современные формы [1; 2]. Такая динамика феномена предубеждений ставит перед учеными задачу не только поиска новых способов их ослабления, но и определения возможностей их распознавания. Чтобы смягчить уже сформированные предубеждения, необходимо их обнаружить и осознать. И если открытые проявления враждебности легко идентифицируются как предубеждения и дискриминация, что расширяет возможности их ослабления, то скрытые и тонкие формы зачастую остаются незамеченными. Причем предубеждения довольно легко распознаются, если принимают типичную форму выражения, в тех ситуациях и сферах социальных отношений, где их ожидают встретить.

В свете сказанного прогностически ценным нам представляется обращение к анализу процесса категоризации предубеждений и их проявлений в социальном взаимодействии. Категория является единицей социально-познавательной активности. Если субъект отнесет те или иные проявления к категории «предубеждение», то сможет перейти к действиям, направленным на ослабление предубеждений и предотвращение их негативных последствий. Существующие для этого методы (конфронтационный, или диссонанс-ориентированный; эмпатический; категориальный и др.) не могут быть реализованы в том случае, если проявления предубеждений остались незамеченными участниками социальной ситуации [3]. Какие же ситуации, эпизоды взаимодействия «наивный субъект» категоризирует как проявления предубеждений? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к одному из подходов к пониманию организации категорий – прототипическому [4–6], согласно которому объекты группируются в категорию не на основании требуемых и достаточных признаков (классический подход), а на основании сходства с прототипом. Последний рассматривается как «лучший пример данной категории» [7, с. 122], «наиболее типичный представитель, обладающий максимальным числом признаков, характерных для данной категории» [4, с. 50]. Разнообразие феноменологии предубеждений обуславливает преимущество прототипического подхода в сравнении с классическим: отсутствие четких границ категории, примеры предубеждений, различающихся по степени типичности и т. д. Прототип выполняет ориентировочную функцию и выступает в качестве ведущего при первичной оценке объекта [8, с. 361], в нашем случае – проявлений предубеждений.

Таким образом, возможности распознавания предубеждений определяются степенью их прототипичности. Исследования прототипичности различных форм предубеждений продемонстрировали, что она иерархически структурирована и формируется, во-первых, тем признаком, который лежит в их основе (например, полом, возрастом, профессией); во-вторых, отношениями между предубежденными субъектами и их жертвами (прототипичным оказывается, как правило, предвзятое отношение доминирующего большинства к представителям низкостатусного меньшинства) и, в-третьих, ситуационной схемой (в каких ситуациях эти предубеждения будут себя проявлять) [9, р. 414]. Данную структуру прототипичности мы взяли за основу при проведении эмпирического исследования, результаты которого помогут определить содержание прототипа категории «предубеждение».

В исследовании приняли участие 116 студентов в возрасте от 17 до 22 лет. Из них 38,8 % – респонденты женского пола, 45,7 % – мужского, 15,5 % не обозначили свой пол. Им было предложено указать, представители каких социальных групп являются объектами предубеждений, предвзятого отношения в современном обществе. Полученные эмпирические данные позволили определить те группы, в отношении которых категоризация предубеждений будет осуществляться легче, что открывает более широкие возможности для сознательного контроля их проявлений и ослабления негативных эффектов.

Чаще всего среди распространенных в обществе предубеждений респонденты отмечали расовые (29,3 %) и этнические (28,4 %) установки, а также предубеждения к иностранцам (10,3 %) и иммигрантам (2,6 %). Причем, как правило, указывали на негативное отношение к представителям стран Азии и соответствующих этнических категорий: китайцы, вьетнамцы и др. (17,2 %). Более трети опрошенных студентов рассматривают как типичные для современного общества предубеждения к людям, представляющим сексуальные меньшинства (36,2 %). Распространенными считаются предубеждения в отношении представителей социальных категорий, выделяемых на основе признаков профессии и рода занятий, – прежде всего это рабочие профессии и деятельность, не требующая какой-либо квалификации (30,2 %). Типичными для общества считаются негативные установки в отношении

бездомных – бомжей (25,9 %). Еще одним признаком, вызывающим, по мнению респондентов, предвзятое отношение окружающих, является принадлежность к молодежным субкультурам: эмо, готы, панки и др. (22,4 %). Объектом предубеждений современного общества в восприятии студентов часто становятся инвалиды (18,1 %), люди, имеющие нарушения психики (15,5 %), различные психические и соматические заболевания (7,8 %), алкогольную (14,7 %) или наркотическую (6 %) зависимость. Пол (19,8 %) и возраст (8,6 %) также могут составить основу для стигматизации, причем объектом предвзятого отношения – в зависимости от контекста – могут стать мужчины или женщины (чаще) разного возраста, в основном пожилые люди и дети. Недостатки внешности (13,8 %), финансовое (бедственное, неблагополучное) (12,1 %) и связанное с ним социальное (11,2 %) положение, вероисповедание (9,5 %), цвет волос (9,5 %), некоторые психологические особенности (замкнутость, застенчивость, легкомысленность, отсутствие воли и др.) (7,8 %), семейный статус (6,0 %) и место проживания (6,0 %), политические взгляды, уровень образования, интеллекта, наличие проступков в прошлом и другие признаки представляют собой важные основания, используемые для категоризации предубеждений. В целом присутствует понимание, что объектом негативного отношения становятся не просто представители категорий-меньшинств, выделяемых по какому-то конкретному критерию (раса, этническая принадлежность, род занятий, сексуальная ориентация, наличие болезни и т. д.), а люди, отличающиеся от большинства, отклоняющиеся от нормы, стандартов (11,2 %).

Список категорий, представители которых в восприятии респондентов становятся объектами предвзятого отношения в современном обществе, раскрывает, по сути, некую наивную житейскую типологию предубеждений. Сравнение данного перечня с научными типологиями обнаруживает примеры описанных в авторитетных источниках типов стигмы [10–12] как атрибута, указывающего на нежелательное отличие человека от большинства и вызывающего негативное отношение и непринятие обладателя такового. В частности, в полученной нами житейской типологии отчетливо обнаруживают себя все три выделенных И. Гоффманом типа стигмы:

- 1) физический дефект (хромота, слепота, телесные увечья, избыточный вес и др.);
- 2) недостаток характера, воспринимаемый как слабость воли (алкоголизм, наркомания, гомосексуальность, психическое расстройство и др.);
- 3) родовая стигма (раса, национальность, вероисповедание), которая может передаваться из поколения в поколение [10, с. 14].

Исследователь М. Р. Оганесян выделяет еще один вид заклеяемости – морально-правовую стигму, которая становится источником «запятнанной репутации», приобретаемой людьми, однажды дискредитировавшими себя с нравственной и законной стороны в глазах общественности (преступники, проститутки и др.) [11].

Три типа стигмы упоминает А. Финзен: врожденную; приобретенную в результате стигматизирующего заболевания (или отклонения поведения); стигму принадлежности к меньшинству [12, с. 34–37].

Прототипичность предубеждений определяется не только соответствием объекта перечисленным признакам, но и характером отношений между предубежденными субъектами и их жертвами, а также ситуационными схемами, включая контекст проявления предубеждений и выражающие их действия. Для выявления этого содержания мы предложили респондентам в соответствии с инструкцией по схеме описать два-три типичных примера проявлений предубеждений. Схема для описания примеров была составлена таким образом, чтобы зафиксировать содержание всех указанных ранее элементов иерархической структуры, определяющей степень прототипичности предубеждений: кто, в отношении кого, на основании какого признака, каким образом и в какой ситуации проявляет предубеждения? Всего было получено 229 различных по своей полноте описаний, анализ которых дал следующие результаты. Заметим, что при их изложении в скобках далее по тексту будет указан процент от числа всех описаний.

По мнению респондентов, предубеждения, как правило, проявляют люди, принадлежащие к большинству, по отношению к представителям меньшинства, к тем, кто не похож на всех (29,3 % описаний). К примеру, типичными будут считаться предубеждения местного населения к иностранцам, расового большинства – к расовому меньшинству, здоровых людей – к людям, имеющим какие-то заболевания, гетеросексуалов – к гомосексуалам и т. д. В описаниях часто встречались обобщающие ответы, отождествляющие большинство с обществом в целом (12,9 %): «общество», «окружающие», «обычное население», «многие», «все», «люди» и др. При этом большинство рассматривается как нормальное, обычное, а меньшинство – как отклоняющееся от нормы. Большинство чаще всего наделяется высоким статусом, меньшинство характеризуется как низкостатусное. Иерархию отношений предубежденных людей и их жертв респонденты отмечали в своих описаниях достаточно часто (15,3 %). Предубеждения проявляют те, кто обладает высоким статусом и/или наделен властными полномочиями, владеет какими-то ценными ресурсами (руководители, начальство, представители власти, органов правопорядка и СМИ, работники службы охраны, чиновники, хозяева сдаваемой

в наем квартиры и т. д.), по отношению к людям с более низким статусом (преподаватели по отношению к учащимся, богатые по отношению к бедным, сильные по отношению к слабым и т. д.).

Таким образом, полученные нами результаты согласуются с уже известными данными [9]: наиболее прототипичными будут предубеждения нормального высокостатусного доминирующего большинства по отношению к отклоняющемуся от нормы низкостатусному меньшинству. С одной стороны, это содержание прототипа предубеждений отражает понимание респондентами природы феномена, с другой – указывает на низкую вероятность обнаружения и осознания людьми предубеждений, не имеющих сходства с прототипом. К примеру, участники исследования отмечали, что типичными являются предубеждения общества, и прежде всего мужчин, по отношению к женщинам (4,8 %). Именно они легко выявляются и вызывают осуждение, в то время как предубеждения женщин по отношению к женщинам часто остаются незамеченными [13].

Следующий шаг состоял в определении ситуационной схемы, характеризующей наиболее частый контекст типичных проявлений предубеждений. Локализация последних в первую очередь охватывает общественные места (остановка, транспорт, улица, магазин, рынок, сквер, клуб и т. д.) и места проведения различных мероприятий (21,4 %). Среди типичных для проявления предубеждений следует указать сферы занятости (трудовая, профессиональная деятельность) и получения образования (учебные учреждения, включая университет, школу и даже детский сад) – 10,9 и 8,3 % описаний соответственно. Некоторые респонденты отметили, что место и время не имеют значения, предубеждения встречаются практически везде, во всех сферах взаимодействия (4,4 %). Среди характеристик контекста проявления предубеждений указаны также следующие: «прилюдно», «публично», «открыто», «за глаза», «в интернет-коммуникации», «в коллективе», «в любой социальной ситуации», «в повседневной жизни», «в условиях кризиса».

Анализируя ситуационную схему предубеждений, отметим прототипичные формы поведения, в которых они проявляются. По мнению респондентов, к ним относятся прежде всего оскорбления, издевательства, насмешки (32,3 %), а также иные проявления агрессии и насилия (18,8 %), в первую очередь физические (11,4 %). Жертв предубеждений высмеивают, принижают, осуждают, упрекают, обвиняют, оскорбляют, травят, над ними издеваются, им грубят, хамят, угрожают, их избивают и даже убивают. Типичным считается такое проявление предубеждений, как отказ в помощи (3,5 %). Среди прототипичных проявлений предубеждений обнаруживают себя также навешивание ярлыков, приписывание негативных качеств, формирование дискредитирующего образа, подчеркивание неполноценности и т. д. Отдельного внимания заслуживает ограничение коммуникации со стигматизируемыми (10,5 %): их не принимают, сторонятся, избегают, отвергают, игнорируют. Подобное выражение предубеждений сопряжено с так называемой аутистической враждебностью, которая подпитывается сама себя за счет отсутствия коммуникации [14, с. 178]. Предубежденные люди несправедливо приписывают негативные качества стигматизируемым индивидам, причем не имеют возможности изменить свои установки в их адрес на более позитивные, поскольку избегают с ними взаимодействия, в котором последние могли бы проявить свои положительные качества и опровергнуть исходное неверное мнение окружающих о себе. Отметим, что неформальный личный контакт между предубежденными и стигматизируемыми людьми рассматривается как один из основных методов ослабления предвзятых установок, эффективность которого продемонстрирована в многочисленных эмпирических исследованиях по проверке так называемой гипотезы контакта, о чем мы подробно писали [3]. Высокой степенью прототипичности обладают разнообразные проявления предубеждений в форме дискриминации (34,9 %): ущемления в правах, законодательные запреты, низкая оплата труда, неоказание услуг, эксплуатация, выселение и т. д. При этом наиболее прототипична дискриминация при трудоустройстве (10,5 %). Кроме того, респонденты указали на аффективные проявления предубеждений (16,2 %): окружающие испытывают ненависть, враждебность, недовольство, недоверие, страх и другие негативные чувства.

Таким образом, к предубеждениям, обладающим высокой степенью прототипичности, по результатам настоящего исследования можно отнести предубеждения в отношении представителей расовых, этнических, сексуальных меньшинств, категорий, выделяемых по признакам профессии и рода занятий, бездомных и обладающих низким имущественным и социальным статусом, представителей молодежных субкультур, людей, страдающих психическими и соматическими заболеваниями, имеющих недостатки внешности и отличающихся от большинства. Причем наиболее прототипичными будут предубеждения «нормального» высокостатусного доминирующего большинства по отношению к «отклоняющемуся» от нормы низкостатусному меньшинству, проявляющие себя в разнообразных формах дискриминации, агрессии, ограничения контактов и сопровождающиеся переживанием негативных чувств; чаще всего в различных социальных ситуациях, складывающихся в общественных местах, а также в сфере занятости и получения образования.

Результаты настоящего исследования, на наш взгляд, имеют практическую значимость, поскольку позволяют определить и расширить область применения целого ряда методов, призванных снизить влияние предубеждений, что окажется возможным только в том случае, если предвзятые установки будут обнаружены и осознаны. Одним из способов ослабления предубеждений и дестигматизации может стать повышение их прототипичности. Это сделает проявления предубеждений и дискриминации легко распознаваемыми, а следовательно контролируруемыми, и тем самым расширит возможность управления ими и предотвратит негативные последствия их применения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Pettigrew T. F., Meertens R. W. In defense of the subtle prejudice concept: a retort // *Eur. J. Soc. Psychol.* 2001. Vol. 31. P. 299–309.
2. Смирнова Ю. С. Современные формы предубеждений // *Филос. и соц. науки.* 2008. № 4. С. 72–75.
3. Смирнова Ю. С. Пути ослабления предубеждений: возможности и ограничения // *Филос. и соц. науки.* 2007. № 4. С. 69–72.
4. Люсин Д. В. Эмпирический анализ категоризации эмоций // *Вопр. психол.* 1999. № 2. С. 50–60.
5. Сивуха С. В. Практикум по социальной психологии (социальное познание, эмоции, коммуникация, личность). Минск, 2002.
6. Смирнова Ю. С. Прототипический подход к анализу категории «конфликт» // *Молодой ученый.* 2011. № 8 (31). Т. 2. С. 95–98.
7. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.
8. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию. Минск, 2005.
9. Marti M. W., Bobier D. M., Baron R. S. Right before our eyes: the failure to recognize non-prototypical forms of prejudice // *Gr. Process. & Intergr. Relat.* 2000. Vol. 3 (4). P. 403–418.
10. Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N. Y., 1986.
11. Оганесян М. Р. Феномен «запятнанной репутации» у несовершеннолетних правонарушителей // *Социс.* 1992. № 8. С. 97–100.
12. Финзен А. Психоз и стигма. М., 2001.
13. Бэррон Р. С., Берджис М. Л., Чуан Фен Као. Выявление и осуждение предрассудков: замечаем ли мы проявления сексизма у женщин? // *Практ. по соц. психол.* / под ред. Э. Пайнс, К. Маслач. СПб., 2000. С. 182–199.
14. Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Хе Сунг. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. СПб., 2001.

REFERENCES

1. Pettigrew T. F., Meertens R. W. In defense of the subtle prejudice concept: a retort. *Eur. J. Soc. Psychol.* 2001. Vol. 31. P. 299–309.
2. Smirnova Y. S. Modern forms of prejudices. *Filos. i sotsial'nye nauki.* 2008. No. 4. P. 72–75 (in Russ.).
3. Smirnova Y. S. The ways of prejudice reduction: opportunities and limitations. *Filos. i sotsial'nye nauki.* 2007. No. 4. P. 69–72 (in Russ.).
4. Lusyn D. V. Emotion categorization empirical analysis. *Vopr. psikhol.* 1999. No. 2. P. 50–60 (in Russ.).
5. Sivuha S. V. Praktikum po sotsial'noi psikhologii (sotsial'noe poznanie, emotsii, kommunikatsiya, lichnost'). Minsk, 2002 (in Russ.).
6. Smirnova Y. S. The prototypical approach to the analysis of the category «conflict». *Molodoj uchenyi.* 2011. Vol. 2, No. 8 (31). P. 95–98 (in Russ.).
7. Andreeva G. M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya. Mosc., 2000 (in Russ.).
8. Yanchuk V. A. Vvedenie v sovremennuyu sotsial'nyuyu psikhologiyu. Minsk, 2005 (in Russ.).
9. Marti M. W., Bobier D. M., Baron R. S. Right before our eyes: the failure to recognize non-prototypical forms of prejudice. *Gr. Process. & Intergr. Relat.* 2000. Vol. 3 (4). P. 403–418.
10. Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N. Y., 1986.
11. Oganessian M. R. The phenomenon of «stained reputation» of underage offenders. *Socis.* 1992. No. 8. P. 97–100 (in Russ.).
12. Finzen A. Psikhoz i stigma. Mosc., 2001 (in Russ.).
13. Baron R. S., Burgess M. L., Chuan Feng Kao. Vyyavlenie i osuzhdenie predrassudkov: zamechaem li my proyavleniya seksizma u zhenshchin? *Prakt. po soc. psikhol.* Saint Petersburg, 2000. P. 182–199 (in Russ.).
14. Rubin Dzh., Pruit D., Kim Khe Sung. Sotsial'nyi konflikt: eskalatsiya, tupik, razreshenie. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.11.2014.
Received by editorial board 09.11.2014.

УДК 316.6

СТИЛИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ МИКРО- И МЕЗОСРЕДЫ

В. А. ТОЛОЧЕК¹⁾, В. В. БЕЛИК²⁾, А. Ю. ПАНОВ²⁾

¹⁾Институт психологии РАН, ул. Ярославская, 13, 129366, г. Москва, Россия

²⁾Московский технологический университет, пр. Вернадского, 78, 119454, ЦФО, г. Москва, Россия

Анализируется содержание типовых стилей делового общения менеджеров (41 человек) коммерческой компании. Выделены и описаны шесть типовых стилей («сотрудничество, содействие, поддержка, гибкость, компромисс»; «избегание деловых взаимодействий, дистантность»; «авторитарность, агрессивность, требовательность»; «спонтанное, эмоционально неконтролируемое общение»; «формальное, дистантное общение»; «эмоциональная взаимосвязь при неконструктивности деловых взаимодействий»), пять из которых не являются конструктивными. Установлено, что детерминантами стилей делового общения выступают условия социальной микро- (семья и рабочие группы) и мезосреды: декларируемые и латентные особенности корпоративной культуры организации, закрепленные традиции в построении отношений, транслирование руководителями типичной для компании манеры руководства, поддерживаемой ветеранами организации. Второй группой детерминант стилей делового общения выступают темпоральные характеристики профессиональной карьеры (общий стаж работы, стаж в организации, стаж в должности), социально-демографические и профессионально-должностные особенности.

Ключевые слова: стили; деловое общение; менеджеры; социальная среда; детерминанты; темпоральные характеристики; профессиональная карьера.

STYLES OF BUSINESS COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF MICRO AND MACRO SOCIAL ENVIRONMENT

V. A. TOLOCHEK^a, V. V. BELIK^b, A. U. PANOV^b

^aInstitute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Yaroslavskaya street, 13, 129366, Moscow, Russia

^bMoscow Technological University, Vernadsky avenue, 78, 119454, Central Federal District, Moscow, Russia
Corresponding author: tolochekva@mail.ru

Authors analyze the content of typical styles of business communication (SBC) of managers (41 pers.) in commercial company. Identified and described six types of styles of business communication, five are unconstructive («Cooperation, assistance, support, flexibility and compromise»; «Avoiding of business interactions, distant»; «Authoritarian, aggressive, demanding»; «Spontaneous, emotionally uncontrolled communication»; «Formal, distant communication»; «Emotional

---

Образец цитирования:

Толочек В. А., Белик В. В., Панов А. Ю. Стили делового общения в контексте социальной микро- и мезосреды // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 74–83.

For citation:

Tolochek V. A., Belik V. V., Panov A. U. Styles of business communication in the context of micro and macro social environment. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 74–83 (in Russ.).

Авторы:

Владимир Алексеевич Толочек – доктор психологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник.

Вероника Валерьевна Белик – аспирантка Научно-исследовательского института технической эстетики. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор В. А. Толочек.

Андрей Юрьевич Панов – аспирант Научно-исследовательского института технической эстетики. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор В. А. Толочек.

Authors:

Vladimir Tolochek, doctor of science (psychology), full professor; leading researcher.

tolochekva@mail.ru

Veronika Belik, postgraduate student at the All-Russian Research Institute of Technical Aesthetics.

belikveronika@gmail.com

Andrey Panov, postgraduate student at the All-Russian Research Institute of Technical Aesthetics.

a.panoff@mail.ru

relationship with the unconstructive business interactions»). The research shows that the determinants of the styles of business communication are the conditions of social micro-environment (family and working groups) and the meso-environment – declared and latent features of corporate culture, enshrined in the tradition of building relationships, broadcasting leaders typical company management style, supported by veterans in organization. The second group is socio-demographic, professional job characteristics and temporal characteristics of professional career (total length of work, length of work in the organization, work experience in position).

Key words: styles; business communication; managers; social environment determinants; temporal characteristics; professional career.

Введение

Стили как психологические феномены и их детерминанты. Феномен «стиль» с середины XX в. исследовался в разных научных подходах. Наиболее изученными и широко описанными являются когнитивные, эмоциональные, индивидуальные стили деятельности, а также стили руководства, поведения, общения и др. В качестве детерминант разных стилей выделяют индивидуально-психологические особенности субъекта, особенности деятельности, межличностные взаимодействия и условия социальной среды. Наименее исследованными остаются детерминанты двух последних групп.

Стили чаще описываются как стабильные, устойчивые психологические системы. Их динамические аспекты, вариативные реорганизации, темпоральные характеристики прояснены меньше. **Целью** нашего исследования являлось изучение предпосылок, условий и эволюции стилей делового общения (СДО) в функциональных диадах субъектов совместной деятельности.

Гипотеза: состав и структура СДО субъектов отражают детерминанты, динамику и особенности их эволюции.

Объект, предмет, методы и методики исследования

Объект исследования – деятельность и поведение сотрудников коммерческой компании; **предмет** – взаимодействие сотрудников в функциональных диадах («сотрудник – сотрудник» и «сотрудник – клиент»); **база исследования** – менеджеры по работе с клиентами компании «Пронто Медиа Холдинг» (41 человек), в том числе 26 мужчин и 15 женщин в возрасте от 20 до 56 лет ($M^1 = 30,3$ года; $CD^2 = 7,3$ года), имеющих стаж работы от 1 года до 32 лет. В браке состоят 40 % респондентов; их семейный стаж – от 0 до 33 лет ($M = 3,7$ года; $CD = 6,44$ года); количество детей – от 0 до 3 ($M = 0,40$).

Методы исследования: опрос экспертов; опросник «Стили делового общения»; методика изучения корпоративной культуры Д. Денисона. Для анализа данных использовался пакет статистических программ SPSS-10. Шесть руководителей подразделений выступили в качестве экспертов поведенческих характеристик опрошенных; девять топ-менеджеров и авторитетных сотрудников – в качестве экспертов параметров организационной культуры компании. Всего в разных программах исследования приняли участие 56 человек.

Согласно концепции стилей профессиональной деятельности В. А. Толочка [1–4] в стилях выделяются три иерархических уровня, различающихся по генезису их структур, природе образующих их компонентов и типу связей между ними. В структурно-функциональной организации стилей *первым* иерархическим уровнем являются субъективно удобные условия деятельности (СУУД), определяющие выбор человеком комфортных для него условий среды, режимов работы и т. п. *Вторым*, средним, блоком стиля выступают операциональные системы (ОС) – психологические системы, реализующие практические компоненты деятельности, конкретные когнитивные и предметные действия, опосредующие взаимодействия субъекта с объектом (например, действия и приемы профессиональной деятельности) и субъектами. *Третьим* уровнем образований стиля – идеальные регуляторы / тип организации деятельности (ИР/ТОД) – рассматривается как высшая степень адаптации субъекта к среде. К этому уровню относятся когнитивные, мыслительные составляющие поведения и деятельности, ценностные и смысловые приоритеты, образцы и эталоны: характерные тактики, стратегии, планирование, оценки ситуации, коррекция результатов, прогнозы. Следование субъекта этим «идеальным регуляторам» побуждает его не только отражать действительность, но и активно преобразовывать часть ее условий, направляя их по возможности в русло субъективно удобных для него. Поэтому другое определение третьей иерархической характеристики стиля – тип организации деятельности. Посредством этой подсистемы субъект управляет условиями деятельности.

Концептуальная схема структурно-функциональной организации стилей реализована в опроснике «Стили делового общения». Опросник включает 55 пунктов (вопросов), ориентированных на выявление

¹ M – среднее.

² CD – стандартные отклонения.

доминирующих функций в общении субъекта, стратегий поведения, репертуара средств коммуникации и субъективно удобных для него условий общения. Респондентам предлагалось по 5-балльной шкале оценить меру предпочтения, удобства и частоты использования представленных в опроснике компонентов стилей. Третий уровень стилей (ИР/ТОД) в опроснике СДО составляли функции общения, отраженные в различных научных источниках [5–12]; второй (ОС) – действия как подчиненные сознательным целям [13] процессы, выделенные, согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, на основании изучения публикаций и опроса экспертов; первый (СУУД) – предпочитаемые субъектами условия взаимодействия с другими, выделенные по результатам анализа литературных источников [14–16] и опроса экспертов. В предварительных исследованиях получены удовлетворительные характеристики надежности и валидности опросника.

Для уточнения роли социально-демографических факторов использовались данные шапки опросника СДО. Участие шести экспертов (руководителей подразделений компании) позволило оценить параметры организационного поведения сотрудников. На основании обсуждения с экспертами было выделено три параметра: «лояльность к компании», «профессиональная компетентность» и «взаимоотношения в коллективе». Оценки экспертов по параметрам поведения каждого сотрудника усреднялись. Мнение девяти экспертов помогло охарактеризовать организационную культуру по Д. Денисону [17].

В избранной модели (деятельности менеджеров по работе с клиентами компании «Пронто Медиа Холдинг») акцентированы важные для исследования аспекты взаимоотношений субъектов совместной деятельности. Профессия менеджера сопряжена с постоянным влиянием стрессогенных факторов, таких как:

- ненормированный рабочий день;
- высокие требования руководства, которое, как правило, не удовлетворено достигнутым результатом и систематически призывает увеличивать продажи;
- постоянный контроль со стороны вышестоящих руководителей;
- работа в условиях открытого офиса (open-space), где у сотрудника, кроме рабочего стола с компьютером, фактически нет личного пространства, а его деятельность протекает в условиях каждодневной окружающей суеты и стресса, последствия которых сложно нивелировать;
- взаимодействие с клиентами и коллегами, часто происходящее на фоне негативных эмоциональных состояний.

Кроме того, организационная структура компании на момент исследования переживала изменения, предполагавшие сокращение штата сотрудников. Кризисная экономическая и политическая ситуация в стране также накладывает отрицательный отпечаток на общее психологическое состояние работников. Взаимодействия в этом виде бизнеса строятся сугубо вокруг рабочих вопросов. Все ориентированы на достижение поставленной цели, при этом неформальное общение ограничено комнатой отдыха или скайпом (даже у сидящих рядом людей). Как правило, вне работы общение отсутствует. Между специалистами различных отделов обычно назначается встреча, и тогда коммуникация происходит в переговорных комнатах, где поднимаются вопросы, требующие подключения сотрудников других направлений. Тем не менее люди держатся за свою работу и готовы мириться с неблагоприятными условиями труда, чтобы сохранить за собой место.

К обязанностям менеджеров по работе с клиентами относятся: ежедневная переписка с заказчиками; размещение баннеров (она же реклама) на сайтах; перезаключение договоров; анализ объемов продаж; подготовка отчетов по результатам анализа для представления вышестоящему должностному лицу и пр. В процессе деловых коммуникаций сотрудники выполняют преимущественно коммуникативную, информационно-аналитическую, контрольно-учетную и координирующую функции. Особенность исследуемой компании в том, что продажи, как правило, ведутся через интернет. Организация помогает встретиться покупателю и продавцу; сводя их вместе, она монетизирует взаимодействие между ними. Основным критерий деятельности компании – показы баннеров рекламодателя посетителям, которые зашли на сайт и желают разместить объявление о продаже товара, ищут работу и пр.; число показов, которые эти посетители генерируют (количество страниц, просматриваемых на сайте).

Главные проблемы сотрудников компании – стрессы, вызванные неудовлетворенностью начальства работой сотрудников, длительностью рабочего дня (10–12 ч). Несмотря на нарушение трудового законодательства, руководство вынуждает наращивать продажи. Изнурительные условия труда вызывают острое недовольство менеджеров по продажам – в основном молодежи в возрасте 27–29 лет. В данном виде бизнеса успешнее проявляют себя женщины, что связано с их большей скрупулезностью и системностью в работе, точностью выполнения ими заданий. Женщины дисциплинированнее, ответственнее, исполнительнее, и, что немаловажно, руководству легче ими управлять (мужчины в компании составляют около 35 % всех сотрудников).

Таким образом, на деятельность менеджеров оказывает влияние множество средовых факторов, детерминирующих не только работоспособность, эффективность и результативность труда, но

и качество взаимодействия между специалистами. Жесткая дисциплина и организованность мотивируют работников к достижению поставленных целей, но плата за это порой слишком высока: перенесенные внесубъектные факторы являются весомыми причинами возникновения и эскалации конфликтных противоречий между субъектами совместной деятельности. Все это не могло не найти отражения в их типовых стилях общения.

Результаты исследования

С учетом суждений девяти экспертов четыре основных параметра организационной культуры компании находятся в равновесии:

- вовлеченность (31,7 балла);
- согласованность (31,4);
- адаптивность (33,3);
- миссия (32,8).

Согласно оценкам шести экспертов, три параметра поведения сотрудников в организации были смещены к полюсу позитива:

- лояльность к организации (6,1 балла);
- компетентность (6,8);
- взаимоотношения в коллективе (6,4) (при максимальной оценке – 8,0 балла).

Вместе с тем оценки можно считать соответствующими реальности: их диапазон, касающийся параметров поведения сотрудников, составлял от 2 до 8 баллов при стандартных отклонениях более 1,00. Смещение оценок к положительному полюсу можно объяснить рядом причин:

- а) предварительным отбором сотрудников;
- б) текущим спонтанным отбором в процессе адаптации к культуре организации;
- в) отбором по результатам профессиональной деятельности.

Два параметра – лояльность к организации и взаимоотношения в коллективе – тесно коррелировали (0,797), а их связи с параметром «компетентность» были умеренными (0,354 и 0,464 соответственно).

Тем не менее смещение оценок в сторону позитивных не позволило выделить достаточно полные для статистического анализа группы безусловно «адаптивных» и «неадаптивных» сотрудников. Дальнейшие особенности СДО изучались посредством описательной статистики, корреляционного и факторного анализа. Описательная статистика показала, что всем исследуемым параметрам присуща выраженная межиндивидуальная вариативность, а именно:

- по возрасту (от 20 до 56 лет);
- общему стажу работы (от 1 года до 32 лет);
- стажу работы в компании (от 1 года до 14 лет);
- стажу в должности (от 1 года до 11 лет);
- стажу управленческой деятельности (от 1 года до 11 лет);
- семейному стажу (от 0 до 33 лет);
- числу детей в семье (от 0 до 3 человек).

То же касается параметров СДО: средние чаще находились в диапазоне от 2 до 3 баллов (при 5-балльной шкале оценок), стандартные отклонения – 0,70–1,00; асимметрия и эксцесс были меньше [1,00], что в соответствии с требованиями к эмпирическим данным позволяет использовать параметрические методы математической статистики как для выдвижения, так и для проверки гипотез [18]. Все это говорит в пользу валидности исследовательской методики, корректно проведенной диагностики и хороших эмпирических данных.

Полученные результаты продемонстрировали, что в СДО сотрудников компании доминируют следующие компоненты: коммуникативные функции, информирование; стратегии взаимодействия, соперничества, компромисса; среди психологических действий (по Леонтьеву) – аргументация, постановка конкретных целей и задач, убеждение. При этом предпочтение субъективно удобных условий не выражено.

При проведении факторного анализа варимакс-методом выделен 21 фактор с собственным значением более 1,00. Другими словами, при факторизации исходные данные были слабо структурированными. Вместе с тем шесть первых факторов объясняли не менее 5 % дисперсии (в целом – 60,8 %), что считается удовлетворительным результатом. Выделенные во второй серии расчетов шесть фиксированных факторов хорошо интерпретировались. В анализ включались как должностные и социально-демографические характеристики респондентов, так и их оценки собственного стиля делового общения. В исследованиях СДО их содержание и структуры, как правило, эксплицируют факторными нагрузками, объясняя стили посредством выделяемых факторов.

Во второй серии расчетов выделили следующие шесть факторов:

- *сотрудничество, содействие, поддержка, гибкость, компромисс*, или *стиль сотрудничества*, – содержит стратегии приспособления (0,720), сотрудничества (0,594), коммуникативные функции в общении (0,554), действия поддержки (0,618), содействия (0,532) и др. (табл. 1).

- *избегание деловых взаимодействий, дистантность* – включает умеренные корреляции трех параметров организационного поведения (от 0,232 до 0,401) и – с высоким весом – темпоральные параметры карьеры и самореализации в семье: возраст (0,909), общий стаж работы (0,849), стаж работы в компании (0,681), стаж работы в должности (0,553), стаж управленческой деятельности (0,632) и должностную позицию (0,476), а также семейный стаж (0,867), состояние в браке и наличие детей (0,603 и 0,674).

- *авторитарность, агрессивность, требовательность* – связан с компетентностью и взаимоотношениями в коллективе (0,425 и 0,271), стажем управленческой деятельности (0,258) и отсутствием детей (–0,279). Данный стиль свойствен молодым, амбициозным, нацеленным на карьеру сотрудникам, не состоящим в браке и не имеющим детей.

- *спонтанное, эмоционально неконтролируемое общение, или поверхностный, формальный, эмоционально окрашенный стиль общения*, – отражает симптомокомплекс мужчин (корреляции с полом – 0,502), недавно работающих в компании (–0,231), недавно назначенных на должность (–0,309), занимающих позиции руководителей низового и среднего звеньев (0,330).

- *формальное, дистантное общение* – определяется адекватным организационным поведением: лояльностью, компетентностью, позитивными отношениями с коллегами (0,321; 0,456 и 0,306 соответственно), умеренным опытом управленческой деятельности (0,224) и невысокой должностной позицией (0,221). Такой стиль присущ тем, кто занимает средние позиции в должностной иерархии, умеренно продолжительно работает в компании (не менее 3 лет). Вероятно, данный стиль также прямо или латентно поддерживается организационной культурой компании.

- *эмоциональная взаимосвязь при неконструктивности деловых взаимодействий* – не связан и не поддерживается никакими устойчивыми индивидуальными особенностями субъектов. Скорее, он представляет собой спонтанные формы поведения, провоцируемые эмоциональным состоянием человека, текущими рабочими ситуациями и пр.

Таблица 1

Факторы, факторные нагрузки и объясняемая дисперсия, раскрывающие содержание типовых СДО менеджеров

Table 1

Factors, factor loadings and variance explained by revealing the content of the typical manager's styles of business communication

СДО-«Я»	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Лояльность	–	0,232	–	–	0,321	–
Компетентность	–	0,401	0,425	–	0,456	–
Отношения с коллегами	–	0,291	0,271	–	0,306	–
Пол	–	–	–	0,502	–	–
Возраст	–	0,906	–	–	–	–
Стаж работы	–	0,849	–	–	–	–
Стаж работы в компании	–	0,681	–	–0,231	–	–
Стаж в должности	–	0,553	–	–0,309	–	–
Стаж управления	–	0,632	0,258	–	0,224	–
Должность	–	0,476	–	0,330	0,221	–
Брак	–	0,603	–	–	–	–
Семейный стаж	–	0,867	–	–	–	–
Дети	–	0,674	–0,279	–	–	–
<i>Функции общения</i>						
Коммуникативная 1	–	–	–	–	–0,598	–
Управление взаимодействием 1	–	–	–0,472	–	–	0,216

Окончание табл. 1

Ending tabl. 1

СДО-«Я»	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Информирование 1	0,380	–	–	–0,407	–0,239	0,288
Эмоциональное отношение 1	0,266	–	–	–	–	0,403
Личностное развитие 1	0,400	–	–0,211	–	–0,433	0,394
Эмоциональное отношение 2	0,504	–	–	–0,300	–	0,539
Управление взаимодействием 2	0,554	–	–	–	–	0,219
Личностное развитие 2	0,398	–	0,285	–	–	0,712
Коммуникативная 2	0,213	0,281	–	–0,434	–	–
Информирование 2	–	–	–	0,420	–	0,654
<i>Стратегии поведения</i>						
Сотрудничество 1	0,393	–	–	0,203	–	–0,468
Избегание 1	–	0,223	–0,449	–	0,533	–
Соперничество 1	–	–0,237	–	–	–	–0,293
Компромисс 1	0,460	0,201	–	–	–0,206	–
Приспособление 1	0,359	–	–0,206	–	–	–
Соперничество 2	–	–	0,268	–	–0,255	–0,479
Компромисс 2	0,317	–	–0,512	–	–	–
Избегание 2	0,396	0,446	–0,240	0,223	–	–
Сотрудничество 2	0,594	–	–	–0,409	–	–
Приспособление 2	0,720	–	–	–	–	–
Объясняемая дисперсия (всего – 60,8 %)	170,0	130,9	80,9	70,4	60,3	60,0

Примечание. В функциях общения и стратегиях управления цифры (коммуникативная 1, 2 и т. д.) обозначают соответствующие пункты опросника «Стили делового общения».

Обсуждение результатов

Исходя из описательной статистики и факторного анализа параметры организационного поведения сотрудников компании слабо связаны с их должностными и социально-демографическими особенностями. Детерминантами поведения могут быть как отдельные психологические характеристики (свойства личности, стратегии совладения и др.), так и формируемые психологические системы адаптации – СДО и т. п. На первый взгляд выделенные факторы отражают вполне позитивные ситуации деловых взаимодействий и стили общения сотрудников компании. Однако анализ содержания факторов дает основание для более сдержанных констатаций. При факторизации данных были включены также должностные и социально-демографические особенности респондентов. Охарактеризуем их роль в содержании рассмотренных выше факторов.

- *Сотрудничество, содействие, поддержка, гибкость, компромисс* – не связан и не поддерживается никакими индивидуальными особенностями субъектов. Скорее, он представляет собой проекции некоего идеала – желаемого, наилучшего стиля в понимании респондентов. Этот фактор отражает представления сотрудников об идеальном для них стиле: они знают, «как надо» общаться, но это знание не поддерживается ни социальной микро- и мезосредой организации, ни социально-демографическими или профессионально-должностными характеристиками работников.

- *Избегание деловых взаимодействий, дистантность* – включает в себя умеренные корреляции трех параметров организационного поведения с фактором, а также высокий вес темпоральных параметров карьеры и самореализации в семье. Следовательно, именно такой стиль типичен для наиболее опытных работников, ветеранов компании, которые занимают высокие должностные позиции и успешно реализовались в семейной сфере. Скорее, представители этого стиля социально и социально-психологически компетентны, т. е. умеют строить длительные отношения с окружающими; осторожны и осмотрительны, придерживаются формального и дистантного общения, предпочитая не обострять

его и не подвергать рискам свои действия, чтобы не осложнить движение к поставленным перед собой целям. Данный стиль прямо и латентно поддерживается организационной культурой компании (культивируется и транслируется руководителями высшего, среднего и низового звеньев). При этом, не являясь лучшим в плане межличностных взаимодействий, он обеспечивает успешную и продолжительную карьеру работников организации, благополучную самореализацию в семье.

- *Авторитарность, агрессивность, требовательность* – содержит умеренные корреляции двух параметров организационного поведения: стажа управленческой деятельности, а также отсутствия брака и детей. Такой стиль, присущий молодым, амбициозным, нацеленным на карьеру сотрудникам, едва ли желателен в плане позитивных межличностных взаимодействий, но и не препятствует карьере.

- *Спонтанное, эмоционально неконтролируемое общение* – отражает сложности адаптации человека к новым для него трудовым функциям, невысокую общую культуру поведения, слабую саморегуляцию, отношение к другим как средству деятельности, личные амбиции и т. п. Такой стиль, свойственный новичкам в компании и недавно назначенным на должность, скорее провоцируется субкультурой организации. Он также нежелателен в плане межличностных взаимодействий, но типичен для сотрудников компании.

- *Формальное, дистантное общение* – присущ тем, кто занимает средние позиции в должностной иерархии и работает в компании не менее 3 лет. Как уже отмечалось, данный стиль также поддерживается корпоративной культурой. Он типичен для лиц, трудящихся в этом коллективе достаточно продолжительное время. Эксперты характеризуют их как лояльных, компетентных, с адекватным поведением в рабочих группах. Однако такой стиль общения явно нежелателен в плане межличностных взаимодействий.

- *Эмоциональная взаимосвязь при неконструктивности деловых взаимодействий* – не является плодотворным и при этом не связан и не поддерживается индивидуальными особенностями субъектов. Скорее, он представляет собой спонтанные формы поведения, провоцируемые эмоциональным состоянием человека, текущими рабочими ситуациями и пр. Это своего рода типичный ситуативный стиль общения.

Таким образом, выделенные посредством факторного анализа СДО можно объяснить как желательные, гармоничные взаимодействия (первый стиль) и менее желательные, менее конструктивные, препятствующие полноценному общению сотрудников и, возможно, даже выступающие предпосылками возникновения конфликтных ситуаций (пять других стилей). Выявленные «парадоксальные факты» – преобладание не лучших стилей в плане межличностных взаимодействий участников совместной деятельности – вероятно, отражают реальные условия социальной микро- и мезосреды, в которых и осуществляются совместная работа и жизнедеятельность людей. Во всяком случае, выделенные СДО логичны в контексте условий труда менеджеров, корпоративной культуры компании, социально-экономической ситуации в стране.

Безусловно, упомянутые «парадоксальные факты» о негативном содержании типовых СДО сотрудников компании требуют внимательного анализа их вероятных детерминант, точнее, системных эффектов влияния этих детерминант. К слову, в математической статистике меру детерминации одной переменной других рассматривают как квадрат тесноты связи между ними, а именно: $R = r^2$ [18]. Соответственно, даже при незначительном уменьшении тесноты корреляции детерминация изменяется квадратично: например, $R = 0,49$ при $r = 0,7$; $R = 0,36$ при $r = 0,6$; $R = 0,25$ при $r = 0,5$ и т. д. Рассмотрим дополняющие картину детерминанты СДО, в число которых явно входят темпоральные характеристики профессиональной карьеры (ТХПК), социально-демографические и профессионально-должностные особенности субъектов.

Наиболее важным, быть может системообразующим, среди обсуждаемых вероятных детерминант выступает общий стаж работы как специфический жизненный опыт, организующий весь другой опыт: стаж работы в компании, стаж в должности и стаж управленческой деятельности. Вторым по значимости – и также во многом системообразующим – является стаж семейной жизни как специфический жизненный опыт, действующий аналогично первому (общему стажу работы), параллельно с ним, но проявляющийся несколько слабее (табл. 2). Таким образом, по тесноте связей с другими переменными (а следовательно, и по силе их детерминации) выстраивается следующая иерархия:

- 1) общий стаж работы;
- 2) стаж семейной жизни;
- 3) возраст;
- 4) стаж в организации;
- 5) управленческий стаж.

Другие анализируемые переменные (состояние в браке, наличие детей, а также интрасубъектные качества, такие как лояльность к компании, профессионализм, отношения в рабочих группах) во многом уступают первым пяти детерминантам.

Корреляции переменных (ТХПК, социально-демографических и профессионально-должностных особенностей субъектов), выступающих детерминантами типовых СДЮ менеджеров

Correlations of variables: the temporal characteristics of the professional career, socio-demographic and professional characteristics as determinants of typical manager's styles of business communication

Факторы	Переменные												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Пол	1,00	-0,005	-0,029	-0,113	-0,213	0,192	0,397	0,208	0,102	0,209	-0,040	-0,071	0,030
2. Возраст	-0,005	1,00	0,926	0,705	0,487	0,583	0,477	0,414	0,789	0,574	0,097	0,360	0,136
3. Стаж работы	-0,029	0,926	1,00	0,584	0,463	0,550	0,485	0,421	0,671	0,524	0,140	0,325	0,143
4. Стаж работы в компании	-0,113	0,705	0,584	1,00	0,421	0,340	0,241	0,272	0,543	0,432	0,308	0,206	0,235
5. Стаж работы в должности	-0,213	0,487	0,463	0,421	1,00	0,273	0,011	0,415	0,358	0,078	0,210	0,205	0,174
6. Стаж управленческой деятельности	0,192	0,583	0,550	0,340	0,273	1,00	0,540	0,465	0,477	0,290	0,039	0,304	0,129
7. Должность	0,397	0,477	0,485	0,241	0,011	0,540	1,00	0,234	0,276	0,266	-0,063	0,285	0,023
8. Состояние в браке	0,208	0,414	0,421	0,272	0,415	0,465	0,234	1,00	0,549	0,487	0,163	0,123	0,092
9. Семейный стаж	0,102	0,789	0,671	0,543	0,358	0,477	0,276	0,549	1,00	0,735	0,101	0,225	0,233
10. Дети	0,209	0,574	0,524	0,432	0,078	0,290	0,266	0,487	0,735	1,00	0,166	0,141	0,224
11. Лояльность	-0,040	0,097	0,140	0,308	0,210	0,039	-0,063	0,163	0,101	0,166	1,00	0,354	0,797
12. Компетентность	-0,071	0,360	0,325	0,206	0,205	0,304	0,285	0,123	0,225	0,141	0,354	1,00	0,464
13. Отношения в коллективе	0,030	0,136	0,143	0,235	0,174	0,129	0,023	0,092	0,233	0,224	0,797	0,464	1,00

Примечание. Уровень статистической значимости: $p < 0,05$ при $r > 0,260$; $p < 0,01$ при $r > 0,360$; $p < 0,001$ при $r > 0,460$.

Прояснить выявленную картину детерминант СДО помогает описательная статистика. Умеренно тесные корреляции рассматриваемых переменных частично объясняются сравнительно короткими темпоральными характеристиками всех видов жизненного опыта: общего рабочего стажа ($M = 9,3$ года), стажа в компании ($M = 2,6$ года), стажа в должности ($M = 2,4$ года), а также семейного стажа ($M = 3,1$ года). Но все вместе они образуют своеобразный синдром короткой адаптации к среде и в среде организации: готовности к активному и быстрому включению в работу, энергичным усилиям в карьерном продвижении с постоянной ориентацией на восхождение к новым вершинам. Иными словами, общий и специфический жизненный опыт у наших респондентов невелик, их ценностные ориентации и смыслы порождены «текучей современностью» (по З. Бауману) и согласованы с нею.

Повторим, что возраст, позволяющий накапливать общий жизненный опыт и поддерживать монотонную профессиональную карьеру, по своему влиянию заметно уступает различным видам специфического жизненного опыта (общий стаж работы и семейный стаж) и соотносим с четвертым и пятым по силе детерминации специфическим опытом – стажем в организации и стажем управленческой деятельности (табл. 2). Пол выступает сравнительно независимым фактором и СДО, и ТХПК (это единственная переменная, имеющая отрицательные корреляции с другими). Соответственно, явно различаются ТХПК у мужчин и женщин. Примечательно, что должность, факторы состояния в браке и наличия детей в молодые годы ($M = 29$ года, $CD = 4$ года) еще не оказывают заметного влияния на СДО и ТХПК.

Таким образом, функциональная и психологическая ограниченность СДО менеджеров, помимо влияния субкультуры организации, объясняется и краткосрочностью разных циклов их профессиональной карьеры: временем работы в организации, в должности и пр. Ни их возраст, ни их стаж не ориентированы на долгосрочную перспективу, продолжительную работу в компании и в должности, профессиональное развитие, повышение своей квалификации, а только лишь на прохождение, проживание каждого отдельного цикла трудовой жизни. Вероятно, вследствие краткосрочности всех циклов наши респонденты уже сменили две, три, четыре компании. Соответственно, их СДО не рассчитаны на длительные позитивные и конструктивные взаимодействия с коллегами, надежное выстраивание карьеры в каждой организации. Они в своем большинстве – «перелетные птицы».

Выводы

1. Важными предпосылками становления и закрепления СДО сотрудников современной коммерческой компании являются условия социальной микро- (семья и рабочие группы) и мезосреды – декларируемые и латентные особенности корпоративной культуры организации, установившиеся традиции в построении отношений, транслирование руководителями типичного для компании стиля руководства, поддерживаемого ее ветеранами.

2. При факторном анализе выделяются шесть хорошо интерпретируемых факторов, характеризующих соответствующие СДО сотрудников. Содержательно, в соответствии с составом переменных и их факторным весом данные факторы как стили получили следующие названия:

- 1) сотрудничество, содействие, поддержка, гибкость, компромисс;
- 2) избегание деловых взаимодействий, дистантность;
- 3) авторитарность, агрессивность, требовательность;
- 4) спонтанное, эмоционально неконтролируемое общение;
- 5) формальное, дистантное общение;
- 6) эмоциональная взаимосвязь при неконструктивности деловых взаимодействий.

Первый фактор представляет собой проекции некоторого идеального стиля в понимании респондентов; пять других стилей, не являясь оптимальными, отражают мощное влияние корпоративной культуры организации.

3. ТХПК также выступают детерминантами СДО менеджеров. Короткие циклы их профессиональной карьеры (общий стаж работы, стаж в организации и в должности) провоцируют становление стилей, не ориентированных на длительные и полноценные межличностные взаимодействия субъектов совместной деятельности.

Исследование поддержано ОГОН РФФИ № 17-06-00200 «Стили делового общения: пространство и ресурсы взаимодействия субъектов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Толочек В. А. Стили деятельности: модель стилей с вариативно изменчивыми условиями. М., 1992.
2. Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности. М., 2000.
3. Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М., 2013.

4. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М., 2015.
5. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
6. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
7. Панферов В. Н. Классификация функций человека как субъекта общения // Психол. журн. 1987. Т. 8, № 4. С. 51–60.
8. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
9. Петровская Л. А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М., 1989.
10. Леонтьев А. А. Психология общения. М., 1999.
11. Леонтьев Д. А. Совместная деятельность, общение, взаимодействие // Вестн. высш. школы. 1989. № 11. С. 39–45.
12. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
14. Кроник А. А., Кроник Е. А. Психология человеческих отношений. Дубна, 1998.
15. Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behaviour. London, 1967.
16. Hall E. T. The Hidden Dimension. N. Y., 1966.
17. Denison D. R., Mishra A. K. Toward a Theory of Organizational Culture and Effectiveness // Organ. Sci. Vol. 6, № 2. P. 204–223.
18. Наследов А. Д. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб., 2007.

REFERENCES

1. Tolochek V. A. Stili deyatel'nosti: model' stilei s variativno izmenchivymi usloviyami. Mosc., 1992 (in Russ.).
2. Tolochek V. A. Stili professional'noj deyatel'nosti. Mosc., 2000 (in Russ.).
3. Tolochek V. A. Problema stilej v psihologii: istoriko-teoreticheskij analiz. Mosc., 2013 (in Russ.).
4. Tolochek V. A. Stili deyatel'nosti: resursnyj podhod. Mosc., 2015 (in Russ.).
5. Andreeva G. M. Social'naya psihologiya. Mosc., 1980 (in Russ.).
6. Bodalev A. A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom. Mosc., 1982 (in Russ.).
7. Panferov V. N. Klassifikaciya funkcyj cheloveka kak sub'ekta obshcheniya. *Psikhol. zhurnal*. 1987. Vol. 8, No. 4. P. 51–60 (in Russ.).
8. Parygin B. D. Osnovy social'no-psihologicheskoy teorii. Mosc., 1971 (in Russ.).
9. Petrovskaya L. A. Kompetentnost' v obshchenii. Social'no-psihologicheskij trening. Mosc., 1989 (in Russ.).
10. Leont'ev A. A. Psihologiya obshcheniya. M., 1999.
11. Leont'ev D. A. Sovmestnaya deyatel'nost', obshchenie, vzaimodejstvie. *Vestnik vyssh. shkoly*. 1989. No. 11. P. 39–45 (in Russ.).
12. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. Mosc., 1984 (in Russ.).
13. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Mosc., 1975 (in Russ.).
14. Kronik A. A., Kronik E. A. Psihologiya chelovecheskih otnoshenij. Dubna, 1998 (in Russ.).
15. Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behaviour. London, 1967.
16. Hall E. T. The Hidden Dimension. N. Y., 1966.
17. Denison D. R., Mishra A. K. Toward a Theory of Organizational Culture and Effectiveness. *Organ. Sci.* Vol. 6, No. 2. P. 204–223.
18. Nasledov A. D. SPSS: Komp'yuternyj analiz dannyh v psihologii i social'nyh naukah. Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 11.03.2015.
Received by editorial board 11.03.2015.

УДК 316.613.43

СОПЕРНИЧЕСТВО/СОТРУДНИЧЕСТВО В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

И. В. ГУЛИС¹⁾, М. К. БОРИСЕВИЧ¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Обосновывается актуальность изучения соперничества/сотрудничества в служебных отношениях. Дается определение данных феноменов, представлены главные направления исследований в этой области. Отмечается, что существуют теоретические и методологические проблемы, затрудняющие возможность проведения подобных системных исследований. Предпринята попытка классифицировать понятия «соперничество» и «сотрудничество», выявить факторы, влияющие на их возникновение и последствия проявления, а также воздействующие на эффективность деятельности работников компании. Представлены результаты исследования соперничества/сотрудничества в белорусских трудовых организациях.

Ключевые слова: соперничество/сотрудничество в служебных отношениях; стратегия поведения; факторы; классификация; активность; успешность деятельности; динамические процессы; развитие.

COMPETITION/COLLABORATION AT THE WORKPLACE

I. V. GULIS^a, M. K. BORISEVICH^a

^a*Belarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: guliss@tut.by*

The article finds the relevance of the study competition/collaboration at the workplace, given the definition, presents main directions of psychological investigations this phenomena. There are theoretical and methodological problems which make it difficult to carry out systematic studies of competition/collaboration in organizations. The paper presents the attempt to classify competition/collaboration on different grounds and factors which influence on it manifestation and effectiveness of work. The results of investigation of competition/collaboration at the Belarusian workplace are presents.

Key words: competition/collaboration at the workplace; behavioral strategy; factors; classification; activity; success of activities; dynamic processes; development.

Одним из направлений психологических исследований служебных отношений является изучение соперничества и сотрудничества. Под служебными отношениями следует понимать процессы интеракции и коммуникации работников, основанные на профессиональных ценностях и ориентированные на достижение целей организации. Понятия «сотрудничество» и «соперничество» (*cooperation*

Образец цитирования:

Гулис И. В., Борисевич М. К. Соперничество/сотрудничество в служебных отношениях // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 84–92.

For citation:

Gulis I. V., Borisevich M. K. Competition/collaboration at the workplace. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 84–92 (in Russ.).

Авторы:

Инна Валерьевна Гулис – доктор психологических наук; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Марина Казимировна Борисевич – студентка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук И. В. Гулис.

Authors:

Inna Gulis, PhD (psychology); associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

guliss@tut.by
Marina Borisevich, student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

и *competition*) активно используются на житейском уровне и, как социальные явления, давно вызывают интерес философов, социологов и экономистов. Сотрудничеству, как правило, придается положительное значение в социальном взаимодействии, соперничеству – отрицательное. Из-за отсутствия устоявшегося понятийно-категориального аппарата, а также недостаточного количества эмпирических и теоретических исследований в современной психологии до сих пор нет единообразного понимания этих явлений и четкого представления о статусе данных категорий: самостоятельны ли они по отношению друг к другу или отражают различные полюсы динамического процесса. Далекое не в каждом психологическом словаре можно найти их определение.

Активно изучать соперничество/сотрудничество в служебных отношениях начали зарубежные ученые, а в последнее время эта тема все больше привлекает внимание отечественных психологов. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной разработанностью данной проблемы в социальной психологии, а с другой – потребностью современных компаний в условиях нестабильной экономической ситуации постоянно пересматривать динамические и производственные процессы ради более эффективной трудовой деятельности.

В табл. 1 приведены дисциплины и названы отечественные представители, изучавшие соперничество/сотрудничество или схожие с ними явления.

Таблица 1

Направления в изучении соперничества/сотрудничества в социальных науках

Table 1

Areas of study competition/cooperation in the social sciences

Дисциплина	Термин	Автор
Философия	Конкуренция	О. В. Летунова
	Соревнование	О. В. Летунова
	Соперничество	О. В. Летунова
	Кооперация	В. Е. Кемеров, Э. Г. Лаврик
	Взаимопомощь	П. А. Кропоткин
Социология	Конкуренция	Г. Н. Соколова, Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер
	Конкурентные отношения	В. В. Левченко
	Соревновательные отношения	В. В. Левченко
	Конструктивное сотрудничество	В. В. Левченко
	Социальное состязание	В. А. Бачинин
Психология	Конкуренция	В. Н. Марков
	Соперничество	Н. В. Гришина, Ю. П. Платонов
	Соревновательная активность	Ю. П. Платонов
	Соревнование	В. Г. Красько
	Сотрудничество	Н. В. Гришина, В. Н. Марков, Ю. П. Платонов

Можно заметить, что большое количество синонимов создает проблему с определением понятий соперничества и сотрудничества, разрешение которой усложняется существованием множества англоязычных эквивалентов и вариантов их перевода. Так, в англоязычной литературе по психологии для обозначения соперничества используются термины *competition*, *domination*, которые различные авторы переводят как «соревнование», «соперничество» или «конкуренция». Смысл процесса сотрудничества передают термины *cooperation* и *collaboration* (кооперация, сотрудничество). Результаты анализа отечественных словарных определений отражены в табл. 2, где представлены конструкты, используемые для уточнения категорий соперничества и сотрудничества. Так, понятие «соперничество» трактуется через конструкты, описывающие разобщенное поведение двух и более лиц, направленное на получение значимого для каждого результата. Конструкты, характеризующие термин «сотрудничество», также имеют направленность на результат, однако для этого люди объединяют свои усилия.

Варианты синонимов понятий «соперничество» и «сотрудничество»

Table 2

Synonyms versions of competition/cooperation

Соперничество	Сотрудничество
Соревнование	Помощь
Противоборство, борьба	Пособничество
Антагонизм	Синергизм
Конкуренция	Совместная деятельность
Состязание	Кооперация

Интересным представляется подход А. Г. Шмелёва, который провел теоретико-методологическое и психолингвистическое исследование места и роли понятия «конкуренция» в психологическом и междисциплинарном контекстах. Ученый предлагает ввести его в состав метакатегорий (базовых категорий) современной психологической науки наряду с такими общепринятыми терминами, как «деятельность», «общение» и «развитие». Конкуренцию А. Г. Шмелёв рассматривает как универсальную категорию, являющуюся родовой, корневой по отношению ко многим другим. Исследователь утверждает, что термин «конкуренция» основательно вошел в психологию, при этом специалисты делают акцент на двух его проявлениях: борьбе (соперничестве) и соревновании (состязании) [1]. К сожалению, понятие «сотрудничество» А. Г. Шмелёв не рассматривает.

Соперничество и сотрудничество представляют собой целенаправленное поведение. Эти категории можно рассматривать как стратегии социального взаимодействия для достижения цели. В первом случае предполагается позиция участников друг против друга – либо в деструктивной форме (борьба), либо в конструктивной (состязание). Борьба, как правило, сулит выигрыш одной из сторон. Состязание предполагает повышение активности обеих сторон; проигравший получает «вторичную выгоду» в виде четких перспектив развития, азарта, повышения вовлеченности и высокой мотивации. Во втором случае участники взаимодействуют друг с другом, что предполагает объединение усилий и подразумевает конструктивную форму. Ключевым в понимании соперничества/сотрудничества является соотнесение личных и общих целей участников взаимодействия, которые могут быть осознанными либо нет. Цели могут совпадать, и тогда реализуются сотрудничество или соперничество в форме соревнования либо жесткой, агрессивной борьбы. Если цели не совпадают, то возникают конфликт и, как следствие, деструктивное соперничество.

Серьезный интерес к эмпирическому изучению данных феноменов в психологии появился в рамках исследования конфликта в 50-х гг. прошлого века. Одним из ведущих западных специалистов в этой области является М. Дойч, сформулировавший закон межличностных отношений, согласно которому реакция на конфликтную ситуацию определяется характером существующих у участников взаимодействия установок. Таким образом, открытость, доверительность, готовность к оказанию помощи – иными словами, кооперативная стратегия поведения – одного участника взаимодействия побуждают применять аналогичную стратегию и другого участника. Соответственно, конкурентное поведение одного участника взаимодействия провоцирует такое же поведение другого участника. Предпочтение кооперативной или конкурентной модели поведения определяется ситуацией [2, с. 25–30].

Американские исследователи Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс в качестве детерминант сотрудничества или соперничества называют несколько факторов:

- структуру вознаграждений ситуации;
- индивидуальные различия;
- развитость коммуникации;
- эффекты взаимности.

Под структурой вознаграждений ситуации понимается то, что выигрыш одного человека предполагает проигрыш другого, т. е. результаты членов группы связаны между собой негативным образом. Подобные ситуации называются соперничающей взаимозависимостью. В ситуации же сотрудничающей взаимозависимости наилучшего результата индивид достигает применяя стратегию сотрудничества. В ситуациях, в которых результаты индивидов не зависят друг от друга, т. е. когда ситуация не оказывает значительного подкрепления соперничающего или сотрудничающего поведения, выбор стратегии будет зависеть от характера ценностных ориентаций индивидов. Степень развития межличностной

коммуникации также оказывает влияние на выбор стратегии поведения. Так, большая степень коммуникации приводит к большему сотрудничеству. Фактор взаимности предполагает то, что первоначальное соперничество вызывает еще более интенсивное соперничество, а первоначальное сотрудничество стимулирует дальнейшее сотрудничество [3, с. 469–476].

Ученые К. Томас и Р. Килменн разработали классификацию типов поведения человека в конфликтной ситуации, согласно которой тот или иной тип определяется ориентацией индивида на собственные интересы либо на интересы другого человека, а также степенью активности или пассивности. Для кооперативного типа поведения характерны высокая активность и ориентация на интересы другого участника взаимодействия. Соперничеству же свойственны высокая активность и ориентация на собственные интересы. Направленность на собственные интересы или интересы другого человека обусловлена содержанием предмета конфликта, степенью ценности для индивида межличностных отношений, а также индивидуально-психологическими особенностями [4, с. 156–161]. Важно отметить, что К. Томас и Р. Килменн под конфликтной ситуацией понимают конфликт интересов, а не социальную ситуацию конфликта. Выбор стратегии и регуляция поведения происходят под влиянием внутренних переживаний, личностных факторов. В этом смысле результаты, полученные исследователями, могут быть применимы к объяснению широкого спектра различных жизненных ситуаций, интерпретируемых как ситуации-«затруднения», ситуации-«задачи».

В исследовании Г. Калланэна, Д. Бензинга и Д. Перри соперничество и сотрудничество также рассматриваются как одна из стратегий поведения в конфликтной ситуации. Однако в качестве детерминант выбора стратегии поведения, кроме личностных характеристик, таких как пассивность/активность и ориентация на собственные интересы или интересы другого человека, ученые называют еще три ситуационных фактора:

- 1) степень критичности (важности) центральной проблемы для человека;
- 2) статус или властные полномочия участников взаимодействия;
- 3) атрибуцию агрессивных или неагрессивных намерений другого участника взаимодействия.

Так, для соперничества характерны высокая активность индивида, ориентация на собственные интересы, высокая важность проблемы конфликта, оценка собственного статуса (властных полномочий) как более высокого, а также атрибуция агрессивных намерений другому участнику взаимодействия. Стратегии сотрудничества присущи высокая активность индивида, ориентация на интересы другого человека, высокая критичность проблемы конфликта для другого участника взаимодействия, оценивание статуса другого человека как более высокого, а также атрибуция неагрессивных намерений со стороны другого человека. По мнению упомянутых западных ученых, человек меняет стратегию поведения под влиянием ситуационных факторов [5].

Исследователи Д. А. Стейпл и В. Кумен рассматривают соперничество и сотрудничество как диспозиционные ориентации личности, т. е. как готовность, предрасположенность субъекта к определенным действиям, поведению [6]. Подобной точки зрения придерживаются и другие зарубежные специалисты. Согласно диспозиционной системе социальной регуляции поведения на готовность субъекта к тем или иным действиям влияют элементарные фиксированные установки, социально фиксированные установки, фиксированная направленность интересов личности относительно конкретной сферы активности и система ценностных ориентаций.

Выходя за рамки рассмотрения соперничества и сотрудничества как стратегий поведения в конфликте, К. Симмонс исследует их в контексте достижения успеха. По ее мнению, в основе этих явлений лежит готовность или установка действовать определенным способом в различных ситуациях в целях достижения успеха. «Достижение успеха» представляет собой конструкт, который используется для обозначения множества ситуаций, а не только ситуаций конфликтного взаимодействия [7].

В отечественной психологии изучением соперничества и сотрудничества в контексте конфликтных ситуаций занимается Н. В. Гришина, которая выделяет три основных типа взаимодействия в конфликте:

- 1) сотрудничество;
- 2) кооперацию;
- 3) соперничество.

В процессе сотрудничества участники конфликта стремятся к разрешению возникающих между ними противоречий, ориентируясь при этом на сохранение позитивных межличностных отношений. В кооперации участники конфликта стремятся к разрешению конфликта, опираясь на существующие нормы и предписания. Соперничество понимается как тип взаимодействия в конфликтной ситуации, целью которого является победа над противостоящей стороной. При этом Н. В. Гришина делает вывод о том, что решающую роль в развитии той или иной стратегии поведения в конфликте играет предшествующий опыт конфликтного взаимодействия. Сотрудничество имеет место в случае позитивного опыта участников конфликта, который основан либо на отсутствии разногласий в прошлом, либо на их

успешном преодолении. Кооперация развивается на базе опыта прежних разногласий, которые не были успешно преодолены и закрепились у участников в виде опыта «недоговоренности». Для конкуренции характерен опыт негативного взаимодействия, включающий в себя негативные эмоциональные компоненты, которые актуализируются в новой ситуации и превращают ее в борьбу между индивидами [8, с. 190–230].

О том, что соперничество в межличностных отношениях неизбежно, поскольку в настоящее время люди живут в обществе, которому свойственна соревновательность, говорят западные исследователи С. Мессман и Р. Микесл. Несмотря на то что соперничество чаще всего относят к конфликтной стратегии поведения, которая предполагает достижение собственных целей за счет поражения соперника, оно может иметь и позитивный эффект. Кроме того, отмечается, что некоторое соперничество может происходить и в рамках сотрудничества. В таком случае, хотя цели участников взаимодействия и не являются совместимыми, соперничество приводит к положительному результату в виде, например, эмоциональной разрядки, установления более тесных взаимоотношений или приобретения опыта координации коллективных действий [9].

От изучения соперничества и сотрудничества в широком контексте социального взаимодействия фокус внимания психологов смещается в сторону служебных отношений.

Согласно результатам исследования динамики поведения работников в конфликтной ситуации, проведенного Г. Мартином и Т. Бергманом, сотрудники, воспринимающие текущую деятельность и ее цель как составную часть своей будущей долгосрочной карьеры, склонны выбирать стратегию соперничества. Было установлено, что женщина, взаимодействующая в конфликте с мужчиной, с меньшей вероятностью ответит на конфликт стратегией соперничества по сравнению с любой другой комбинацией гендеров. В случае участия в конфликте мужчин ситуация чаще разрешается путем соперничества, что, как замечают авторы, может быть вызвано существованием социальной теории ролей, согласно которой мужчина, чтобы подтвердить свою мужскую сущность, должен выбирать стратегию соперничества [10].

В результате исследования, проведенного Р. Лином, также было установлено, что мужчины больше склонны к соперничеству по сравнению с женщинами. Кроме того, была обнаружена взаимосвязь между соперничеством и высокой ценностью денег, а также соперничеством и склонностью к накоплению. Чем выше ценность денег и склонность к накоплению, тем чаще в служебных отношениях проявляется соперничество [11].

Американский ученый Э. Вард установил взаимосвязь между локусом контроля и потребностью в достижении. Мотивация к соперничеству положительно коррелирует с развитостью потребности в достижении, а также с внутренним локусом контроля. Мотивация к избеганию соперничества положительно коррелирует с внешним локусом контроля. Что касается мотивации сотрудничества, то статистически значимой связи между локусом контроля и потребностью в достижении не обнаружено [12].

По мнению К. Кумара и Х. Дизеля, сотрудничество между членами организации является наилучшей формой взаимодействия. Исследователи отмечают, что эта форма имеет более высокий потенциал по сравнению с соперничеством и задача руководителя состоит в том, чтобы поддерживать и развивать в компании данный тип взаимодействия [13].

Ученые Б. Бревер и Г. Лам считают сотрудничество наиболее рациональным и предпочтительным стилем поведения в компании и организационном конфликте в частности, однако оно предполагает значительные временные затраты, что не всегда уместно. С точки зрения исследователей, соперничество, как модель поведения в конфликтной ситуации, в условиях недостатка времени является более целесообразным, но при этом злоупотребление данной стратегией может иметь и негативные последствия для сотрудников и компании в целом [14].

Изучая влияние соперничества и сотрудничества на результативность деятельности, П. М. Дизель и Р. У. Мак-Кинли пришли к выводу о том, что в коллективах, где допустимы обе стратегии поведения, сотрудничество дает более высокие результаты. В сотрудничавших группах производительность и удовлетворенность членов коллектива были выше по сравнению с группами, в которых царила конкуренция. И хотя конкуренция не повышает удовлетворенность людей работой, в случае если деятельность человека оценивается по индивидуальным, а не коллективным показателям, конкуренция может на некоторое время увеличивать производительность труда [15, с. 130–132].

Американские специалисты Р. Т. Джонсон и Д. В. Джонсон тщательно проанализировали 122 исследования, проведенных с 1924 по 1981 г., чтобы определить влияние отношений соревновательности и сотрудничества на результаты. Результаты 65 исследований показали, что сотрудничество обеспечивает более высокие достижения и результаты, чем соперничество, и только в восьми исследованиях было показано обратное. Более того, в 108 исследованиях сотрудничество обеспечило более высокие достижения, чем независимая или индивидуальная деятельность, обратное отмечалось лишь в шести исследованиях [16].

Отечественный ученый В. Н. Марков пришел к выводу о том, что взаимодействие между работниками в форме сотрудничества реально тогда, когда функциональные возможности одного отчасти совпадают с функциональными возможностями другого члена коллектива, в какой-то степени дополняют их, в результате чего образуется область перекрытия возможностей. Если эта область не лежит в фокусе основных профессиональных интересов одного из участников взаимодействия, то между ними возможно сотрудничество. В противном случае возникают отношения конкуренции. Таким образом, конкуренция в трудовом коллективе может возникнуть в случае полного совпадения востребованных в деятельности функциональных возможностей членов коллектива. Подобное пересечение возможностей приносит в жизнь трудового коллектива некоторую психологическую напряженность [17].

Российский исследователь Ю. П. Платонов рассматривает соревновательную активность в качестве важнейшего показателя включенности членов организации в совместную деятельность. В трудовом коллективе соревнованию приписывается положительная роль. Оно является своего рода катализатором различных психологических факторов, способствующих интегрированности и организованности в работе персонала организаций. Соревновательную активность ученый считает естественным позитивным процессом в трудовом коллективе: «Совместный труд в рамках кооперации, сотрудничества создает преимущества по сравнению с изолированным трудом, побуждает работника сравнивать, сопоставлять свою работу, свои достижения с результатами усилий других, вызывает стремление превзойти их» [18, с. 236]. Соревнование развивается в группах, основанных на общих интересах и имеющих ценностные ориентации, согласующиеся с ними. В качестве необходимого условия возникновения соревновательной активности Ю. П. Платонов называет также возможность самореализации личности через труд посредством проявления активности в такой степени, что работник может ощутить оказываемое им воздействие на деятельность коллектива. Исследователь перечисляет ряд условий, способствующих оптимизации соревновательной активности: информированность, добровольность, гласность, объективность, достижимость результатов.

Автор выделяет три типа соревновательной активности. Первый предполагает оптимальное соотношение соперничества и сотрудничества и реализуется в случае благоприятных условий для самоактуализации личности. Компании с данным типом соревновательности отличаются высоким (продуктивным) уровнем коллективности в работе. Для второго типа соревновательной активности характерны доминирование взаимопомощи и низкий уровень соперничества. Этому типу свойствен средний (нормативный) уровень коллективности трудовой деятельности. Третьему типу соревновательности присущи преобладание соперничества и неразвитость взаимопомощи. При такого рода соревновании участники данного процесса заинтересованы не в достижении конечного результата совместной деятельности, а в реализации своих прав на социальные и материальные блага, которые может предоставить организация. Подобное соревнование воспринимается участниками только как соперничество, направленное на получение лучших результатов любой ценой [18].

Анализ литературы позволяет выделить два подхода к рассмотрению соперничества и сотрудничества. Первый постулирует тезис о том, что это два самостоятельных явления, которые имеют независимые характеристики. С точки зрения К. Симмонс, Э. Варда, Д. А. Стейпла и В. Кумена, соперничество – это поведенческая стратегия, используемая для достижения успеха и характеризующаяся стремлением к достижению цели посредством индивидуальной работы и демонстрации личного преимущества. Сотрудничество – поведенческая стратегия, используемая для достижения успеха и характеризующаяся стремлением к достижению цели посредством внесения личного вклада в совместную работу с другими людьми.

Второй подход определяет эти понятия как две крайние точки одного динамического процесса, непрерывной поведенческой стратегии, выбираемой человеком (группой) для удовлетворения своих потребностей и достижения личных и организационных целей. На одном полюсе находится соперничество, на другом – сотрудничество. Акцент на одном полюсе сказывается на другом. Усиление сотрудничества ведет к снижению соперничества, и наоборот. Случаи чистого соперничества и чистого сотрудничества крайне редки, большинство служебных ситуаций представляют собой результат взаимодействия различных поведенческих стратегий. Будучи динамическими процессами, соперничество и сотрудничество влияют на развитие организации. Эти идеи поднимают вопрос о взаимосвязи между поведенческими стратегиями соперничества/сотрудничества и агрессией в служебных отношениях и требуют эмпирической проверки.

В структуре соперничества/сотрудничества можно обозначить два уровня:

- 1) организационный;
- 2) социальный (межличностный и межгрупповой).

Организационный уровень предполагает соперничество/сотрудничество всей организации по отношению к конкурентам на рынке труда. Предположительно, стабильная экономическая ситуация на

рынке связана с проявлением деструктивного соперничества, кризисная – побуждает компании поддерживать друг друга, объединять усилия в борьбе за выживание. (Данное утверждение требует эмпирической проверки.) Например, в кризисный период развития компании в случае разделения на два самостоятельных предприятия можно наблюдать изменение поведенческих стратегий руководителей от сотрудничества к соперничеству на межличностном и организационном уровнях, когда конкурируют две вновь созданные структуры.

Социальный межличностный уровень реализуется между двумя сотрудниками; групповой – между двумя группами сотрудников, взаимодействие происходит в пределах одной компании; смешанный – между сотрудником и группой. Выбор поведенческой стратегии зависит от личностных и ситуационных факторов.

Классификацию соперничества и сотрудничества можно провести по различным основаниям. По направленности они могут быть внешними (между сотрудником, группой, организацией в целом по отношению к другой организации) и внутренними (вертикальными, горизонтальными), реализующимися между сотрудниками одной компании. Внутренняя вертикальная или горизонтальная направленность определяется статусом субъектов в организации (руководители, подчиненные).

В качестве характеристики корпоративной культуры категории соперничества и сотрудничества могут быть формальными и неформальными. Неформальные могут протекать в открытом или скрытом виде.

По временному параметру эти феномены могут быть краткосрочными, долгосрочными, систематическими, эпизодическими, спорадическими. В одном случае они могут быть обусловлены быстрым достижением цели, в другом – являться инструментом динамического воздействия на ситуацию.

По степени осознанности рассматриваемые понятия бывают осознанными (целерациональными) и неосознанными (импульсивными).

На рис. 1 представлена схема, иллюстрирующая процесс возникновения соперничества/сотрудничества в служебных отношениях. В его основе лежат характеристики личности и особенности ситуации. Для проявления соперничества/сотрудничества имеют значение конкурентность как личностная черта, убеждения, установки и ценности, которые сформировались в процессе проживания предшествующего опыта. Ситуация побуждает человека вступать во взаимодействие с другими сотрудниками для достижения целей и осознанно или нет оценивать себя и других как источник достижения цели. Оценивание для определения критериев эффективности предполагает сравнение себя с коллегами по работе, что формирует эмоции и оценочные суждения. В случае осознанности и переживания стенических эмоций возникает целенаправленное действие, в случае неосознанности имеет место импульсивность. Для достижения цели сотрудники во взаимодействии могут использовать стратегии соперничества или/и сотрудничества. Данная схема требует дальнейшей доработки и эмпирической проверки.

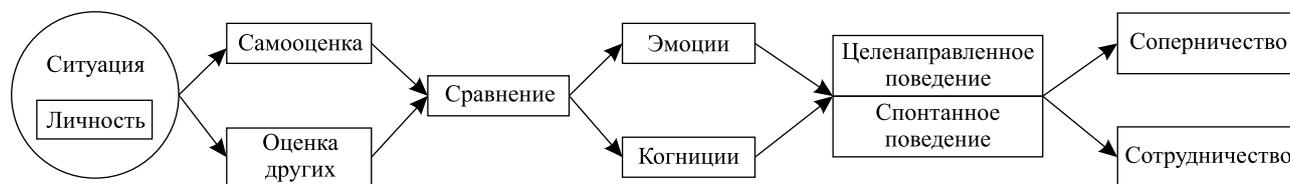

Рис. 1. Процесс возникновения соперничества/сотрудничества
Fig. 1. The process of the emergence of competition/cooperation

Чтобы изучить поведенческие стратегии в служебных отношениях, мы использовали опросник «Шкала стратегий соперничества/сотрудничества» К. Симмонс, который был нами адаптирован и валидизирован. В исследовании, проведенном среди сотрудников организаций, принял участие 101 человек: 51 женщина и 50 мужчин. Из них 29 респондентов занимают руководящие должности, 72 – являются подчиненными служащими. Возраст 26 человек составляет от 17 до 25 лет, 65 – от 26 до 50 лет, 10 – от 51 года до 75 лет.

В результате анализа полученных данных было установлено, что у 51 работника в качестве доминирующей стратегии поведения выступает сотрудничество. Соперничество как доминирующая стратегия поведения характерно для 24 опрошенных. Что касается избегания соперничества, то эта стратегия поведения в качестве ведущей оказалась присуща 10 респондентам. У 16 человек не было выявлено доминирующей стратегии поведения (рис. 2).

Таким образом, большинство работников для достижения успеха в служебных отношениях предпочитают использовать стратегию сотрудничества. Данные результаты, на наш взгляд, в первую очередь

могут быть объяснены культурными особенностями. Белорусское общество относится к коллективистским обществам. Как утверждает В. А. Кривошеев, главный смысл коллективизма состоит в приоритете интересов группы над личными: коллективист заботится о влиянии своих решений и действий на референтное сообщество. Представители коллективистских культур чувствуют себя вовлеченными в жизнь других людей, у них преобладает акцентуация, основанная на помощи другим людям, они часто проявляют привязанность к ним, а в ситуации выбора ощущают потребность в получении совета, помощи или даже в подчинении. Группы в коллективистских культурах оказывают сильное влияние на поведение своих членов [19, с. 34–39].

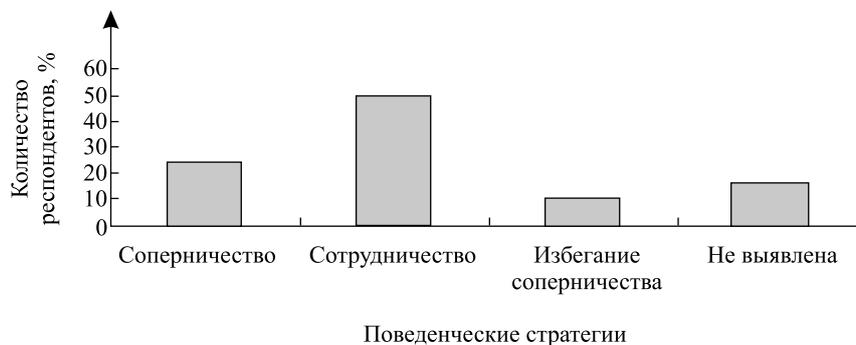

Рис. 2. Использование стратегий соперничества/сотрудничества в служебных отношениях
Fig. 2. The use of competition/cooperation strategies in the workplace relationship

Кроме того, следует заметить, что идеология коллективистских государств базируется на принципах сотрудничества, взаимопомощи и взаимовыручки. В белорусском обществе сильна идея о том, что сотрудничество является наиболее благоприятным, желательным и необходимым типом взаимодействия между людьми. Эта идея поддерживается идеологической политикой нашего государства.

Полученные результаты могут быть обусловлены особенностями управленческой политики в компании, а также корпоративной культурой и ценностями. Возможно, управление сотрудниками в конкретных организациях построено таким образом, что в них поощряются или даже культивируются взаимопомощь и сотрудничество. Впрочем, нельзя исключать и того, что преобладание сотрудничества как ведущей стратегии поведения вызвано желанием респондентов давать социально одобряемые ответы.

Анализ данных позволил обнаружить также другую интересную закономерность: у исследованных работников средние значения по шкалам использования соперничества и избегания соперничества достаточно близки. Таким образом, сотрудники в практически равной степени склонны как использовать соперничество, так и избегать его, что свидетельствует об амбивалентном отношении к этой категории.

Кроме того, результаты исследования были проанализированы на предмет статистически значимых различий в выраженности измеренных характеристик среди работников, относящихся по социально-демографическим характеристикам к разным группам. По итогам обработки данных статистически значимых различий в проявлении соперничества/сотрудничества по полу, возрасту и статусу выявлено не было. Мужчины и женщины, руководители и подчиненные, работники различных возрастных групп и с разным стажем работы не отличаются друг от друга в склонности к выбору определенной стратегии поведения. Это говорит о том, что различия в выборе поведенческой стратегии в значительной степени не обусловлены социально-демографическими характеристиками. Вопрос о том, какие личностные и ситуационные особенности влияют на выбор человеком стратегии поведения соперничества или сотрудничества, по большому счету является открытым.

Таким образом, соперничество и сотрудничество – поведенческие стратегии достижения успеха в различных ситуациях социального взаимодействия. Их можно рассматривать на двух уровнях – индивидуальном (как поведенческую стратегию) и организационном (как амбивалентный динамический процесс, характеризующий корпоративную культуру и влияющий на развитие компании). В трудовой организации одновременно присутствуют оба этих явления, при большей выраженности одного снижается проявление другого. На проявление соперничества/сотрудничества в служебных отношениях влияют личностные факторы, среди которых значимое место занимают конкурентность, локус контроля, направленность интереса, активность, предположительно агрессивность, самооценка, а также ситуационные, к которым можно отнести характеристики корпоративной культуры, сложность текущих задач, психологический климат и др. Половых различий в выборе поведенческой стратегии не обнаружено.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шмельёв А. Г. Конкуренция как метакатегория в современной психологии // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Психология. 2014. Т. 7, № 3. С. 105–115.
2. Донцов А. И. Психологическое единство коллектива. М., 1982.
3. Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. 10-е изд. СПб., 2004.
4. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. М., 1996.
5. Callanan G., Benzign D., Perri D. Choice of Conflict-Handling Strategy: A Matter of Context // J. Psychol. 2006. Vol. 140, № 3. P. 269–288.
6. Stapel D. A., Koomen W. Competition, cooperation, and the effects of others on me // J. Personal. Soc. Psychol. 2005. Vol. 88, № 6. P. 1029–1038.
7. The cooperative/competitive strategy scale: a measure of motivation to use cooperative or competitive strategies for success C. H. Simmons [et al.] // J. Soc. Psychol. 1988. Vol. 128, № 2. P. 199–205.
8. Гришина Н. В. Психология межличностного конфликта : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05. СПб., 1995.
9. Messman S., Mikesell R. Competition and interpersonal conflict in dating relationship // Commun. Rep. 2000. Vol. 13, № 1. P. 21–34.
10. Martin G., Bergman T. The dynamic of behavioral response to conflict in the workplace // J. Occup. Organ. Psychol. 1996. Vol. 69. P. 377–387.
11. Lynn R. Sex differences in competitiveness and valuation of money in twenty countries // J. Soc. Psychol. 1993. Vol. 133, № 4. P. 507–511.
12. Ward E. Correlates of motivation for competitive or cooperative strategy among employed adults // J. Organ. Behav. 1995. Vol. 16, № 1. P. 93–100.
13. Kumar K., Diesel H. Sustainable collaboration: managing conflict and cooperation in interorganizational system // MIS Quarterly. 1996. Vol. 20, № 3. P. 279–300.
14. Brewer B., Lam G. Conflict Handling Preferences: A Public-Private Comparison // Public Pers. Manag. 2009. Vol. 38, № 3. P. 11–24.
15. Дизель П. М., Мак-Кинли Р. У. Поведение человека в организации. М., 1993.
16. Johnson D. W., Johnson R. T. Cooperation and Competition Theory and Research. Edina, 1989.
17. Марков В. Н. Потенциал профессионального взаимодействия // Мир психологии. 2008. № 1. С. 108–121.
18. Лаврик Э. Г. Кооперация // Рус. философия : словарь / под общ. ред. М. Маслина. М., 1999. С. 236–237.
19. Кривошеев В. А. Основы этнической психологии. Гродно, 2010.

REFERENCES

1. Shmelyov A. G. Competition as metacategory of modern psychology. Part 1. *Bull. South Ural State Univ. Ser. Psychol.* Vol. 7, No. 3. 2014. P. 105–115 (in Russ.).
2. Dontsov A. I. *Psikhologicheskoe edinstvo kollektiva*. Mosc., 1982.
3. Teilor Sh., Piplo L., Sirs D. *Sotsial'naya psikhologiya*. 10th ed. Saint Petersburg, 2004 (in Russ.).
4. Mastenbrook W. *Upravlenie konfliktnymi situatsiyami i razvitie organizatsii*. Mosc., 1996 (in Russ.).
5. Callanan G., Benzign D., Perri D. Choice of Conflict-Handling Strategy: A Matter of Context. *J. Psychol.* 2006. Vol. 140, No. 3. P. 269–288.
6. Stapel D. A., Koomen W. Competition, cooperation, and the effects of others on me. *J. Pers. Soc. Psychol.* 2005. Vol. 88, No. 6. P. 1029–1038.
7. Simmons C. H., Wehner E. A., Tucker S. S., et al. The cooperative/competitive strategy scale: a measure of motivation to use cooperative or competitive strategies for success. *J. Soc. Psychol.* 1988. Vol. 128, No. 2. P. 199–205.
8. Grishina N. V. *Psikhologiya mezhlichnostnogo konflikta* : dis. ... d-ra psikholog. nauk : 19.00.05. Saint Petersburg, 1995 (in Russ.).
9. Messman S., Mikesell R. Competition and interpersonal conflict in dating relationship. *Commun. Rep.* 2000. Vol. 13, No. 1. P. 21–34.
10. Martin G., Bergman T. The dynamic of behavioral response to conflict in the workplace. *J. Occup. Organ. Psychol.* 1996. Vol. 69. P. 377–387.
11. Lynn R. Sex differences in competitiveness and valuation of money in twenty countries. *J. Soc. Psychol.* 1993. Vol. 133, No. 4. P. 507–511.
12. Ward E. Correlates of motivation for competitive or cooperative strategy among employed adults. *J. Organ. Behav.* 1995. Vol. 16, No. 1. P. 93–100.
13. Kumar K., Diesel H. Sustainable collaboration: managing conflict and cooperation in interorganizational system. *MIS Quarterly*. 1996. Vol. 20, No. 3. P. 279–300.
14. Brewer B., Lam G. Conflict Handling Preferences: A Public-Private Comparison. *Public Pers. Manag.* 2009. Vol. 38, No. 3. P. 11–24.
15. Diesel P. M., Mak-Kinli R. U. *Povedenie cheloveka v organizatsii*. Mosc., 1993 (in Russ.).
16. Johnson D. W., Johnson R. T. *Cooperation and Competition Theory and Research*. Edina, 1989.
17. Markov V. N. Potentsial professional'nogo vzaimodeistviya. *Mir psikholog.* 2008. No. 1. P. 108–121 (in Russ.).
18. Lavrik E. G. Kooperatsiya. In *Rus. filos.* Ed. by M. Maslina. Mosc., 1999. P. 236–237 (in Russ.).
19. Krivosheev V. A. *Osnovy etnicheskoi psikhologii*. Grodno, 2010 (in Russ.).

Психология личности

PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.923.2:17.036.2

ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА ЛИЧНОСТИ

О. И. КОНОНЕНКО¹⁾

¹⁾*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
ул. Дворянская, 2, 65082, г. Одесса, Украина*

Обосновывается многомерность психологической структуры в качестве главного критерия создания концепции диверсифицированного перфекционизма личности. Перфекционизм рассматривается как глобальный феномен, поскольку его воздействие может охватывать все сферы жизнедеятельности личности. Отмечается, что стремление к высоким стандартам не является патологическим, при этом успех приносит перфекционисту удовольствие, повышает его самооценку или поддерживает ее на должном уровне. Представлена модель перфекционизма, проанализированы связи когнитивных, личностных и поведенческих факторов. Построены модели личности, отличающиеся склонностью к положительному или отрицательному перфекционизму.

Ключевые слова: перфекционизм; личность; модель; факторный анализ.

THE FACTOR MODEL OF PERSONALITY PERFECTIONISM

O. I. KONONENKO^a

^a*Odessa I. I. Mechnikov National University, Dvoryanskaya street, 2, 65082, Odessa, Ukraine*

The multidimensionality of the structure is considered as the main criterion for the creation of the concept of diversified personality perfectionism. The perfectionism is seen as a global phenomenon, because exposure to it can cover all the spheres of life of the individual. And the pursuit to high standards is not itself pathological, but success brings the

---

Образец цитирования:

Кононенко О. И. Факторная модель перфекционизма личности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 93–97.

For citation:

Kononenko O. I. The factor model of personality perfectionism. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 93–97 (in Russ.).

Автор:

Оксана Ивановна Кононенко – кандидат психологических наук, доцент; докторант кафедры дифференциальной и специальной психологии факультета психологии Института математики, экономики и механики.

Author:

Oksana Kononenko, PhD (psychology), docent; doctoral student at the department of differential and special psychology, faculty of psychology, Institute of mathematics, economics and mechanics.
oksana.kroshka@gmail.com

perfectionist pleasure, increases self-esteem, or maintains it at the proper level. It was presented a model of perfectionism and substantiated links of the cognitive, personal and behavioral factors, as well as built a model of personality that differs in the tendency to positive or negative perfectionism.

Key words: perfectionism; personality; model; factor analysis.

Постановка проблемы. В современных условиях личностный потенциал является существенным фактором развития европейского общества. Важную роль в этом процессе играет выявление структуры и роли перфекционизма личности. Сложность перфекционизма как понятия, описывающего стремление личности к самосовершенствованию, заключается в его глобальности и диверсифицированности, поскольку данное воздействие может охватывать все сферы жизнедеятельности человека, касаться любых, даже интимных сторон жизни.

Проблему перфекционизма в зарубежной психологии с 60-х гг. XX в. исследовали А. Бек, Р. Блатт, Д. Бернс, П. Хьюитт, М. Голендер, К. Дабровски, В. Родела, Л. Сильверман, Р. Свинсон, Р. Слейн, Х. Стампф, Р. Фрост, Г. Флетт, Д. Хамачек, Р. Шафран и др. [1–4].

Несколько позже феноменом перфекционизма заинтересовались российские (Н. Г. Гаранян, И. И. Грачёва, С. Н. Ениколопов, Е. П. Ильин, В. В. Парамонова, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева и др. [5–9]) и украинские (И. А. Гуляс, Л. А. Данилевич, С. В. Карпенко, О. О. Лоза, К. И. Фоменко, А. Л. Чепурна) психологи [10; 11].

Перфекционизм, как стремление подражать чрезмерно высоким стандартам, – это многомерный личностный конструкт, однако вопрос о его внутренней психологической структуре остается в науке открытым и дискуссионным.

Цель статьи – представить и обосновать факторную модель перфекционизма личности.

Результаты исследования. Ведущим критерием создания концепции диверсифицированного перфекционизма личности является многомерность его психологической структуры. Исходя из этого, перфекционизм можно рассматривать как психологическое свойство, которое в структуре личности обладает относительной функциональной и структурной самостоятельностью и выражается в стремлении субъекта быть совершенным и безупречным в своей деятельности. Важный теоретический тезис нашего концептуального подхода к перфекционизму заключается в том, что стремление к высоким стандартам само по себе не является патологическим. Человек может получать удовольствие от упорного труда, саморазвития и улучшения результатов своей работы, при этом он осознает тот факт, что существуют границы личного самосовершенствования. В данном контексте успех приносит перфекционисту удовольствие, повышает его самооценку или поддерживает ее на должном уровне.

Для исследования феномена перфекционизма, его структуры и основных внутренних компонентов использовались следующие методики:

- фрайбургский личностный опросник (*Das Freiburger Persönlichkeitsinventar; Freiburg Personality Inventory, FPI*);
- личностный опросник Х. Шмишека для диагностики типа акцентуации личности;
- дифференциальный тест перфекционизма А. А. Золотарёвой;
- многомерная шкала перфекционизма (*Multidimensional perfectionism scale, MPS*) П. Хьюитта – Г. Флетта для измерения уровня перфекционизма и определения характера соотношения его составляющих;
- опросник *Life Style Index (LSI)* Х. Келлермана – Р. Плутчика для диагностики механизмов психологической защиты «Я»;
- шкала перфекционистской самопрезентации П. Хьюитта;
- опросник Т. Лири для исследования представлений субъекта о себе, идеального «Я» и взаимоотношений в малых группах;
- опросник К. Роджерса – Р. Даймонд для изучения особенностей социально-психологической адаптации и связанных с ней черт личности.

В исследовании приняли участие 420 человек.

Чтобы определить место перфекционизма в структуре личности, мы воспользовались факторным анализом, который, как известно, позволяет группировать показатели всех изучаемых психологических явлений, а также объясняет результат дисперсии каждого фактора и показателей, в него попавших [12]. Нами были применены методы максимального правдоподобия и варимакс-вращения.

Исходной основой для факторного анализа стала матрица интеркорреляций между 94 показателями, а именно: составляющими различных форм проявления перфекционизма, показателями когнитивных (общий и социальный интеллект), личностных (типологические, психологические характеристики и свойства, связанные с социальной адаптацией и психической регуляцией) и поведенческих факторов (механизмов психологической защиты).

По результатам корреляционной факторизации матрицы всего массива эмпирических данных было получено и проанализировано несколько факторных моделей (от 3 до 18 структур), однако избрана шестифакторная модель, которая соответствует основным требованиям, приближающим полученную факторную структуру к простой. В исходную модель вошли показатели, которые разместились как на положительном, так и на отрицательном полюсе с факторными нагрузками от 0,922 до -0,181.

Структуру избранной модели составляют следующие шесть биполярных факторов:

- *дисгармоничные тенденции личности*. Расчет его собственного значения позволил установить ту часть дисперсии, которая объясняется данным фактором. Таким образом, выделенный фактор объясняет 39,98 % информации показателей исходной корреляционной матрицы.

На положительном полюсе сконцентрировались следующие показатели социальной адаптации и регуляции поведения: неприятие себя, неприятие других, внешний контроль, ведóмость, а также показатели представлений субъекта о себе: авторитарный, эгоистичный, агрессивный, подозрительный, подчиненный, зависимый, альтруистический, доминирующий, дружелюбный.

На отрицательном полюсе оказались перфекционизм, ориентированный на себя, пространственное воображение и перфекционистская самопрезентация;

- *самопрезентация перфекционизма*. Выделенный фактор объясняет 29,72 % информации показателей исходной корреляционной матрицы.

Положительный полюс этого фактора представлен такими показателями, как социально предписанный перфекционизм; перфекционизм, ориентированный на себя; перфекционизм, ориентированный на других; патологический перфекционизм; перфекционистская самопрезентация; поведенческое не проявление несовершенства; вербальное не проявление несовершенства, а также показателями типов акцентуации характера, а именно: возбудимый, тревожно-боязливый, застревающий, аффективно-экзальтированный, педантичный, дистимичный, циклотимный, и показателями свойств личности, к которым относятся депрессивность, застенчивость, невротичность, эмоциональная лабильность, дезадаптивность, скорость и точность восприятия.

Отрицательный полюс составили показатели уравновешенности и зависимости;

- *адаптивные/дезадаптивные тенденции личности*. Объясняет 24,47 % информации показателей исходной корреляционной матрицы.

Положительный полюс этого фактора представлен такими показателями социальной адаптации и регуляции поведения, как принятие других, принятие себя, адаптивность, эмоциональный комфорт, самопринятие, интернальность, внутренний контроль, лживость, стремление к доминированию, а также показателями типов акцентуации характера, к которым относятся гипертимный, эмотивный, демонстративный и экзальтированный типы, и такими показателями, как нормативный перфекционизм и общительность.

На отрицательном полюсе – следующие показатели свойств личности: депрессивность, застенчивость, спонтанная агрессивность и эмоциональная лабильность;

- *компенсаторные механизмы защиты*. Расчет собственного значения каждого фактора установил часть дисперсии, которая объясняется данным фактором. Таким образом, он объясняет 21,67 % информации показателей исходной корреляционной матрицы.

На положительном полюсе сосредоточены следующие показатели механизмов психологической защиты личности: психологическая защита, проекция, замещение, интеллектуализация, регрессия, компенсация, реактивное образование и дружелюбие.

На отрицательном полюсе – влияние эмоций на мышление, грамотность, а также патологический перфекционизм и перфекционизм, ориентированный на других;

- *невротические тенденции личности*. Выделенный фактор объясняет 17,01 % информации показателей исходной корреляционной матрицы.

Его положительный полюс представлен такими показателями свойств личности, как реактивная агрессивность, спонтанная агрессивность, маскулинность/фемининность, экстраверсия/интроверсия, раздражительность, открытость, а также показателями представлений субъекта о себе: эгоистичный, авторитарный и подавляющий типы.

Отрицательный полюс составили следующие показатели социально-психологической адаптации: ведóмость, внешний контроль, дезадаптивность и альтруистичность;

- *интеллектуальные способности*. Расчет собственного значения каждого фактора установил часть дисперсии, которая объясняется данным фактором. Таким образом, он объясняет 15,48 % информации показателей исходной корреляционной матрицы.

На положительном полюсе этот фактор включает в себя такие показатели общего уровня интеллектуальных способностей, как гибкость мышления, способность к обобщению и анализу материала, грамотность, пространственное воображение, математические способности, интегральный показатель

интеллектуального развития индивида, а также следующие показатели социального интеллекта: вербальная экспрессия, композитная оценка социального интеллекта, способность предусмотреть последствия поведения, экспрессия, структура межличностных ситуаций в динамике.

Отрицательный полюс составили такие показатели свойств личности, к которым относятся открытость, уравновешенность, экстраверсия/интроверсия, общительность и показатели представлений субъекта о себе, а именно: дружелюбие, зависимость, доброжелательность и нормальный перфекционизм.

Разделение признакового пространства показателей на группы, осуществленное с помощью факторного анализа, позволило выделить модель, охватывающую шесть биполярных факторов:

- 1) дисгармоничные тенденции личности;
- 2) самопрезентация перфекционизма;
- 3) адаптивные/дезадаптивные тенденции личности;
- 4) компенсаторные механизмы защиты;
- 5) невротические тенденции личности;
- 6) интеллектуальные способности.

Благодаря распределению показателей в данных факторах удалось содержательно охарактеризовать каждый из них и изучить наиболее выраженные признаки, образующие противоположные полюсы соответствующего континуума.

Сначала рассмотрим факторную модель личности, обнаруживающую склонность к положительному перфекционизму. Полученная статистическая модель такой личности представлена четырьмя биполярными факторами:

- 1) компенсаторные механизмы защиты;
- 2) адаптивные тенденции личности;
- 3) дезадаптивные тенденции личности;
- 4) невротические тенденции личности.

Структура и вес показателей, вошедших в указанные факторы, объясняют ключевые психологические детерминанты личности, склонной к положительному перфекционизму. В данном случае такими психологическими детерминантами выступают личностные и поведенческие факторы, в большей степени обеспечивающие полноценное функционирование личности, которой присущ положительный перфекционизм.

При сравнении данной модели с моделью, полученной на общей выборке испытуемых, можно найти как тождества, так и различия. Структура факторной модели личности, склонной к положительному перфекционизму, содержит всего четыре фактора (в противоположность структуре общей факторной модели, состоящей из шести факторов). Однако факторная модель такой личности повторяет названия и накопления показателей трех факторов общей модели. К ним относятся 3-й (адаптивные/дезадаптивные тенденции личности), 4-й (компенсаторные механизмы защиты) и 5-й (невротические тенденции личности) факторы.

Рассмотрим другую факторную модель личности, которая подвержена негативному перфекционизму. Представленная статистическая модель подобной личности демонстрирует трехфакторную структуру:

- 1) интеллектуальные способности;
- 2) дезадаптивные тенденции личности;
- 3) перфекционизм, ориентированный на себя.

Структура и вес показателей, вошедших в указанные факторы, объясняют ключевые психологические детерминанты личности, подверженной негативному перфекционизму. В данном случае такими психологическими детерминантами выступают интеллектуальные и личностные факторы, которые обеспечивают функционирование личности, склонной к негативному перфекционизму.

При сравнении этой факторной модели с моделью личности, построенной на общей выборке испытуемых, также установлены тождества и различия. Из шести факторов, характеризующих общую структуру личности, в факторную модель, подверженную негативному перфекционизму, попали только два: 6-й (интеллектуальные способности) и 3-й (адаптивные/дезадаптивные тенденции личности). Последние показатели, отразившиеся на общей структуре личности в модели, подверженной негативному перфекционизму, в виде самостоятельных факторов не проявились, а только расположились с небольшим факторным весом в трех факторах.

Интересная информация получена при сравнении факторных моделей личности, склонных к положительному и отрицательному перфекционизму. Различия наблюдаются как в структуре, так и в содержании показателей, присутствующих в анализируемых факторах. Так, статистическая модель личности, склонная к положительному перфекционизму, представлена четырьмя факторами в противоположность модели, подверженной негативному перфекционизму, состоящей из трех факторов.

Каждая из анализируемых факторных структур говорит о том, за счет каких психологических детерминант происходит функционирование личности. В первой факторной структуре – за счет личных (адаптивные/дезадаптивные и невротические свойства) и поведенческих (компенсаторные механизмы защиты) факторов. Во второй – за счет интеллектуальных (общий и социальный интеллект) и личностных (адаптивные/дезадаптивные свойства и перфекционизм, ориентированный на себя) факторов.

Выводы и перспективы. Подводя итоги, отметим, что факторный анализ позволил создать группы признаков пространства показателей, представить модель перфекционизма и связанных с ним когнитивных, личностных и поведенческих факторов, а также построить и обосновать модели личности, которые отличаются склонностью к положительному или отрицательному перфекционизму.

Таким образом, полученные математико-статистические данные дают возможность перейти к качественному анализу: во-первых, выявить типологию перфекционизма – положительный (функциональный), отрицательный (дисфункциональный), нейтральный (без проявлений перфекционизма) типы; во-вторых, изучить когнитивные, личностные и поведенческие особенности лиц, представляющих различные типы перфекционизма; в-третьих, установить возрастные и половые различия в проявлении перфекционизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Frost R., Marten P., Lahart C. The dimensions of perfectionism // *Cogn. Ther. Res.* 1990. Vol. 14. P. 449–468.
2. Hamachek D. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // *Psychology.* 1978. Vol. 15. P. 27–33.
3. Hewitt P., Flett G. Perfectionism in the Self and Social context: conceptualization, assesment and association with psychopathology // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1991. Vol. 60, № 3. P. 456–470.
4. Hollender M. H. Perfectionism // *Compr. Psychiatry.* 1965. Vol. 6. P. 94–103.
5. Гараян Н. Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.04. М., 2010.
6. Грачёва И. И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2006.
7. Ларских М. В. Формирование конструктивного перфекционизма педагога : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Воронеж, 2011.
8. Золотарёва А. А. Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2012.
9. Юдеева Т. Ю. Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04. М., 2007.
10. Данилевич Л. А. Перфекціонізм як особистісний чинник академічної обдарованості студентів : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Киев, 2010.
11. Чепурна Г. Л. Соціально-психологічні особливості перфекціонізму молоді : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Чернигов, 2013.
12. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика. СПб., 2002.

REFERENCES

1. Frost R., Marten P., Lahart C. The dimensions of perfectionism. *Cogn. Ther. Res.* 1990. Vol. 14. P. 449–468.
2. Hamachek D. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology.* 1978. Vol. 15. P. 27–33.
3. Hewitt P., Flett G. Perfectionism in the Self and Social context: conceptualization, assesment and association with psychopathology. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1991. Vol. 60, No. 3. P. 456–470.
4. Hollender M. H. Perfectionism. *Compr. Psychiatry.* 1965. Vol. 6. P. 94–103.
5. Garanyan N. G. Perfektsionizm i vrazhdebnost' kak lichnostnye faktory depressivnykh i trevozhnykh rasstroistv : avtoref. dis. ... d-ra psikh. nauk : 19.00.04. Mosc., 2010 (in Russ.).
6. Gracheva I. I. Uroven' perfektsionizma i sodержanie idealov lichnosti : avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. : 19.00.01. Mosc., 2006 (in Russ.).
7. Larских M. V. Formirovanie konstruktivnogo perfektsionizma pedagoga : dis. ... kand. psikh. nauk : 19.00.07. Voronezh, 2011 (in Russ.).
8. Zolotareva A. A. Diagnostika individual'nykh razlichii perfektsionizma lichnosti : dis. ... kand. psikh. nauk : 19.00.01. Mosc., 2012 (in Russ.).
9. Yudeeva T. Y. Perfektsionizm kak lichnostnyi faktor depressivnykh i trevozhnykh rasstroistv : dis. ... kand. psikh. nauk : 19.00.04. Mosc., 2007 (in Russ.).
10. Danilevich L. A. Perfekcionizm jak osobystisnyj chynnyk akademichnoi' obdarovanosti studentiv : dis. ... kand. psikh. nauk : 19.00.01. Kyiv, 2010 (in Ukr.).
11. Chepurna G. L. Social'no-psychologichni osoblyvosti perfekcionizmu molodi : dis. ... kand. psikh. nauk : 19.00.05. Chernigov, 2013 (in Ukrainian).
12. Burlachuk L. F. Psikhodiagnostika. Saint Petersburg, 2002 (in Russ.).

УДК 159.99

ВЫБОР ЖЕРТВЫ КАК ИНФОРМАТИВНЫЙ ПРИЗНАК ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ СЕРИЙНОГО ПРЕСТУПНИКА

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, И. Е. МЕТЛИЦКИЙ¹⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Проанализированы современные психологические и криминалистические подходы к раскрытию серийных преступлений. Рассматриваются перспективы применения профайлинга в контексте психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Обосновывается единый подход к пониманию феноменов «психологическая модель личности преступника», «психологический портрет преступника» и «психологический профиль преступника» в соответствии с той функциональной нагрузкой, которую они несут в криминалистике и юридической психологии. Описаны механизмы выбора жертвы неорганизованным, смешанным и организованным серийным преступником исходя из особенностей его личности. Теоретически доказана необходимость учета выбора жертвы преступления при составлении психологического профиля серийного преступника.

Ключевые слова: психологическое профилирование; криминальный профайлинг; серийный преступник; жертва преступления.

Образец цитирования:

Фурманов И. А., Метлицкий И. Е. Выбор жертвы как информативный признак при разработке психологического профиля серийного преступника // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 98–102.

For citation:

Fourmanov I. A., Metlickij I. E. Choice of the victim as the informative sign by working out of the psychological profile of the serial sexual criminal. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 98–102 (in Russ.).

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук.

Игорь Евгеньевич Метлицкий – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Igor Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

fourmigor@gmail.com

Igor Metlickij, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

metlitsky@bk.ru

CHOICE OF THE VICTIM AS THE INFORMATIVE SIGN BY WORKING OUT OF THE PSYCHOLOGICAL PROFILE OF THE SERIAL SEXUAL CRIMINAL

I. A. FOURMANOV^a, I. E. METLICKIJ^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: metlitsky@bk.ru

In article on the basis of the analysis modern psychologicals and criminalistics approaches, application prospects uses profiling in a context of psychological maintenance of professional work of employees of law enforcement bodies are considered. The uniform approach to understanding of phenomena «psychological model of the person of the criminal», «a psychological portrait of the criminal» and «a psychological profile of the criminal», proceeding from that functional loading which they bear in criminalistics and legal psychology is offered. Mechanisms of a choice of a victim by the unorganized, mixed and organised serial criminal, proceeding from features of its person are described. Necessity of the account of a choice of a victim of a crime is theoretically proved at drawing up of a psychological profile of the serial criminal.

Key words: psychological profiling; criminal profiling; the serial criminal; a victim of a crime.

В последние десятилетия в мировой правоохранительной практике все чаще используются знания о психологических аспектах личности серийного преступника. Одним из методов, применяемых сотрудниками правоохранительных органов в целях раскрытия преступлений, совершенных против жизни и здоровья граждан, является психологическое профилирование (профайлинг). Тем не менее, несмотря на то что правоохранительные органы проявляют интерес к этому методу, в научной среде его роль в раскрытии преступлений не столь бесспорна.

Основу исследования составили общенаучные методы познания в сфере психологического сопровождения при раскрытии серийных преступлений. Подходы, о которых идет речь, нашли свое отражение в научных разработках Р. Л. Ахмедшина, Н. В. Бурвикова, А. М. Зинина, В. А. Образцова, А. И. Папкина, А. А. Протасевича, С. Б. Целиковского, К. Бартола, Дж. Дугласа, М. Ольшейкера, Р. Ресслера и других специалистов.

Анализ главных психолого-криминалистических способов создания профайлинга в деятельности сотрудников правоохранительных органов свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию таких феноменов, как «психологическая модель личности преступника», «психологический портрет преступника», «психологический профиль преступника», и той функциональной нагрузки, которую они несут в криминалистике и юридической психологии.

По мнению А. М. Зинина, криминалистическая составляющая психологического портрета преступника в контексте расследования злодеяний вообще малоинформативна [1, с. 32].

С точки зрения Н. В. Бурвикова, психологический портрет – это «модель личности неустановленного преступника». Ученый отстаивал мысль о том, что термин «криминалистический портрет» точнее передает суть, чем понятия «психологический профиль» или «психологический портрет», поскольку структура этого портрета выходит за пределы как внутренних, психологических, так и поведенческих признаков человека [2, с. 47].

В свою очередь, Р. Л. Ахмедшин предлагает разделить понятия «базовая модель личности преступника» и «психологический портрет неизвестного преступника» [3, с. 16].

В исследованиях В. А. Образцова определения «психологический портрет преступника» и «психологический профиль преступника» либо встречаются одновременно, либо являются взаимозаменяемыми [4, с. 104].

На наш взгляд, принципиально важно разграничить содержание и функциональную нагрузку описанных выше феноменов. Модель субъекта преступления имеет обобщенный характер и используется специалистами в области криминалистической тактики и методики как универсальная статичная основа расследования преступлений. Между тем в юридической психологии модель личности преступника имеет динамический характер, отражая: а) процесс ее криминализации; б) непосредственно генезис преступного поведения с позиции взаимодействия преступника и жертвы. С такой моделью и следует соотносить понятия «портрет» и «профиль» конкретного преступника (установленного и разыскиваемого).

Очевидно, что понятие «психологический портрет» носит более узкий характер. Его целесообразно применять в отношении установленного преступника (например, при проведении судебно-психологической экспертизы подэкспертных), лиц, изучаемых с применением полиграфа, при диагностике

личности осужденных. В случае такого подхода обобщенный психологический портрет позволяет говорить о построении модели личности конкретного типа преступника.

Психологический профиль – результат систематизации оперативно-разыскной, криминалистической, судебно-медицинской и иной значимой для правоохранительных органов информации, которая может быть использована в целях поиска неизвестного лица, совершившего преступление. Из-за недостатка или противоречивости этой информации профилю преступника могут быть присущи неполнота, вариативность и вероятностный характер. Тем не менее именно разработка психологического профиля преступника путем реконструкции индивидуально-психологических особенностей его личности оказывает неоценимую помощь сотрудникам правоохранительных органов в грамотной постановке убедительных версий криминального события, определении направления поиска неустановленного субъекта криминального деяния, а также прогнозировании его дальнейшего поведения. И хотя отсутствие научного обоснования профайлинга напоминает, по мнению А. А. Протасевича, С. Б. Целиковского и других исследователей, интерпретацию карт Таро [5–7], в зарубежной практике раскрытия серийных преступлений уже разработана психологическая структура криминального профайлинга различных типов преступников [8; 9].

Анализ того, как серийный преступник выбирает своих жертв, дает одну из важнейших информационных характеристик, позволяющих составить его психологический профиль.

Для неорганизованного типа серийного преступника характерен спонтанный выбор жертвы, оказавшейся «в ненужное время в ненужном месте...» [8, с. 17, 98]. Это отражает дефицит элементов продуманного планирования. Иными словами, субъекта преступления и его жертву ранее ничто не связывало. Возбуждение преступника зачастую усиливается из-за внезапной смены настроения вследствие жизненного кризиса (потеря работы, развод, пик бытового конфликта), который погружает его в стресс – реальный или мнимый. Факторами-побудителями могут стать такие негативные эмоции, как гнев, злость, ярость, направленные на любого человека, которого преступник считает ответственным за свой кризис. Эти факторы нередко сочетаются с алкогольным или наркотическим опьянением. Поэтому в момент встречи жертва приобретает в глазах преступника свойства, символизирующие для него фрустрирующий или психотравмирующий фактор, что и становится сигналом для актуализации агрессивного поведения. Характерно, что ни место совершения преступления, ни предмет, выступающий орудием насилия, злоумышленник не выбирает. Нападение осуществляется в форме блицатаки с последующей дезориентацией жертвы в пространстве. Гендерный аспект в выборе жертвы таких преступлений отсутствует: ею становится взрослый мужчина или женщина. Если преступник хорошо знает прилегающую к его месту жительства территорию, он способен совершить нападение рядом со своим домом. При этом убийца не делает попыток скрыть труп, однако, испытывая патологический страх от содеянного, стремится деперсонализировать жертву путем укрывания отдельных частей ее тела (лицо, грудь, гениталии). В этом проявляется зарождение автографа серийного преступника: первые убийства становятся своеобразной матрицей, в которую заложены определенные удачные приемы воздействия на жертву. Именно их преступник может использовать при совершении следующих злодеяний. Кроме того, беспорядочные ножевые раны на теле жертвы указывают на отсутствие у нападавшего криминального опыта [8, с. 59].

Для смешанного типа серийного преступника характерно постепенное закрепление его переживаний в форме «фантазий», которые возникают под воздействием алкогольного или наркотического опьянения и приобретают реальные черты после совершения первого преступления [8, с. 98, 117]. Выбор жертвы остается спонтанным, однако блицатака смещается на ее территорию: преступник скрыто преследует жертву (элемент сталкинга) и внезапно нападает на нее в тот момент, когда она пытается войти в свое жилище. При нападении злоумышленник может применять подручные средства. Обезображивание тела жертвы отражает не только ярость или перемещенный гнев, который был вызван у преступника кем-то другим, но и его стремление насладиться собственной силой и властью над зависимым от него существом [8, с. 101]. Преступник оставляет себе в качестве фетиша некоторые принадлежащие жертве вещи, которые позволяют при манипуляции с ними заново оживлять его «фантазии».

Наиболее ярко механизм выбора жертвы прослеживается в поведении организованного серийного преступника. Здесь «фантазии» уже не просто закрепляются, а обретают сложный сценарий, в котором преступник удовлетворяет свои значимые потребности, такие как управление чужим поведением (контроль над ситуацией), властвование над интересами других (контроль над жертвой), помыкание чувством их собственного достоинства (быть творцом болей, причиняемых жертве), а также реализация права единолично принимать решение, что делать с жертвой (как и когда она должна умереть). В отличие от выбора жертвы неорганизованным серийным преступником в этом

случае предпочтения четко очерчены и характеризуются исходно более выраженной стереотипностью: жертва должна напоминать тот объект, насилие над которым позволило бы преступнику испытать максимум удовольствия и снизить внутреннее напряжение [8, с. 59]. Стремление к воспроизведению этого состояния и становится основным смыслообразующим мотивом криминального поведения. Поэтому нападению предшествует фаза сталкинга, а именно: выслеживание жертвы, которая по внешним признакам идентична образу «фантазии»; планирование похищения или выбор способа проникновения в жилище человека; подготовка средств, обеспечивающих контроль над поведением жертвы. Механизм взаимодействия с жертвой является ритуальным, что подразумевает следующее:

а) использование жертвы в качестве реквизита, посредством которого преступник пытается передать сообщение правоохранительным органам (например, на периодичность нападений могут указывать числовые или зодиакальные закономерности);

б) придание жертве особой позы-символа;

в) приобретение фетишем конкретного характера («сувениры» должны символизировать власть либо оживлять воспоминания о пережитом возбуждении);

г) оставление на жертве специфических повреждений и т. п. Обнаружение связанной жертвы указывает на то, что преступник общался с ней продолжительное время, а следовательно, был уверен в том, что ему никто не помешает.

В механизме выбора жертвы проявляется не только сформировавшийся автограф серийного преступника, но и некоторые часто встречающиеся в правоприменительной практике особенности его личности. Например, насильственные действия в отношении одиноких пожилых людей указывают на неуверенного в себе несовершеннолетнего, проживающего в проблемной семье, зависящего от родителей материально, не имеющего близких друзей, часто занимающегося бродяжничеством. Его знают одинокие соседи, поэтому могут впустить в свой дом [8, с. 105]. Если преступник сразу лишает жертву сознания, значит, он испытывает страх перед ней и поэтому стремится погрузить ее в беспомощное состояние, чтобы подавить волю. Характерные особенности его профиля: замкнутость, неуверенность в себе, отсутствие опыта установления с окружающими доброжелательных отношений, наличие некоторых дефектов речи либо физических недостатков и т. п. [8, с. 109].

Выбор в качестве сексуальной жертвы детей определяется их большей по сравнению со взрослыми физической и психической уязвимостью (ребенка легко обмануть, запугать, а в случае необходимости подавить его сопротивление). Важным фактором при выборе детей в качестве жертв насилия является сниженный социальный контроль со стороны третьих лиц либо недостаток осторожности со стороны самих жертв. В профиле педофила доминируют вуайеризм, физические недостатки, покушение на развратные действия, заниженная самооценка [8, с. 59–66].

«Сочувствующие» серийные сексуальные преступники фантазируют, что с жертвой их связывают узы любви, а также стремление создать семью. Они выбирают либо молодых женщин, которым религия запрещает делать аборт, либо тех, кто, по их мнению, хочет забеременеть (36–38 лет) и не сделает аборт даже после изнасилования. Такой тип организованного преступника способен на похищение жертвы, чтобы иметь возможность контролировать процесс беременности [9, р. 128].

Преступник-«мессия» полагает, что является «санитаром общества», очищая его от наркоманов, лиц нетрадиционной сексуальной ориентации и т. п. Он использует во время нападения оружие, которое позволяет ему ощутить собственную силу и независимость. На теле жертвы, как правило, отсутствуют повреждения, за исключением огнестрельных, по той причине, что преступник брезгает прикасаться к объекту. Выбирая в качестве жертв проституток, серийный преступник может отрезать им волосы, рассматривая их как символ женской силы (женственности), оставлять трупы возле свалок или в мусорных баках и т. п. [9, р. 160].

Характерными для всех серийных преступников являются общие дефекты социализации их личности: энурез, поджоги, жестокое обращение с животными («треугольник убийцы»); неблагополучная (распавшаяся) семья; насилие (физическое, сексуальное, эмоциональное) со стороны авторитарного (религиозного фанатика или садиста) родителя либо полное отсутствие контроля за поведением ребенка; обвинительная позиция со стороны субъекта серийных преступлений по отношению ко всему миру, виновному, с его точки зрения, в том, каким он стал; «послужной список», включающий в себя побеги из дома и бродяжничество, мелкие кражи, угоны автомобилей, кражи со взломом, покушение на половую свободу, конфликты по месту работы (временных подработок) или вообще отсутствие всякой работы и зависимое от близких родственников материальное положение.

Таким образом, характер выбора жертв серийными преступниками выступает в качестве информативного признака при разработке их психологического профиля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зинин А. М. Проблемы криминалистического установления личности // Вестн. криминалистики. 2003. № 4 (8). С. 29–33.
2. Бурвиков Н. В. Криминалистический (психологический) портрет как модель личности неустановленного преступника // Юридическая Россия : федеральный правовой портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1250755> (дата обращения: 23.11.2009).
3. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 159.09.01. Томск, 2006.
4. Образцов В. А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики. М., 2003.
5. Протасевич А. А. Раскрытие убийств: нетрадиционные методы, приемы, рекомендации. Очерки теории и практики следственной работы. Иркутск, 1998.
6. Целиковский С. Б. О трактовке понятий «модель», «портрет», «профиль» личности преступника // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Калуга, 26–29 мая 2010 г.). Калуга, 2010.
7. Целиковский С. Б. Психологические познания и расследование преступлений // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 42.
8. Дуглас Дж. Погружение во мрак. М., 1998.
9. Douglas J., Olshaker M. Minds Hunter. Inside the FBI'S. N. Y., 1996.

REFERENCES

1. Zinin A. M. The problem criminalistics establishments of the person. *Bull. crim.* 2003. No. 4 (8). P. 29–33 (in Russ.).
2. Burvikov N. V. Kriminalisticheskyy (psikhologicheskyy) portrait as model of the person of the unstated criminal. *Yuridicheskaya Rossiya* : federal'nyi pravovoi portal [Electronic resource]. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1250755> (date of access: 23.11.2009) (in Russ.).
3. Akhmedshin R. L. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 159.09.01. Tomsk, 2006 (in Russ.).
4. Obraztsov V. A. Seriinye ubiistva kak ob"ekt psikhologii i kriminalistiki. Mosc., 2003 (in Russ.).
5. Protasevich A. A. Raskrytie ubiistv: netraditsionnye metody, priemy, rekomendatsii. Ocherki teorii i praktiki sledstvennoi raboty. Irkutsk, 1998 (in Russ.).
6. Celikovskij S. B. About treatment of concepts «model», «portrait», «profile» of the person of the criminal. Aktualnoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sudebnoi psikhologii v Rossiiskoi Federatsii : materialy Vseross. nauchn.-prakt. konf. (Kaluga, 26–29 May, 2010) (in Russ.).
7. Celikovskij S. B. The psychological knowledge and investigation of crimes. *Bull. Nizhnevartovsk State Univ.* 2012. No. 2. P. 42 (in Russ.).
8. Douglas J. Pogruzhenie vo mrak [Immersing in a gloom]. Mosc., 1998 (in Russ.).
9. Douglas J., Olshaker M. Minds Hunter. Inside the FBI'S. N. Y., 1996.

Статья поступила в редколлегию 30.12.2014.
Received by editorial board 30.12.2014.

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

И. Е. МЕТЛИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассмотрены современные подходы к развитию профессионального потенциала сотрудников правоохранительных органов в зарубежных странах. Изучена возможность имплементации позитивных идей и концепций в организацию профессиональной психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь с учетом сохранения отечественных достижений в области охраны правопорядка и уважения к ним. Дана характеристика трем национальным системам, которые обеспечивают профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов, с позиции целей, задач и функций охраны правопорядка. Выделены отличительные черты интеграции «профессиональной подготовки» и «профессионального образования» в контексте психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: сотрудник правоохранительных органов; профессиональная подготовка; профессиональное образование; профессиональная психологическая подготовка.

THE SYSTEM-STRUCTURAL APPROACH TO DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL POTENTIAL OF EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT BODIES

I. E. METLICKIJ^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

In article the theoretical analysis of modern approaches to development of professional potential of employees of law enforcement bodies in foreign countries with the subsequent scientific study of possibility introduction positive ideas and concepts in the organisation of professional psychological preparation of employees of law enforcement bodies of Belarus taking into account preservation and respect of domestic achievements in the field of law and order protection is carried out. The characteristic of three national systems which provide vocational training of employees of law enforcement bodies from a position of the purposes, problems and functions of protection of the law and order is given. Distinctive lines of integration of «vocational training» and «vocational education» in a context of psychological maintenance of professional work of employees of law enforcement bodies are allocated.

Key words: the employee of law enforcement bodies; vocational training; vocational education; professional psychological preparation.

Образец цитирования:

Метлицкий И. Е. Системно-структурный подход к развитию профессионального потенциала сотрудников правоохранительных органов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 103–107.

For citation:

Metlickij I. E. The system-structural approach to development of professional potential of employees of law enforcement bodies. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 103–107 (in Russ.).

Автор:

Игорь Евгеньевич Метлицкий – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Igor Metlickij, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
metlitsky@bk.ru

Одним из главных факторов поддержания внутренней стабильности любого государства является эффективная деятельность его правоохранительных органов, способных успешно решать задачи по охране правопорядка. Поэтому в настоящее время практически все страны мирового сообщества уделяют серьезное внимание совершенствованию национальных систем образования в сфере развития профессиональных компетенций сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим сегодня исключительно важно изучать зарубежный опыт развития профессионального потенциала сотрудников правоохранительной системы с позиции системно-структурного подхода.

Методологическую основу нашего исследования составили общенаучные способы познания в сфере организации профессиональной психологической подготовки и развития профессионального потенциала сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран, описанные в разработках И. П. Антонова, С. В. Асямова, Н. Г. Бабилуровой, А. В. Губанова, И. Ю. Дергалева, А. Э. Ивковой, Т. О. Катербарг, И. Ф. Колонтаевской, А. Я. Петрова, И. Ч. Шушкевича, Н. В. Юровой, Б. Хэбентона, Дж. Х. Намара, К. Х. Шефер и других специалистов.

Теоретическая и практическая значимость настоящей работы заключается в том, что ее результаты позволяют объективно оценить современные подходы к развитию психологического потенциала сотрудников правоохранительных органов в иностранных государствах и в дальнейшем серьезно проработать возможность имплементации позитивных идей и концепций в организацию профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь с учетом сохранения отечественных достижений в области охраны правопорядка и уважения к ним.

Сегодня в мире существуют три национальные системы, обеспечивающие профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов: децентрализованная, централизованная и интегрированная. Объединяют их цели, задачи и функции охраны правопорядка. Отличие же состоит в интеграции «профессиональной подготовки» и «профессионального образования» [1, р. 23–25].

Децентрализованная модель профессиональной подготовки полицейских характерна для США, Канады и Швейцарии [2, с. 16]. Суть ее состоит в том, что первоначальное профессиональное образование кандидат на службу получает в общегосударственном высшем учебном заведении (колледж или университет), однако при этом он должен представить сертификат об окончании курсов по «Психологии, конфликтологии и психологии критических ситуаций» общим объемом не менее 12 недель (в среднем 30–40 ч в неделю). Стержневым элементом содержания профессиональной подготовки в Академии ФБР является психологическое сопровождение всех форм деятельности полицейского. Из 760 учебных часов (22 % общего количества учебных часов), выделенных на изучение профессиональной психологии, 400 посвящены исследованию психологии организованных преступных сообществ, криминального профайлинга, психотехник разработки легендированного прикрытия, привлечения к негласному сотрудничеству и оперативного поиска, в том числе установления контакта в работе с различными категориями населения. В пределах 360 ч рассматриваются проблемы этнопсихологии, социальной депривации, преступности несовершеннолетних, а также диагностика стрессовых состояний, психических расстройств и поведения наркоманов [2, с. 282; 3, с. 47; 4, с. 59].

Централизованная модель (КНР, Франция, Венгрия и др.) предполагает тесную интеграцию профессиональной подготовки и профессионального образования в ведомственных вузах с изучением профессиональной психологии по схожим с американской моделью направлениям, но с разным объемом учебных часов (КНР – 910 ч; Франция – 1100 ч, в том числе 90 ч психологической подготовки на базовом курсе; Венгрия – 315 ч) [2, с. 113, 277; 5; 6, с. 5–6; 7, с. 27–31].

Интегрированная модель (ФРГ, Австрия, Великобритания и др.) включает в себя элементы и централизованной, и децентрализованной моделей с различной учебной почасовой нагрузкой на психологическую подготовку полицейских (ФРГ – 760 ч, в том числе 90 ч отведены на первоначальную психологическую подготовку: формирование социально-психологических основ поведения полицейского в конфликтных ситуациях, профессиональное общение, диагностику психических нарушений; Австрия – 370 ч, из них 90 ч рассчитаны на базовый курс профессиональной психологии (по аналогии с ФРГ), 280 ч – на криминальную, судебную и оперативную психологию; Великобритания – 560 ч, из них 100 ч – на базовый курс профессиональной психологии) [8, с. 88–89; 9, с. 188].

Согласно Государственному образовательному стандарту РФ курс «Юридическая психология» в общегосударственных высших учебных заведениях, в том числе и Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, составляет 72 ч. И только на факультете юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета в соответствии с Основной профессиональной государственной программой высшего профессионального образования Российской Федерации (ф. 24) этот курс читается в количестве 112 ч.

И хотя базовая психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь, которая осуществляется кафедрой психологии и педагогики Академии МВД Республики

Беларусь, отвечает всем требованиям, предъявляемым к формированию компетентного защитника правопорядка, мы исходим из того, что развитие профессионального потенциала сотрудника правоохранительных органов с позиции системного подхода предполагает углубленную научно-методическую подготовку в сфере правоприменительной и правоохранительной деятельности. В связи с этим целесообразно рассмотреть феномены «потенциал» и «профессиональный потенциал» в контексте накопления сотрудниками правоохранительных органов профессионального опыта в сфере охраны правопорядка.

Анализ научных подходов к пониманию феномена «потенциал» с позиции разных парадигм позволяет выделить в его содержании два аспекта. Под потенциалом понимают, во-первых, источник возможностей и средств, которые могут быть использованы человеком для решения конкретных задач; во-вторых, источник скрытых, не проявивших себя возможностей и способностей в определенной сфере жизнедеятельности человека [10, с. 58].

Термин «профессиональный потенциал» используется в научной литературе достаточно часто с позиции личностно-деятельностного подхода (понимание личности специалиста, активности его трудового поведения и диагностика скрытых ресурсов человека в целях создания условий для эффективной профессиональной деятельности) [11, с. 32]. Тем не менее до настоящего времени многовалентность термина, в зависимости от его понятийного наполнения, варьируется в значительных пределах: от «формы человеческого потенциала» и совокупности возможностей человека, занимающегося конкретной деятельностью [12, с. 118–129]; «профессиональных и нравственно-личностных возможностей, необходимых и достаточных для эффективной деятельности в той или иной профессии»; «ресурсных возможностей работника, основанных на общем уровне специального профессионального образования, квалификации, опыте, а также способности профессионального роста и отношения к труду»; «реальных и перспективных возможностей специалиста, необходимых для реализации его деятельностной позиции, направленной на творческое самовыражение и профессиональное самоутверждение» [10, с. 59]; «объединенных в систему естественных (психофизиологических) и приобретенных (социальных) качеств, определяющих способность человека выполнять конкретные обязанности» [13, с. 51]; «трудовых, профессиональных способностей и качеств личности, которые предназначены для их реализации в конкретной трудовой деятельности» [14, с. 80] до динамической функциональной системы, объединяющей личностные ресурсы: образы, поведение, профессиональные знания, установки, отношения, образующие формы трансляции человеческого опыта [15]; единства знания, профессионального опыта, способностей, поведенческих навыков и личностных качеств, необходимых для решения служебных задач [16, с. 169]; «перспектив личности в овладении средствами самопроявления и ее индивидуальности через профессию»; «соответствия профессиональной реализации потенциала личности требованиям, предъявляемым к человеку профессией»; «интегрального личностного образования с выраженной направленностью, создающего возможность специалисту трансформировать субъективную культуру»; «сложного личностно-деятельностного образования, отражающего совокупность особых потребностей, неактуализированных возможностей, ценностных отношений...» [10, с. 60].

По мнению В. Н. Маркова, профессиональный потенциал – это возобновляемая самоуправляющаяся система внутренних ресурсов специалиста, которая проявляется в профессиональных достижениях [6].

С позиции системного подхода мы полагаем, что профессиональный потенциал сотрудника правоохранительных органов может быть представлен двумя уровнями – реализованным и нереализованным.

Реализованный профессиональный потенциал включает в себя профессиональный опыт сотрудника, качества его личности, накопленные в процессе профессионального становления, и профессиональные способности, которые позволяют ему в конкретных жизненных ситуациях эффективно выполнять свои функции по охране правопорядка.

Нереализованный профессиональный потенциал базируется на ценностно-мотивационной структуре личности сотрудника и определяется динамикой изменений профессиональной среды (требованиями к профессиональной деятельности сотрудника, предъявляемыми со стороны государства). В этом случае речь идет об индивидуальном развитии личности сотрудника как субъекта деятельности.

Профессиональный потенциал сотрудника (ППС) правоохранительных органов условно может быть представлен следующей формулой:

$$\text{ППС} = \text{Пз} + \text{Псс} + \text{Псп},$$

где Пз – потенциал, обусловленный задатками личности сотрудника; Псс – потенциал, обусловленный специальными способностями личности сотрудника, которые были сформированы и развиты в процессе профессиональной подготовки; Псп – потенциал, формирующийся и развивающийся в процессе специальной подготовки сотрудника (адъюнктура, магистратура, повышение квалификации) как субъекта профессиональной деятельности.

Таким образом, вся совокупность профессионального потенциала сотрудника правоохранительных органов может быть представлена тремя уровнями:

I уровень – личностные ресурсы сотрудника, которые уже реализуются им в профессиональной деятельности (по окончании специального учебного заведения), т. е. транслируются в общественную жизнь;

II уровень – личностные ресурсы, которые могут быть реализованы сотрудником при желании или необходимости (например, в случае карьерного роста);

III уровень – личностные ресурсы, которые пока еще отсутствуют в структуре личности сотрудника, но могут быть сформированы на основе существующих возможностей (например, в случае повышения профессионального мастерства).

Следовательно, развитие профессионального потенциала сотрудника правоохранительных органов – это процесс изменения системы его профессиональных компетенций, личностных возможностей и способностей в сфере правоохранительной и правоприменительной деятельности посредством перехода на новый качественный уровень выполнения функциональных обязанностей по охране правопорядка.

С позиции модульного подхода развитие профессионального потенциала сотрудника правоохранительных органов может быть представлено следующим образом:

- **модуль № 1** – профессиональное обучение и профессиональная подготовка студентов в специальных учебных заведениях, обеспечивающих качественное выполнение поставленных перед ними задач по охране правопорядка;

- **модуль № 2** – профессиональная подготовка и обучение сотрудников, находящихся в резерве по выдвижению на руководящие должности;

- **модуль № 3** дает сотруднику возможность в рамках его профессиональной деятельности творчески подойти к выполнению своих функций по охране правопорядка. Модуль во многом сочетается с третьим уровнем профессионального потенциала сотрудника, поскольку позволяет говорить о соответствии ценностно-мотивационной структуры его личности качествам, сформированным и развитым в процессе правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Преимущество модульного подхода к развитию профессионального потенциала сотрудников правоохранительных органов состоит в возможности соотносить реализованный и нереализованный профессиональный потенциал с конкретными задачами по охране правопорядка.

В связи с этим открытие на базе кафедры психологии БГУ практико-ориентированной магистратуры по специализации «Юридическая психология» для сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь, имеющих стаж работы не менее двух лет, во-первых, будет способствовать синтезу практики по охране правопорядка с новыми теоретическими разработками в сфере юридической психологии, что позволит минимизировать проблемы в реализации правоприменительной и правоохранительной деятельности и, несомненно, положительно скажется на формировании целостного фундаментального направления в области криминальной, судебной, оперативно-разыскной и пенитенциарной психологии. Во-вторых, создаст благоприятные условия для развития международного сотрудничества и интеграции опыта по развитию профессионального психологического потенциала сотрудников правоохранительных органов в мировую практику по борьбе с преступностью на основе научно-практической программы, разработанной отделом стратегических вопросов полицейской деятельности ОБСЕ (2009), а также для выработки согласованной образовательной политики с государствами – участниками СНГ в контексте парадигмы непрерывного образования в Республике Беларусь. В-третьих, выпускники магистратуры – это качественный потенциал для учреждений образования правоохранительной системы Республики Беларусь.

Магистратура по юридической психологии базируется на реализации трех основных функций:

- 1) практико-ориентированного обучения сотрудников правоохранительных органов;
- 2) управления объемом знаний (системная консолидация практического опыта сотрудников и его распространение в сфере охраны правопорядка);
- 3) организации единого координационного центра инноваций в области совершенствования профессионального мастерства сотрудников правоохранительных органов.

Открытию магистратуры содействовало создание на кафедре психологии БГУ в 2015 г. единственной в Республике Беларусь учебной лаборатории по криминальной психологии, научно-методическая и материально-техническая база которой способствует развитию у студентов умений и навыков в области диагностики сознательной неискренности подозреваемых, свидетелей и потерпевших методом интерференции образов, разработки криминальных профилей различных категорий преступников, моделирования проведения следственных действий и судебного следствия, коррекционной работы с заложниками.

В заключение добавим: на базе кафедры психологии БГУ создан учебный психологический полигон, призванный усовершенствовать психологическое обеспечение предварительного расследования в контексте выявления криминальных инсценировок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Shafer K. H. High-Performance Policing for the 21st Century // *The Police Chief*. 1997. № V. P. 23–25.
2. Полиция зарубежных стран: система организации и опыт профессиональной подготовки кадров / С. В. Асямов [и др.]. Ташкент, 2010.
3. Катербарг Т. О. Профессиональный потенциал педагогов как педагогическая категория и функциональный компонент образовательного пространства школы // *Совр. науч. исслед. и инновации*. 2013. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/04/23281> (дата обращения: 19.11.2016).
4. Шушкевич И. Ч. Профессиональная подготовка полицейских в европейских странах. СПб., 1997.
5. Дергалева И. Ю., Резанович И. В. Мониторинг профессионального потенциала менеджера // *Вестн. ЮУрГУ*. 2008. № 30 (130). С. 92–96.
6. Марков В. Н. Акмеологическое исследование потенциала, резервов и ресурсов человека. М., 2005.
7. Hebenton B. Policing in Central and Eastern Europe. N. Y., 1995.
8. Антонов И. П. Полиция Германии: история и современность. М., 2000.
9. Юрова Н. В. Развитие профессионального потенциала человека в условиях интернационализации экономики // Беларусь в совр. мире : материалы VII Междунар. науч. конф. (Минск, 30 окт. 2008 г.). Минск, 2008.
10. Ивкова А. Э. Сравнительный анализ подготовки полицейских в России, Великобритании и США. Калининград, 2007.
11. Божинская Т. Л. Педагог, воспитатель, личность. Ростов н/Д., 2010.
12. Губанов А. В. Полиция зарубежных стран. М., 2003.
13. Петров А. Я. Некоторые аспекты подготовки полицейских // Использование зарубеж. опыта в деятельности органов внутр. дел РФ : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (СПб., 27–28 мая 1993 г.) : в 4 ч. СПб., 1993. Ч. 2.
14. Пряхина М. В., Мартыросова Н. В. Составляющие профессиональной компетентности по профилю должности в подразделениях охраны общественного порядка // *Европ. журн. соц. наук*. 2012. Т. 2, № 11 (27). С. 80–86.
15. Колонтаевская И. Ф. Педагогика профессионального образования кадров полиции зарубежных стран. М., 2002.
16. Бабилурова Н. Г. Развитие профессионального потенциала: зарубежный и отечественный опыт профессионального обучения // *Вестн. ЧелГУ*. 2009. № 11 (149). С. 169–172.

REFERENCES

1. Shafer K. H. High-Performance Policing for the 21st Century. *The Police Chief*. 1997. No. V. P. 23–25.
2. Asaymov S. V., Mirazov D. M., Tadzhiyev A. A., et al. *Politsiya zarubezhnykh stran: sistema organizatsii i opyt professional'noi podgotovki kadrov*. Tasykent, 2010 (in Russ.).
3. Katerbarg T. O. Teachers' professional abilities as a pedagogical category and a relevant part of school educational space. *Mod. sci. res. innov.* 2013. No. 4 [Electronic resource]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/04/23281> (date of access: 19.11.2016) (in Russ.).
4. Shushkevich I. C. Professional'naya podgotovka politseiskikh v evropeiskikh stranakh. Saint Petersburg, 1997 (in Russ.).
5. Dergaleva I. Y., Rezanovich I. V. Monitoring of manager professional potential. *Bull. Ural State univ.* 2008. No. 30 (130). P. 92–96 (in Russ.).
6. Markov V. N. Akmeologicheskoe issledovanie potentsiala, rezervov i resursov cheloveka. Mosc., 2005 (in Russ.).
7. Hebenton B. Policing in Central and Eastern Europe. N. Y., 1995.
8. Antonov I. P. *Politsiya Germanii: istoriya i sovremennost'* [Police Germany: history and the present]. Mosc., 2000 (in Russ.).
9. Jurova N. V. Epy development of professional potential of the person in the conditions of economy internationalisation. Belarus' v sovr. mire : materialy VII Mezhdunar. nauchn. konf. (Minsk, 30 Oct., 2008). Minsk, 2008 (in Russ.).
10. Ivkova A. E. Sravnitel'nyi analiz podgotovki politseiskikh v Rossii, Velikobritanii i SShA. Kaliningrad, 2007 (in Russ.).
11. Bouginskay T. L. Pedagog, vospitatel', lichnost'. Rostov n/Don, 2010 (in Russ.).
12. Goubanov A. V. *Politsiya zarubezhnykh stran*. Mosc., 2003 (in Russ.).
13. Petrov A. J. Some aspects of preparation of policemen. *Ispol'zovanie zarubezh. opyta v deyatel'nosti organov vnutr. del RF: materialy mezhvuz. nauchn.-prakt. konf.* (Saint Petersburg, 27–28 May, 1993) : in 4 parts. Saint Petersburg, 1993. Part 2 (in Russ.).
14. Pryakhina M. V., Martirosova N. V. Components of professional competence in public order protection departments job profile. *Eur. Soc. Sci. J.* 2012. Vol. 2, No. 11 (27). P. 80–86 (in Russ.).
15. Kolontaevskaya I. F. Pedagogika professional'nogo obrazovaniya kadrov politsii zarubezhnykh stran. Mosc., 2002 (in Russ.).
16. Babilurova N. G. Development of professional potential: foreign and domestic vocational training experience. *Bull. Chelyabinsk state univ.* 2009. No. 11 (149). P. 169–172 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 14.02.2016.
Received by editorial board 14.02.2016.

УДК 613.6

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ У ПАЦИЕНТОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 2-го ТИПА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Е. П. КАЧАН¹⁾, А. И. КУЛАК²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Приводится характеристика внутренней картины болезни. Обосновывается значение ее исследования в клинике соматических заболеваний. Аргументируются выбранные методология и способы исследования. В рамках многоуровневой теоретической модели, предложенной В. В. Николаевой, выявляются особенности внутренней картины болезни на каждом из рассматриваемых уровней (чувственном, эмоциональном, интеллектуальном и мотивационном) у пациентов с сахарным диабетом 2-го типа в зависимости от длительности заболевания. По результатам исследования устанавливается наиболее адаптивный период течения данной болезни.

Ключевые слова: сахарный диабет; внутренняя картина болезни; адекватность; объективность; адаптивный период; длительность заболевания.

Образец цитирования:

Качан Е. П., Кулак А. И. Особенности внутренней картины болезни у пациентов с сахарным диабетом 2-го типа в зависимости от длительности заболевания // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 108–114.

For citation:

Kachan E. P., Kulak A. I. The features of the internal picture of the disease in patients with diabetes mellitus type 2, depending on the duration of the disease. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 108–114 (in Russ.).

Авторы:

Елена Петровна Качан – преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.
Александра Иосифовна Кулак – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Elena Kachan, lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
kachan_lena@list.ru
Alexandra Kulak, PhD (psychology); associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

THE FEATURES OF THE INTERNAL PICTURE OF THE DISEASE IN PATIENTS WITH DIABETES MELLITUS TYPE 2, DEPENDING ON THE DURATION OF THE DISEASE

E. P. KACHAN^a, A. I. KULAK^a

*^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: kachan_lena@list.ru*

Authors describe characteristics of the internal picture of the disease (IPD). Value of research of IPD in clinic of somatic diseases is proved. The chosen methodology and methods of research is reasoned. Within the IPD multilevel theoretical model (V. V. Nikolaeva) features of an internal picture of an disease on each of the considered levels (sensual, emotional, intellectual and motivational) at patients with diabetes of the type 2 depending on disease duration come to light. According to results of research the most adaptive period of a course of disease at patients with diabetes of the type 2 is determined.

Key words: diabetes; internal picture of disease; adequate; objective; adaptive period; disease duration.

Введение

Одной из наиболее важных с точки зрения влияния на течение хронического заболевания характеристик пациента является внутренняя картина болезни (ВКБ). Традиционно ВКБ рассматривается как представление больного о своем заболевании и совокупность переживаний, возникающих в связи с этим, «сознание болезни» [1]. Кроме того, ВКБ может быть описана как основной комплекс вторичных, психологических по своей природе, признаков заболевания, которые в ряде случаев отяжеляют течение болезни, препятствуют успешности лечебных мероприятий и тормозят ход реабилитационного процесса [2; 3]. Данный психологический феномен служит главным регулятором поведения и в зависимости от условий может способствовать развитию адаптационных или дезадаптационных эффектов [4]. В этом плане значение ВКБ как личностного фактора, воздействующего на весь процесс развития и лечения заболевания, приобретает особую важность. Неадекватно сформированная ВКБ усугубляет клиническое состояние и может опосредованно отрицательно влиять на течение и исход болезни, становиться тормозом для реализации сложных жизненных программ личности, а иногда приводит к изменению самой личности, возникновению внутренних конфликтов различного плана и даже тяжелой невротизации. Для того чтобы понять психологию больного, сделать его союзником в лечении, правильно трактовать жалобы и собрать как можно более полный анамнез, врач должен знать, что именно эмоционально значимо для пациента в болезни, понимает ли он важность лечения, как представляет свои действия, направленные на выздоровление, – иными словами, его внутреннюю картину болезни. Знание и понимание ВКБ требуются доктору для определения тактики в работе с больными и выбора конкретных форм лечения и методов коррекции.

Несмотря на то что феномен ВКБ известен давно, необходимость его изучения существует по сей день. Это объясняется сложностью, важностью и многогранностью проблемы ВКБ, имеющей прямое отношение к диагностике, патогенезу, лечению и реабилитации пациентов. По данным научных публикаций, до сих пор недостаточно исследованной остается общая организация ВКБ у больных сахарным диабетом (СД) и сохраняются трудности ее объективизации. Актуальны и поиски новых эффективных методов воздействия на психопатологические элементы картины болезни в целях коррекции, восстановления и формирования адекватной ВКБ в процессе лечения и реабилитации больных СД.

Таким образом, единственным способом оказания помощи пациентам с СД в достижении психической адаптации к жизни является всесторонний анализ личности больного, а также рассмотрение по возможности всех аспектов психической деятельности человека. В связи с этим весьма плодотворными могут оказаться комплексные методические подходы в изучении структуры ВКБ.

Методологическая основа

По мере развития представлений о ВКБ отечественные и зарубежные ученые делали попытки смоделировать ее структуру, выделить компоненты и проследить динамику. Начиная с А. Гольдшейдера, предложившего в 1926 г. первую модель ВКБ, многие исследователи (В. М. Смирнова, Т. Н. Резникова, Л. С. Мучник, В. А. Ташлыков) создали целый ряд теоретических моделей. В рамках настоящей работы мы опирались на многоуровневую теоретическую модель В. В. Николаевой, в которой ВКБ

рассматривается как сложное структурное образование, включающее в себя четыре уровня психического отражения болезни:

- 1) чувственный (обусловленные болезнью ощущения и состояния);
- 2) эмоциональный (связанный с различными видами реагирования на заболевание и его последствия);
- 3) интеллектуальный (знания о болезни и рациональная оценка заболевания);
- 4) мотивационный (связанный с определенным отношением больного к своему заболеванию, изменением образа жизни и поведения в условиях болезни, актуализацией деятельности по возвращению и сохранению здоровья) [5].

Благодаря такой модели каждый из уровней можно рассмотреть в отдельности, что позволит выявить особенности ВКБ у пациентов с СД 2-го типа в зависимости от длительности заболевания и проследить ее динамику.

Метод

Исследование проводилось на базе УЗ «Городской эндокринологический диспансер» г. Минска и выполнялось на добровольной основе. Испытуемые включались в группу по следующим критериям, касающимся длительности заболевания:

- 1) до 1 года;
- 2) от 1 года до 5 лет;
- 3) от 5 до 10 лет.

В исследовании приняли участие 96 пациентов с диагнозом СД 2-го типа в возрасте от 49 до 73 лет. Из них 39 пациентов с продолжительностью заболевания до 1 года; 31 – от 1 года до 5 лет; 26 – от 5 до 10 лет.

Полученные данные анализировались с помощью различных методик. Для изучения уровня непосредственно-чувственного отражения болезни (обусловленные болезнью ощущения и состояния) была использована *торонтская шкала алекситимии*. Мы предположили, что данная методика может наиболее адекватно отразить интересующий нас уровень, поскольку алекситимия является личностной особенностью, характеризующейся сложностями в определении и словесном выражении эмоций, нарушением дифференциации чувств и телесных ощущений. Было выявлено, что лица с высокой алекситимией нечувствительны к своему внутреннему физическому и психологическому состоянию. Это существенно ограничивает их способность к регуляции своего состояния [6]. По данным исследований последних лет, алекситимия не просто отражает высокий риск развития психосоматической патологии, а несет ценную прогностическую информацию о возможном течении заболевания и эффективности его терапии [7].

Для изучения эмоционального уровня (непосредственные эмоциональные реакции на обусловленные болезнью ощущения и ее последствия в жизни человека) применялась *шкала дифференциальных эмоций К. Э. Изарда*. Данная методика основана на оценке пациентом собственного эмоционального состояния по заданной шкале. Анализ самоотчета позволяет выяснить характер восприятия человеком своего эмоционального состояния, изменения в нем при возникновении болезненных реакций организма, преобладающие чувства, осознание нарушения собственной психической деятельности [8; 9].

Интеллектуальный уровень (знание о болезни и рациональная оценка заболевания) анализировался с помощью анкеты *Оценка информированности больных о заболевании*. В нее также вошел мотивационно-поведенческий блок вопросов (о планах и целях на будущее; о том, мешает ли в жизни такое заболевание; скрывает ли пациент от знакомых и коллег информацию о том, что болен).

Чтобы исследовать мотивационный уровень (определенное отношение больного к своему заболеванию, изменение образа жизни и поведения в условиях болезни, актуализацию деятельности по возвращению и сохранению здоровья), использовались мотивационно-поведенческий блок анкеты и адаптированная под больных СД 2-го типа методика *«незаконченные предложения» Сакса и Леви*, позволяющая выявить осознаваемые и неосознаваемые установки человека.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью *H*-критерия Крускала – Уоллиса (выявляет различия), а также *U*-критерия Манна – Уитни (сравнение попарно групп, отличающихся длительностью заболевания) в программе SPSS (версия 13.0).

Результаты и обсуждение

Были выявлены следующие особенности ВКБ в зависимости от длительности заболевания.

Чувственный уровень ВКБ по мере накопления опыта болезни становится все более дифференцированным, зрелым. Чувственная ткань постепенно получает вторичное означение, через создание «концепции» болезни: ощущения превращаются в симптомы заболевания. Это в первую очередь связа-

но с тем, что человек переосмысливает свою систему отношения к окружающему миру и собственному «Я», и это вынуждает его в конечном счете прислушиваться к своему внутреннему состоянию. Благодаря болезни пациент начинает правильно понимать свой новый, неизведанный ранее физический и психический мир, поскольку теперь это жизненно необходимый навык. Меняется самосознание человека, появляются новые ощущения.

По мнению А. Н. Леонтьева, порождение субъективной картины болезни обычно начинается с соматических ощущений, которые составляют чувственную ткань ВКБ. На основе этой чувственной ткани строятся соматические образы.

Как было сказано выше, чувственный уровень ВКБ измерялся с помощью торонтской шкалы алекситимии (рис. 1).

Полученные данные подтверждаются исследованиями М. В. Коркиной, В. М. Провоторова, А. В. Будневского и А. Я. Кравченко. По результатам их наблюдений высокая выраженность алекситимии проявляется у больных СД в 44–46 % случаев, большая доля которых приходится на начальные этапы заболевания [10].

Эмоциональный уровень ВКБ характеризуется повышенным негативным эмоциональным фоном в начале обнаружения болезни. С увеличением продолжительности заболевания интенсивность проявления отрицательных эмоций снижается (достоверные различия в целом по трем исследуемым группам были выявлены по таким эмоциям, как интерес, удивление, горе, страх, стыд и вина, что представлено на рис. 2). Повышенный негативный эмоциональный фон на начальных этапах течения заболевания главным образом связан с изменением физического состояния и глубоким личностным кризисом, обусловленным неожиданным для человека диагнозом и, как следствие, переоценкой жизненных ценностей. У больных неизбежно вначале возникает психологическое напряжение из-за невозможности вести привычный образ жизни, а также ощущение ущербности и выраженная зависимость от строгого соблюдения режима дня, физических нагрузок, питания, инъекций инсулина и приема таблеток. Кроме того, резко сокращается социальная активность из-за развития осложнений. Пациенты впервые сталкиваются с такими социальными проблемами, как исключение из определенных сфер общественной жизни, профессиональные ограничения, низкая социальная защищенность, недостаточная обеспеченность бесплатными сахароснижающими таблетками, инсулином и средствами самоконтроля для лечения СД и его осложнений. Все это приводит к повышенному эмоциональному переживанию болезни на начальных этапах формирования ВКБ.

Интеллектуальный уровень ВКБ с увеличением длительности заболевания характеризуется положительной динамикой. При этом в целом по всем группам отмечается преобладание информированных о своей болезни пациентов (рис. 3). В первую очередь это можно связать с образовательными программами, в ходе которых пациенты получают необходимую информацию о СД и методах его контроля, а также осваивают практические приемы самоконтроля. Эффективность образовательных программ в плане адаптации пациентов к болезни была доказана в многочисленных исследованиях, однако в долгосрочной перспективе их польза не столь высока [11]. Как указано в метааналитическом обзоре 73 релевантных исследований, у большинства пациентов, прошедших образовательную программу, спустя полгода показатели HbA1c после значительного улучшения возвращаются к исходным значениям, притом что эффект информированности о заболевании и владение специфическими навыками контроля сохраняются [12; 13].

Недостаточная информированность о СД приводит к его компенсации, что подтверждают данные целого ряда исследований, которые выдвигают на первый план вопрос о личностно опосредованных представлениях пациентов о своем заболевании, отношении к нему, мотивирующем определенное поведение, т. е. о ВКБ, понимаемой как связанный с заболеванием когнитивно-эмоционально-поведенческий комплекс и отражающей его личностный смысл для больного [14].

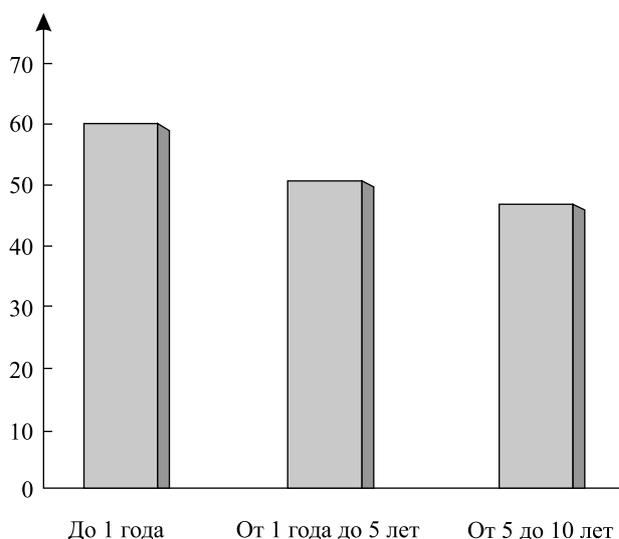

Рис. 1. Выраженность алекситимии в зависимости от длительности заболевания
Fig. 1. Intensity of alexithymia, depending on the duration of the disease

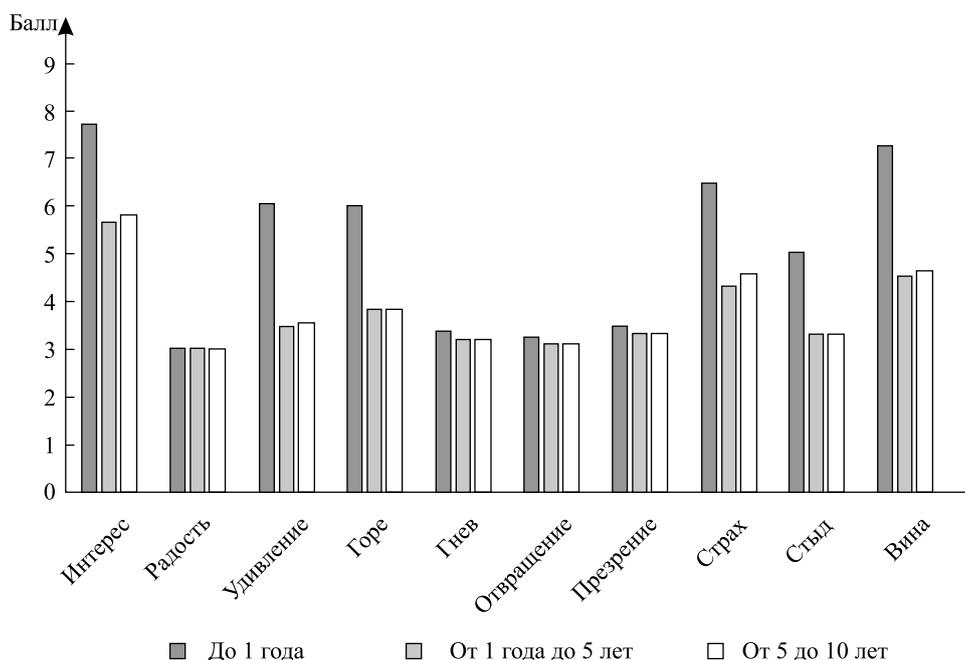

Рис. 2. Интенсивность эмоциональных переживаний в связи с заболеванием СД 2-го типа для трех исследовательских групп
Fig. 2. The intensity of emotional experiences in relation to diabetes type 2 disease for three research groups

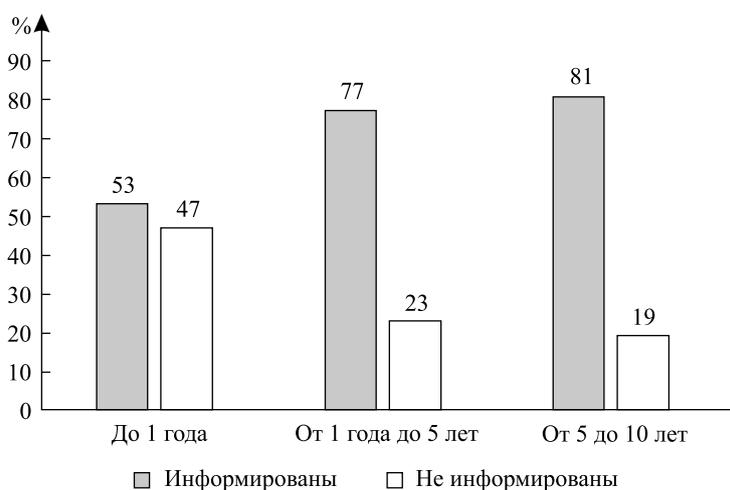

Рис. 3. Информированность пациентов о СД 2-го типа в зависимости от длительности заболевания
Fig. 3. Awareness of patients with type 2 diabetes, depending on the duration of the disease

Мотивационный уровень ВКБ в первую очередь связан с определенным отношением пациента к своему заболеванию, изменением образа жизни и поведения в условиях болезни, а также актуализацией деятельности по возвращению и сохранению здоровья. Здесь также есть различия в зависимости от длительности заболевания. На начальных этапах болезни пациенты с СД 2-го типа, с одной стороны, мотивированы иллюзорным желанием излечиться и стремятся как можно усерднее выполнять рекомендации врачей, с другой – морально еще не готовы принять тот факт, что больны, и в полной мере осознать всю серьезность ситуации, воспринимают болезнь как что-то несущественное, то, с чем легко можно справиться. С увеличением продолжительности заболевания пациенты начинают осознаннее подходить к своему диагнозу, у них наступает понимание, что их болезнь – это не преходящее событие, а образ жизни. Мотивированность приобретает уже совсем другое направление: человек нацеливается на поддержание достойного и комфортного качества жизни.

Данные по методике «незаконченные предложения», полученные в процессе изучения пациентов, приведены в таблице.

Обобщенные результаты исследования пациентов с диагнозом СД 2-го типа с различным стажем заболевания по методике «незаконченные предложения», %

Pooled results of the procedure «incomplete sentences» SD 2 patients diagnosed with different types of experience of the disease, %

Категория предложений	Результаты дополнения предложений	Длительность заболевания		
		До 1 года	От 1 года до 5 лет	От 5 до 10 лет
Отношение к себе	Положительная оценка своего характера, высокая оценка своих возможностей	75	79	81
Отношение к своей болезни, представления о ней, осознание болезни	Восприятие болезни как чего-то несущественного, того, с чем легко можно справиться	38	5	3
	Преувеличение тяжести своего состояния	23	45	35
	Отбрасывание мысли о болезни	29	36	29
	Адекватное отношение к болезни	10	14	31
Отношение к будущему	Оптимистичная оценка своего будущего	71	55	53
Отношение к своему прошлому	Жалеют, что мало внимания уделяли своему здоровью	56	19	7
	Другое	44	81	93
Нереализованные возможности, желания	Стремление похудеть	54	56	61
	Стремление заниматься спортом	21	5	–
	Отрицание таковых	19	23	25
	Другое	16	16	14
Страхи и опасения	Отрицание каких-либо опасений	54	46	32
	Опасения, связанные с будущим	25	20	34
	Страх смерти	–	11	23
	Страх тяжелых осложнений (слепота, ампутация, лишний вес)	21	23	17
Отношение к семье	Позитивная оценка отношений в семье, чувство принятия себя со стороны семьи	78	65	76
Отношение к сверстникам	Позитивная оценка своих сверстников, приписывание им положительных качеств	97	92	89
Чувство вины	Испытывают чувство вины по отношению к своему здоровью	87	55	53

Настоящая работа позволяет сделать следующий вывод: с увеличением стажа заболевания наблюдается положительная динамика формирования ВКБ, проявляющаяся во все более трезвом восприятии пациентом своего состояния – без склонности к преувеличению и недооценки серьезности болезни. Другими словами, ВКБ у больных СД 2-го типа с ростом стажа заболевания приобретает все более адаптивный характер.

Таким образом, для правильной и целостной оценки состояния соматически больного, проведения комплексного лечения и профилактики негативного психосоматического эффекта и деформации личности необходимо изучать особенности ВКБ и реакции человека на болезнь. Полученные нами в результате исследования данные могут способствовать оптимизации системы клинико-психологической помощи пациентам с СД 2-го типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лурия Р. А. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. М., 1944.
2. Николаева В. В. Влияние хронической болезни на психику. М., 1987.
3. Николаева В. В. Динамика ВКБ как показатель кризиса развития личности в условиях болезни. М., 1988.
4. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Щелкова О. Ю. Эмоционально-личностные факторы формирования отношения к болезни у больных сахарным диабетом I типа // Пробл. эндокринологии. 2006. № 1. С. 4–7.

5. Николаева В. В. Личность в условиях хронического соматического заболевания : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.04. М., 1992.
6. Николаева В. В. О психологической природе алекситимии. М., 1991.
7. Коркина М. В., Елфимова Е. В. Роль психогенного фактора в этиологии и патогенезе сахарного диабета // Рос. психиатр. журн. 2004. № 3. С. 15–18.
8. Жариков Н. М., Тюльпин Ю. Г. Психиатрия. М., 2009.
9. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2007.
10. Новикова И. А., Сидоров П. И., Соловьев А. Г. Алгоритм оценки качества жизни больных с психосоматическими заболеваниями // Терапевт. арх. 2004. № 10. С. 36–43.
11. Древань А. В., Редькин Ю. А., Мисникова И. В. Характер психологических изменений у больных инсулинозависимым сахарным диабетом после обучения самоконтролю // Пробл. эндокринологии. 1999. № 1. С. 8–11.
12. Knowledge, attitudes, technical competence, and blood glucose control of Type I diabetic patients during and after an education programme / C. Bailey [et al.] // Diabet Med. 1990. Vol. 7, № 9. P. 825–832.
13. Brown S. Meta-analysis of diabetes patient education research: variations in intervention effects across studies // Res. Nurs. Health. 1992. Vol. 15, № 6. P. 409–419.
14. Старостина Е. Г. Внутренняя картина болезни при сахарном диабете II типа // Третий Всерос. диабетол. конгр. : сб. докл. конф. (Москва, 24–27 мая 2004 г.). М., 2004. С. 616–617.

REFERENCES

1. Luriya R. A. Vnutrennyaya kartina bolezni i yatrogennye zabolevaniya. Mosc., 1944 (in Russ.).
2. Nikolaeva V. V. Vliyaniye khronicheskoi bolezni na psikhiku. Mosc., 1987 (in Russ.).
3. Nikolaeva V. V. Dinamika VKB kak pokazatel' krizisa razvitiya lichnosti v usloviyakh bolezni. Mosc., 1988 (in Russ.).
4. Wasserman L. I., Trifonova E. A., Schelkova O. Y. Emotionally-personal factors of attitude to the disease in patients with diabetes type I diabetes. *Probl. endokr.* 2006. No. 1. P. 4–7 (in Russ.).
5. Nikolaeva V. V. Lichnost' v usloviyakh khronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya : avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk : 19.00.04. Mosc., 1992.
6. Nikolaeva V. V. O psikhologicheskoi prirode aлекситимии. Mosc., 1991.
7. Korkina M. V., Elfimova E. V. The role of psychogenic factors in the etiology and pathogenesis of diabetes mellitus. *Ross. psikhiatr. zhurnal.* 2004. No. 3. P. 15–18 (in Russ.).
8. Zharikov N. M., Tyul'pin Y. G. Psikhiatriya. Mosc., 2009 (in Russ.).
9. Izard K. E. Psikhologiya emotsij. Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
10. Novikova I. A., Sidorov P. I., Solovyov A. G. Algorithm for evaluating the quality of life of patients with psychosomatic diseases. *Terapevt. arkh.* 2004. No. 10. P. 36–43 (in Russ.).
11. Drevap' A. V., Red'kin Y. A., Misnikova I. V. The nature of the psychological changes in patients with insulin-dependent diabetes mellitus after learning self-control. *Probl. endokr.* 1999. No. 1. P. 8–11 (in Russ.).
12. Bailey C., Debney L., Lennon G., et al. Knowledge, attitudes, technical competence, and blood glucose control of Type I diabetic patients during and after an education programme. *Diabet Med.* 1990. Vol. 7, No. 9. P. 825–832.
13. Brown S. Meta-analysis of diabetes patient education research: variations in intervention effects across studies. *Res. Nurs. Health.* 1992. Vol. 15, No. 6. P. 409–419.
14. Starostina E. G. Internal picture of illness in diabetes mellitus type II. *Tretii Vseross. diabetol. kongr. : sb. dokl. konf.* (Moscow, 24–27 May, 2004). Mosc., 2004. P. 616–617 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.03.2015.
Received by editorial board 27.03.2015.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

DIFFERENTIAL PSYCHOLOGY

УДК 159.923

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. ТРУХАН¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Анализируются интегральный и дифференциальный подходы к изучению индивидуальности человека. Обсуждается парадокс индивидуальности как предмета исследования дифференциальной психологии. Сделан вывод о том, что и дифференциация, и интеграция являются необходимыми механизмами перехода от глобальной неделимости индивида к собственно индивидуальности как целостной уникальности конкретного человека.

Ключевые слова: индивидуальность; дифференциальная психология; предмет исследования; интеграция; дифференциация.

INDIVIDUALITY AS THE SUBJECT OF DIFFERENTIAL-PSYCHOLOGICAL RESEARCH

E. A. TRUKHAN^a

^a*Belarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

The article analyzes the differential and integral approach to the study of human individuality. It discusses the paradox of individuality as the subject of study of differential psychology. It is concluded that differentiation and integration are necessary mechanisms for transition from the holistic «indivisibility» of the individual to the «individuality» as integrated human uniqueness.

Key words: individuality; differential psychology; research subject; integration; differentiation.

Образец цитирования:

Трухан Е. А. Индивидуальность человека как предмет дифференциально-психологических исследований // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 115–119.

For citation:

Trukhan E. A. Individuality as the subject of differential-psychological research. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 115–119 (in Russ.).

Автор:

Елена Антоновна Трухан – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Elena Trukhan, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
elena.an.t@tut.by

Основатель дифференциальной психологии как самостоятельной области научного знания В. Штерн под индивидуальностью понимал «индивида как целое в его уникальности». И именно индивид как эмпирическая единица является, по его мнению, для дифференциальной психологии предметом исследования [1].

Понятия «индивид», «индивидуальность» происходят от лат. *individuum* 'неделимое'. Однако если обратиться к этимологии понятия «дифференциация» (от лат. *differentia* 'разность', 'различие'), то можно встретить описание противоположного по сути явления: разделение целого на некоторые части, формы или ступени. Означает ли это парадоксальность предмета исследования дифференциальной психологии, которая была привнесена ее основоположником В. Штерном?

По мнению В. Н. Колесникова [2], выделяются два подхода к изучению индивидуальности: интегральный и дифференциальный. В основе первого лежит принцип существования систем. Данный подход получил наибольшее развитие в отечественной психологии второй половины XX в.

Постановка проблемы исследования индивидуальности человека как некоторой системы принадлежит Б. Г. Ананьеву, который писал: «Чтобы подойти к проблеме индивидуальности с точки зрения целого, нужно представить человека не только как открытую систему, но и как систему «закрытую», замкнутую вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств (личности, индивида, субъекта)» [3, с. 327]. Однако решение ученым этой проблемы можно назвать скорее комплексным, аддитивным (рассмотрение индивидуальности как совокупности, набора, симптомокомплекса [4]), чем собственно системным.

В дальнейшем идея построения теории индивидуальности, опирающейся на системные принципы, была воспринята и творчески развита ведущими отечественными психологами. Наибольший интерес представляют исследования интегральной индивидуальности В. С. Мерлина. По мнению ученого, интегральная индивидуальность – это «не совокупность особых свойств, отличная или противоположная другой совокупности, обозначаемой как характеристика типичности человека. Интегральная индивидуальность – это особый, выражающий индивидуальное своеобразие характер связи между всеми свойствами человека. <...> Каждое отдельное свойство <...> в одних своих проявлениях и в зависимости от одних условий типично, то есть присуще какой-то группе людей, в других проявлениях и в зависимости от других условий оно индивидуально-своеобразно, единственно и неповторимо» [5, с. 19].

На основе принципа системного обобщения разработана и специальная теория индивидуальности В. М. Русалова, в которой раскрываются закономерности и специфика формирования индивидуально-психологических различий под влиянием устойчивых биологических факторов. «Под индивидуальностью человека мы понимаем систему многомерных и многоуровневых связей, охватывающих всю совокупность условий и устойчивых факторов индивидуального развития человека. При таком подходе индивидуальность человека выступает как частный случай саморазвивающейся и саморегулируемой системы, состоящей из иерархического ряда свойств всех ступеней развития материи – от физических, биохимических, физиологических и т. д. до социально-групповых и общественно-исторических» [6, с. 23].

Человеческая индивидуальность как относительно замкнутая система имеет, по мнению В. М. Русалова, жесткие и гибкие элементы. Первые обеспечивают ее самостоятельность, устойчивость и непроницаемость для внешних воздействий (уровень организма), вторые – взаимодействие со средой (уровень личности) [7, с. 14].

Свой исторически-эволюционный подход к проблеме индивидуальности А. Г. Асмолов [8] также называет системным, поскольку он позволяет изучить феномен человека в процессе эволюции порождающей его системы и целевой детерминации развиваемой системы. Центром данного подхода является рассмотрение эволюционного смысла индивидуальных различий.

Зарубежным психологическим исследованиям свойственно построение преимущественно аддитивных моделей индивидуальности через нахождение и описание множества разнородных и связанных переменных, часто с использованием метода факторного анализа. В наибольшей степени системному рассмотрению индивидуальности соответствует теория К. Г. Юнга, в которой под индивидуацией понимается процесс осуществления самости, порождения психологического индивида, некоей целостности сознания и бессознательного [9].

Согласно В. Н. Колесникову [2], дифференциальный подход в психологии индивидуальности означает поиск стабильных (базальных) параметров на основе критерия инвариантности по времени, пространству и состояниям.

Данному критерию отвечает дифференциально-психофизиологическое направление исследований индивидуальности, начатое такими известными отечественными психологами, как Б. М. Теплов и В. Д. Небылицын, которые, в свою очередь, опирались на идеи и работы И. П. Павлова.

Иная реализация дифференциального подхода предполагает рассмотрение индивидуальности как высшего уровня иерархической организации всех биологических, психических и социальных свойств человека.

В иерархической теории индивидуальности А. В. Либина [10] организация и функционирование мира психической реальности человека подчиняются закону приоритета более сложных дифференцированных структур, а также закону взаимодействия этих структур на паритетных началах, допускающих в то же время относительную автономию каждой из них. Иерархическая структура включает в себя следующие измерения человеческой индивидуальности:

- телесное, или организмическое;
- индивидуальное, или общепсихическое;
- личностное;
- интегральное.

Индивидуальность, таким образом, представляет собой интеграл всех уровней внутренних и внешних взаимодействий, биопсихосоциальную характеристику человека.

Еще одним вектором дифференциального подхода является изучение закономерностей, по которым образуются устойчивые связи, сцепления, кластеры определенных свойств, или типологический метод изучения индивидуальности. Так, в исследованиях Т. Ф. Базылевич индивидуальность понимается как закономерно фиксируемая в поведении констелляция свойств человека, которая возникла в результате индивидуально-системного обобщения типологически важных свойств прошлого, настоящего и будущего [11].

Наряду с этим можно встретить подмену дифференциального подхода к исследованию индивидуальности атомарным, при котором «целостность, организменная сущность индивидуальности расчленяется на отдельные “пласты”, “кирпичики” и в соответствии с той или иной методологией детально исследуется. А потом из этих обедненных сущностей пытаются, как из кирпичиков, сложить индивидуальность. Но целое – это не агрегат дискретных элементов, это самоорганизованная система взаимообусловленных и опосредованных компонентов, где каждая из частей системы может быть определена только по отношению к другим частям и к целому» [12, с. 21].

На приоритет интегрального подхода по отношению к дифференциальному в психологии индивидуальности указывает В. Н. Колесников [2]. По мнению М. С. Егоровой, исследования отдельных психологических сфер не дают возможности понять целостную индивидуальность: легче расчленить целостную психологическую структуру, чем собрать воедино полученные элементы и понять, каким образом их интеграция образует целостную индивидуальность [13].

Однако важнейшим показателем зрелости ментальных структур на разных этапах онтогенетического развития является, с точки зрения Е. В. Волковой [12], степень их интегрированности и дифференцированности. Развитие ментальных структур осуществляется в направлении от форм глобальных и малодифференцированных к формам дифференцированным, иерархически упорядоченным и внутренне связанным.

Парадокс индивидуальности – проблема, которая волнует не только психологов, но и философов. Согласно И. И. Резвицкому, парадокс индивидуальности заключается в том, что она представляет собой единство общего и индивидуального. Игнорирование общего в индивидуальном ведет к отождествлению индивидуального с биологическим в человеке. Но неверна и другая позиция, при которой индивидуальность сводится всецело к общему, при этом игнорируются ее конкретные, специфические черты. Индивидуальность не тождественна ни единичному, ни общему, а является их синтезом. Как целостная система, индивидуальность включает в себя общие, особенные и единичные черты. Конкретизируя это понятие, И. И. Резвицкий называет индивидуальность особой формой бытия человека в обществе, «в рамках которой он живет и действует как автономная и неповторимая система, сохраняя свою целостность и тождественность самому себе в условиях непрерывных внутренних и внешних изменений. В качестве индивидуальности человек обладает способностью к саморегулированию и саморазвитию» [14, с. 14]. Признаками индивидуальности являются обособленность, целостность, самобытность, неповторимость и активность [14; 15].

Философ М. А. Гулямов выделяет в человеческой индивидуальности следующие признаки:

1) внешнетелесные (природные):

- единичность (отдельность);
- неделимость (неразделимость);
- уникальность (своеобразность);
- сходность (однообразность);

2) внутреннедуховные (общественные, социально-психологические):

- автономность (самостоятельность в поступках и действиях);

- целостность (единство физического и духовного мира);
- неповторимость (самобытность жизнедеятельности);
- типичность (относительная идентичность характера) [16; 17].

Индивидуальность, следовательно, представляет собой «интегральный феномен, диалектически объединяющий все биосоциальные качества человека как индивида и личности, проявляющийся в каждом человеке специфически неповторимым образом и тем самым отличающий того или иного индивидуума от всех других» [17, с. 72].

В завершение следует отметить, что и дифференциация, и интеграция являются необходимыми механизмами перехода от глобальной неделимости индивида к собственно индивидуальности как целостной уникальности конкретного человека.

Таким образом, отказ от рассмотрения индивидуальности как сложившегося, статичного образования и, напротив, изучение этого понятия как развивающегося явления позволяют преодолеть ту противоречивость предмета исследования дифференциальной психологии, которая возникла на начальных этапах ее становления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы : пер. с нем. М., 1998.
2. Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуальности. М., 1996.
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
4. Белоус В. В., Щебетенко А. И. Человек как интегральная индивидуальность. Пятигорск, 1996.
5. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
6. Русалов В. М. Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности человека // Психол. журн. 1986. Т. 7, № 4. С. 23–35.
7. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.
8. Асмолов А. Г. Психология индивидуальности. М., 1986.
9. Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.
10. Либин А. В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. М., 1999.
11. Базылевич Т. Ф. Типологическое познание – теории и практики современной психологии // Психология индивидуальности : материалы IV Всерос. науч. конф. (Москва, 22–24 нояб. 2012 г.) / отв. ред. : А. Б. Купрейченко, В. А. Штроо. М., 2012. С. 81–82.
12. Волкова Е. В. Методология психологии индивидуальности: от атомизма к «организму» // Психология индивидуальности : материалы IV Всерос. науч. конф. (Москва, 22–24 нояб. 2012 г.) / отв. ред. : А. Б. Купрейченко, В. А. Штроо. М., 2012.
13. Егорова М. С. Психология индивидуальных различий. М., 1997.
14. Резвицкий И. И. Философские основы теории индивидуальности. Л., 1973.
15. Резвицкий И. И. Личность, индивидуальность, общество: проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М., 1984.
16. Гулямов М. А. Понятие «человеческая индивидуальность» (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. М., 1983.
17. Гулямов М. А. Человеческая индивидуальность. Душанбе, 1991.

REFERENCES

1. Stern V. Differential'naya psikhologiya i ee metodicheskie osnovy [Differential psychology and its methodical bases]. Mosc., 1998 (in Russ.).
2. Kolesnikov V. N. Lektsii po psikhologii individual'nosti [Lectures on the psychology of individuality]. Mosc., 1996 (in Russ.).
3. Ananiev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as the object of cognition]. Leningr., 1968 (in Russ.).
4. Belous V. V., Schebetenko A. I. Chelovek kak integral'naya individual'nost' [Human as the integral individuality]. Pyatigorsk, 1996 (in Russ.).
5. Merlin V. S. Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti [Essay of the integral research of individuality]. Mosc., 1986 (in Russ.).
6. Rusalov V. M. Teoreticheskie problemy postroeniya spetsial'noi teorii individual'nosti cheloveka [Theoretical problems of constructing the special theory of human individuality]. *Psikhol. zhurnal*. 1986. Vol. 7, No. 4. P. 23–35 (in Russ.).
7. Rusalov V. M. Biologicheskie osnovy individual'no-psikhologicheskikh razlichii [Biological bases of individual-psychological differences]. Mosc., 1979 (in Russ.).
8. Asmolov A. G. Psikhologiya individual'nosti [Psychology of the individuality]. Mosc., 1986 (in Russ.).
9. Jung C. G. Struktura psikhiki i protsess individuatsii [Structure of the psyche and process of the individuation]. Mosc., 1996 (in Russ.).
10. Libin A. V. Differentsial'naya psikhologiya: na peresechenii evropeiskikh, rossiiskikh i amerikanskikh traditsii [Differential psychology: at the crossroads of European, Russian and American traditions]. Mosc., 1999 (in Russ.).

11. Bazylevich T. F. Tipologicheskoe poznanie – teorii i praktiki sovremennoi psikhologii [Typological cognition for theory and practice of modern psychology]. *Psikhol. individ.* : materialy IV Vseross. nauchn. konf. (Moscow, 22–24 Novemb., 2012). Mosc., 2012. P. 81–82 (in Russ.).
12. Volkova E. V. Metodologiya psikhologii individual'nosti: ot atomizma k «organizmu» [Methodology of the psychology of individuality: from atomism to «organism»]. *Psikhol. individ.* : materialy IV Vseross. nauchn. konf. (Moscow, 22–24 Novemb., 2012). Mosc., 2012 (in Russ.).
13. Egorova M. S. Psikhologiya individual'nykh razlichii [Psychology of individual differences]. Mosc., 1997 (in Russ.).
14. Rezvitsky I. I. Filosofskie osnovy teorii individual'nosti [Philosophical foundations of the theory of individuality]. Leningr., 1973 (in Russ.).
15. Rezvitsky I. I. Lichnost', individual'nost', obshchestvo: problema individualizatsii i ee sotsial'no-filosofskii smysl [Personality, individuality, society]. Mosc., 1984 (in Russ.).
16. Guliamov M. A. Ponyatie «chelovecheskaya individual'nost'» (sotsial'no-filosofskii analiz) [The concept of «human individuality»] (social-philosophical analysis) : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.01. Mosc., 1983 (in Russ.).
17. Guliamov M. A. Chelovecheskaya individual'nost' [Human individuality]. Dushanbe, 1991 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 04.05.2015.
Received by editorial board 04.05.2015.*

УДК 159.9.07

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ЭЛЕКТРОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Г. А. ФОФАНОВА¹⁾, А. В. ПОЗДНЯКОВА²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

²⁾ ОДО «Мостра-групп», ул. В. Хоружей, 29-101, 220123, г. Минск, Республика Беларусь

Определяется понятие вовлеченности в электронные социальные сети. Представлена методика выявления степени вовлеченности в них. Анализируются и описываются особенности эмоционального интеллекта студентов с различной степенью вовлеченности в электронные социальные сети. Впервые установлено, что пользователи с высокой степенью вовлеченности обладают более низким уровнем эмоционального интеллекта, чем те, у кого она выражена меньше. Обнаружено, что пользователи с более высокой степенью вовлеченности в меньшей степени способны контролировать свое эмоциональное состояние и экспрессию, а также оказывать влияние на эмоциональное состояние других людей, однако обладают более высоким уровнем понимания собственных эмоций и эмоций других людей.

Ключевые слова: вовлеченность; интернет-зависимость; мотивы аффилиации; электронные социальные сети; студенты; эмоции; эмоциональный интеллект.

Образец цитирования:

Фофанова Г. А., Позднякова А. В. Эмоциональный интеллект студентов с различной степенью вовлеченности в электронные социальные сети // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 120–126.

For citation:

Fofanova G. A., Pozdnyakova A. V. Emotional intelligence of students with different degrees of involvement in electronic social networks. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 120–126 (in Russ.).

Авторы:

Галина Александровна Фофанова – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Александра Владимировна Позднякова – специалист по обучению и развитию персонала.

Authors:

Galina Fofanova, senior lecturer at the department of philosophy, faculty of psychology and social sciences.

gfofanova@gmail.com

Alyaksandra Pozdnyakova, specialist on personnel training and development.

EMOTIONAL INTELLIGENCE OF STUDENTS WITH DIFFERENT DEGREES OF INVOLVEMENT IN ELECTRONIC SOCIAL NETWORKS

G. A. FOFANOVA^a, A. V. POZDNYAKOVA^b

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

^bMostra-group, Khoruzey street, 29-101, 220123, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: gfofanova@gmail.com

The article defines the concept of involvement in electronic social networks (ESN), the technique of identifying the degree of involvement in the ESN, analyzes and describes the features of emotional intelligence of students with varying degrees of involvement in the ESN. It was found that the users with a higher degree of involvement in the ESN have a lower level of emotional intelligence than the users with a less expressed degree of involvement in the ESN. It was also found that people with a higher degree of involvement in the ESN are less able to control their emotional state and expression and less able to influence the emotional state of other people. However, users with a higher degree of involvement in the ESN have a higher level of understanding of their own emotions and emotions of other people.

Key words: involvement; Internet addiction; motives of affiliation; electronic social networks; students; emotions; emotional intelligence.

В XXI в. широкое распространение получили электронные социальные сети (ЭСС). По всему миру в них зарегистрированы свыше 1,5 млрд человек, или более 82 % пользователей интернета. По данным исследований, ЭСС – самый популярный вид интернет-активности [1], предоставляющий широкий спектр возможностей и способный вытеснить внешние по отношению к ЭСС ресурсы. В ЭСС можно общаться, слушать музыку, смотреть фильмы, осуществлять поиск необходимой информации, узнавать новости и многое другое. Использование ЭСС в разных регионах мира имеет свою специфику, однако повсеместно приводит к распространению опосредованной коммуникации и вытесняет другие ее каналы. Зачастую люди предпочитают общение в ЭСС реальной встрече. Это связано с тем, что данный вид общения считается более экономичным (можно общаться с друзьями и знакомыми, находящимися на значительном расстоянии, поддерживать коммуникацию одновременно с несколькими людьми и т. д.), безопасным и предоставляет дополнительные возможности. В частности, в ЭСС можно формировать определенный (желаемый) собственный образ и даже указывать в своем профиле информацию, не соответствующую действительности.

Коммуникация в большинстве наиболее популярных ЭСС происходит посредством обмена письменными сообщениями, т. е. в ней отсутствует невербальная информация. Для передачи эмоционального состояния существуют схематичные иконки – смайлики, сочетания вопросительных и восклицательных знаков, точек, пробелов (включая их многократное повторение), заглавных букв в шрифте сообщения. Однако это не может заменить всего многообразия внешнего выражения чувств и эмоций. Кроме того, нельзя определить степень их соответствия действительности. Использование ЭСС для коммуникации приводит к тому, что понимание и проявление эмоционального компонента реального общения, а также адекватное реагирование на него затруднены.

Любой пользователь, зарегистрированный в электронной сети и даже просто просматривающий ее контент, обладает определенной степенью вовлеченности, нарастание которой может привести к зависимости от ЭСС, а также к определенным проблемам с поддержанием полноценного реального общения, в частности с пониманием эмоций других людей и адекватным реагированием на них. Способность понимать, контролировать и проявлять эмоции относится к функциям эмоционального интеллекта. Соответственно, его уровень выступает в качестве одного из факторов, определяющих степень успешности субъекта в общении с другими людьми.

В настоящее время комплексные исследования особенностей эмоционального интеллекта пользователей ЭСС отсутствуют. Однако специалисты обращают внимание на то, что излишнее присутствие ЭСС в жизни многих людей негативно сказывается на их способности и стремлении поддерживать офлайн-коммуникацию [2–4]. Следовательно, необходимо изучить, как связаны степень вовлеченности в ЭСС и эмоциональный интеллект.

Методологической основой данного исследования являются следующие теории, концепции и подходы:

1) концепция эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (использован подход к рассмотрению эмоционального интеллекта как способности понимать свои и чужие эмоции и управлять ими, а также положение о структуре эмоционального интеллекта, основанной на четырех измерениях: понимании эмоций, управлении ими, внутриличностном эмоциональном интеллекте и межличностном эмоциональном интеллекте);

2) подход к изучению вовлеченности в академическую работу Ф. Ньюмана (определение вовлеченности в качестве психологического инвестирования и усилий, вкладываемых в объект);

3) подход к изучению вовлеченности в работу Э. Р. Лоренс и К. М. Какмара (положение о вовлеченности как степени отождествления с объектом);

4) подход к вовлеченности как потребительской лояльности к бренду Ф. Н. Винокурова (положение о вовлеченности как установке, содержащей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты). На основе данных теоретических подходов было разработано определение вовлеченности в ЭСС;

5) теория межличностных отношений В. Шутца (положение о выраженных и ожидаемых от других типах поведения человека при удовлетворении межличностных потребностей: включения, контроля и аффекта) и подход к изучению мотивов аффилиации А. Мехрабиана (положение о присутствии в межличностном взаимодействии мотивов стремления к принятию окружающими людьми и страха быть отвергнутым ими).

Исследование проводилось с использованием следующих методик:

- опросника эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д. В. Люсина;
- диагностики мотивов аффилиации А. Мехрабиана;
- опросника межличностных отношений А. Рукавишников, являющегося русскоязычной адаптацией опросника межличностных отношений FIRO (Fundamental Interpersonal Relations Orientation) В. Шутца;
- опросника, помогающего выявить интернет-зависимость, разработанного К. Янг;
- авторской анкеты, направленной на выявление степени вовлеченности в ЭСС респондента.

В исследовании приняли участие 183 респондента, в том числе 98 (53,55 %) девушек и 85 (46,45 %) юношей, являющихся студентами высших учебных заведений Республики Беларусь.

В настоящей работе мы опирались на представления об эмоциональном интеллекте как умственных способностях идентифицировать и понимать собственные эмоции и эмоции других людей, контролировать свои эмоции и влиять на эмоции других, а также сознательно управлять своими эмоциями.

При этом эмоциональный интеллект выполняет следующие функции:

- коммуникативную;
- восприятия эмоций;
- понимания и оценки эмоций;
- управления эмоциями;
- выражения эмоций;
- влияния на мнения, эмоции и поведение других людей;
- повышения эффективности мышления;
- самовосприятия;
- самопрезентации;
- самоконтроля;
- управления стрессовыми ситуациями;
- предвосхищения эмоционального состояния;
- регуляции настроения.

Под вовлеченностью в ЭСС мы понимаем активность пользователя, которая описывается задействованием определенных возможностей, предлагаемых социальной сетью, частотой посещения и характером нахождения в ней.

В нашем исследовании зависимость от ЭСС рассматривается как проявление наивысшей степени вовлеченности, поскольку при наличии такой зависимости человек демонстрирует все компоненты, входящие в структуру сети: когнитивный, эмоциональный, поведенческий, а также максимальную степень идентификации с сетью.

Специфика и уровень развития эмоционального интеллекта индивида оказывают влияние на различие стратегий в построении межличностных отношений в ЭСС по форме выражения собственных эмоций, способности понимать эмоции собеседников, мотивации в общении, количеству друзей, с которыми поддерживается общение, и степени их близости. С низким уровнем развития эмоционального интеллекта может быть связано использование ЭСС в качестве способа бегства от тревоги и стресса, ведь способность управлять стрессовыми ситуациями обусловлена высоким уровнем развития эмоционального интеллекта.

Для оценки степени вовлеченности в ЭСС применялась разработанная нами анкета. Для того чтобы иметь возможность обосновать объединение в группы пользователей, проявляющих разную степень вовлеченности в ЭСС, полученные в ходе исследования данные обрабатывались посредством иерархического кластерного анализа.

Иерархический кластерный анализ проводился по результатам решения респондентами определенных задач и ответов на следующие вопросы:

- 1) «Как часто Вы обновляете информацию, представленную в своем профиле?»;

2) «Как часто посещаете электронные социальные сети, находясь за компьютером?»;
3) «Выберите утверждение, которое наиболее полно описывает Ваше пребывание в электронной социальной сети» (вопрос касался характера взаимодействия с ЭСС во время нахождения за включенным компьютером);

4) «Оцените, пожалуйста, Вашу активность в электронной социальной сети по критериям, представленным в таблице» (респондент давал оценку частоты использования той или иной возможности ЭСС).

Кластерный анализ проводился с помощью программы SPSS Statistics v.20. По его результатам наблюдения были разделены на четыре группы. Изучив показатели во всех полученных группах, мы выделили среди них группы пользователей с низкой, умеренной, выраженной и высокой вовлеченностью в ЭСС (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики групп с разной степенью вовлеченности в ЭСС

Table 1

Characteristics of groups with different degrees of involvement in the ESN

Показатели	Степень вовлеченности			
	Низкая	Умеренная	Выраженная	Высокая
Частота обновления информации в профиле	Никогда или реже одного раза в месяц	Часть пользователей – никогда или реже одного раза в месяц, часть – несколько раз в месяц	Несколько раз в месяц	Один раз в неделю
Частота посещения ЭСС	Не чаще одного раза в неделю	Треть пользователей – один или несколько раз в день, остальные – реже	Один или несколько раз в день	Несколько раз в день
Среднее время нахождения в ЭСС с домашнего компьютера	0,87 часа	3,45 часа (один раз в неделю и реже); 2,31 часа (для заходящих один и более раз в день)	4,36 часа	5,49 часа
Стратегия взаимодействия с ЭСС при нахождении онлайн	Постоянно используют ЭСС	Периодически переключаются на другую активность	Примерно половине времени проводят непосредственно в ЭСС	Большую часть времени окно ЭСС свернуто, заходят посмотреть новости и почитать сообщения
Просмотр контента	Новости	Новости, группы, страницы других пользователей	Новости, группы, страницы других пользователей	Новости, группы, страницы других пользователей
Оценка контента	Фотографии, выкладываемые другими пользователями и в группах	Контент разного рода на страницах других пользователей и в группах	Контент разного рода в новостях, группах и на страницах других пользователей	Контент разного рода в новостях, группах и на страницах других пользователей
Перепост контента	Контент из новостей	Контент из новостей; текстовые записи, изображения, музыка из групп	Разный контент из новостей, групп, со страниц других пользователей	Разный контент из новостей, групп, со страниц других пользователей
Публикация оригинального контента	Фотографии	Фотографии, текстовые записи	Фотографии, текстовые записи; некоторые администрируют группы	Фотографии, текстовые записи, изображения, видео, музыка; часть администрируют группы

В группу «низкая вовлеченность» попали 36 респондентов (19,67 %), в группу «умеренная вовлеченность» – 48 (26,23 %), в группу «выраженная вовлеченность» – 57 (31,15 %), в группу «высокая вовлеченность» – 42 (22,95 %).

В результате статистического анализа данных были выявлены закономерности, представленные в табл. 2.

Группы по уровню выраженности различных показателей эмоционального интеллекта, потребности в межличностном общении, по мотиву аффилиации

Groups by level of expression of various indicators of emotional intelligence, needs in interpersonal communication, affiliation's motives

Показатели	Группы по степени вовлеченности в ЭСС			
	Низкая вовлеченность	Умеренная вовлеченность	Выраженная вовлеченность	Высокая вовлеченность
Понимание эмоций ($p \leq 0,05$)	Низкое значение (среднее – 32 балла)		Среднее значение (среднее – 42 балла)	
Управление эмоциями ($p \leq 0,05$)	Высокое значение (среднее – 49 баллов)	Среднее значение (среднее – 44 балла)	Низкое значение (среднее – 37 баллов)	
Контроль экспрессии ($p \leq 0,05$)	Среднее значение (среднее – 12 баллов)		Низкое значение (среднее – 9 баллов)	
Общий эмоциональный интеллект ($p \leq 0,001$)	Среднее значение (среднее – 89 баллов)	Среднее значение (среднее – 79 баллов)	Низкое значение (среднее – 73 балла)	
Потребность «включение» (выраженное и ожидаемое поведение) ($p \leq 0,05$)	Высокое значение (среднее – 6 баллов)		Низкое значение (3 балла)	
Мотив аффилиации «стремление к принятию другими людьми» ($p \leq 0,05$)	Высокое значение			Низкое значение

Таким образом, установлено, что отсутствуют значимые различия в оценке собственного понимания своих и чужих эмоций, а также собственной способности управлять своими и чужими эмоциями. Обнаружено, что чем выше общий эмоциональный интеллект, тем выше потребность респондента в принадлежности к различным социальным группам и пребывании среди людей, а также в том, чтобы другие люди стремились быть в обществе данного человека и приглашали его принимать участие в своей деятельности; ниже потребность контролировать других людей и влиять на принимаемые ими решения; больше необходимость быть в близких, интимных отношениях с людьми и проявлять к ним дружеские чувства, а также в том, чтобы другие стремились быть с человеком в близких отношениях и делились с ним своими чувствами; больше выражен у респондента такой мотив аффилиации, как стремление к принятию группой (и наоборот, чем ниже общий эмоциональный интеллект, тем больше выражен мотив боязни быть отвергнутым).

Чем выше степень вовлеченности в ЭСС, тем выше пользователь оценивает собственную способность понимать свои и чужие эмоции; менее развита у него способность управлять своими эмоциями и контролировать их внешнее проявление; более низкий уровень общего эмоционального интеллекта; менее выражена потребность в принадлежности к различным социальным группам и нахождению среди людей, а также в том, чтобы другие люди стремились быть в обществе данного человека и приглашали его принимать участие в своей деятельности; в меньшей степени пользователь нуждается в принятии группой.

На основе результатов анализа полученных данных можно составить психологические портреты пользователей с различной степенью вовлеченности в ЭСС.

Низкая вовлеченность. В данную группу входят люди, обладающие высоким уровнем эмоционального интеллекта (по отношению к другим группам). Основная цель использования ЭСС – коммуникация с другими пользователями. Это согласуется с тем представлением, что людям с высоким эмоциональным интеллектом нравится поддерживать коммуникацию и общаться с другими людьми. Между тем ЭСС выступают в качестве еще одного канала общения. При этом пользователи демонстрируют более низкую способность к пониманию своих и чужих эмоций. Следует обратить внимание на то, что эти данные основаны на самооценке респондентов. Можно предположить, что они склонны недооценивать собственную способность к пониманию своих и чужих эмоций, поскольку учитывают множество факторов благодаря высокому уровню эмоционального интеллекта. Представители этой группы обладают ярко выраженным мотивом аффилиации «стремление к принятию другими людьми», а значит, испытывают потребность в общении с людьми и в том, чтобы быть включенными в определенные социальные

группы. Скорее всего, это приносит им удовольствие, так как благодаря высокому эмоциональному интеллекту они способны формировать взаимоотношения, устраивающие обе стороны взаимодействия.

Умеренная вовлеченность. Представители этой группы обладают средним значением эмоционального интеллекта относительно статистической нормы. Они также преимущественно используют ЭСС для коммуникации. У них менее развита способность к управлению собственными эмоциями, чем у представителей первой группы. Вероятно, отсутствие необходимости управлять эмоциями в ЭСС и привлекает их при выборе подобного канала коммуникации. Также, возможно, именно потому, что по сравнению с первой группой их способность управлять собственными эмоциями ниже, они и проводят в ЭСС больше времени. Пользователи этой группы начинают просматривать контент в новостной ленте и задерживаются там на некоторое время, поскольку не способны сразу отрегулировать свое эмоциональное состояние и перейти к той деятельности, которая была запланирована изначально. Так же как и представители группы с низкой вовлеченностью, они испытывают сильную потребность в общении с людьми и принадлежности к социальным группам. Кроме того, эта группа не ощущает психологических барьеров при вступлении в коммуникацию.

Выраженная вовлеченность. Входящие в данную группу пользователи имеют низкое значение эмоционального интеллекта относительно нормы. Их степень вовлеченности в ЭСС может объясняться тем, что они испытывают трудности в регуляции своей эмоциональной вовлеченности в ЭСС. Использование большинства возможностей, предлагаемых ЭСС, в определенном смысле упрощает поиск ресурсов для удовлетворения ряда потребностей, поэтому такие пользователи вовлекаются в ЭСС и надолго «застревают» в них. Потребность в общении с другими людьми и принадлежности к различным социальным группам у них развита слабо. Это может быть связано с тем, что представители данной группы вытесняют ее из-за испытываемых сложностей при коммуникации ввиду низкого эмоционального интеллекта. В целом они оценивают свою способность к пониманию своих и чужих эмоций выше, чем пользователи с более высоким эмоциональным интеллектом. Однако причиной этого может быть то, что такие люди менее критично оценивают свои суждения по поводу эмоционального состояния других и проецируют на них свои реакции. Способность управлять собственными эмоциями и экспрессией у членов этой группы ниже, чем у пользователей предыдущих групп. Это хорошо объясняется их степенью вовлеченности в ЭСС: находясь за компьютером, они не испытывают потребности в контроле собственного эмоционального состояния и экспрессии. У них слабо развит мотив аффилиации «стремление к принятию другими людьми». Это говорит о том, что либо они не нуждаются в коммуникации, либо ощущают страх перед коммуникацией и отвержением другими людьми.

Высокая вовлеченность. Представители данной группы обладают низким относительно нормы эмоциональным интеллектом. В целом их описание согласуется с описанием представителей предыдущей группы. Однако они заходят в ЭСС на еще большее время и используют более широкий перечень возможностей: играют в игры в приложениях, публикуют оригинальный контент всех типов и т. д. Особое внимание следует уделить их самопрезентации в ЭСС. Они чаще представителей других групп изменяют информацию о себе, аватар, публикуют фотографии, могут использовать не соответствующую действительности информацию для самопрезентации, т. е. пытаются создать собственный желаемый образ, чтобы вызвать определенную реакцию у других людей и быть приятным собеседником, членом конкретной социальной группы. Это говорит о том, что, несмотря на низкое значение потребности в принадлежности (это, скорее всего, связано с вытеснением), они направлены на определенную, контролируемую ими коммуникацию. Вероятно, пользователи этой группы испытывают страх быть отвергнутыми, поэтому изменяют информацию о себе и предпочитают ЭСС реальному взаимодействию.

Полученные в ходе настоящего исследования результаты позволяют сформировать более полное представление об эмоциональном интеллекте пользователей с различной степенью вовлеченности в ЭСС, соотнести степень вовлеченности в сети с особенностями эмоционального интеллекта.

В настоящее время ЭСС широко распространены в качестве ресурса для подбора персонала. Собранные данные могут быть учтены при анализе активности и профилей пользователей в ЭСС при подборе персонала – например, на должности, которые подразумевают определенный уровень эмоционального интеллекта у кандидата.

Полученные результаты свидетельствуют о важности будущих исследований в данной области. Необходимо установить, оказывает ли воздействие степень вовлеченности в ЭСС на формирование специфики эмоционального интеллекта, или специфика эмоционального интеллекта изначально определяет степень вовлеченности в ЭСС. В дальнейшем требуется изучить эмоциональный интеллект у других категорий пользователей, вовлеченных в ЭСС. В частности, у женщин от 35 до 54 лет, которые являются второй по активности группой пользователей электронных сетей после молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Москвина В. Пользователи социальных сетей // Телескоп : журн. соц. и маркетинг. исслед. 2010. № 2. С. 35–38.
2. Артишевская Т. М. Психологический портрет пользователя социальными сетями // Знак: пробл. поле медиаобразования. 2012. № 1 (9). С. 6–9.
3. Королева Н. Н. Влияние коммуникации в сети интернет на личностные особенности пользователей // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 9. С. 168–179.
4. Шахмартова О. М., Болтага Е. Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Изв. ПГПУ. 2011. № 24. С. 1002–1008.

REFERENCES

1. Moskvina V. Users of social networks. *Teleskop* : zhurnal sots. i marketingovyih issled. 2010. No. 2. P. 35–38 (in Russ.).
2. Artishevskaya T. M. Psychological portrait of the user of social networks. *Znak : probl. pole mediaobraz.* 2012. No. 1 (9). P. 6–9 (in Russ.).
3. Koroleva N. N. Influence of communication on the Internet on the personal characteristics of users. *Izv. Herzen Univ.* 2004. No. 9. P. 168–179 (in Russ.).
4. Shahmartova O. M., Boltaga E. Y. Psychological aspects of communication in the social networks of «virtual reality». *Izv. PGPU.* 2011. No. 24. P. 1002–1008 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 10.11.2014.
Received by editorial board 10.11.2014.*

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С АГРЕССИВНЫМ И САМОУНИЧИЖИТЕЛЬНЫМ СТИЛЯМИ ЮМОРА

С. И. ХОНСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируются результаты проведенного эмпирического исследования половых различий в эмоциональном интеллекте индивидов с агрессивным и самоуничижительным стилями юмора. Эмоциональный интеллект оценивается как пул личностных характеристик и набор способностей. Выявлены ведущие компоненты, а также структуры эмоционального интеллекта юношей и девушек со стилями юмора, составляющими категорию дезадаптивных стилей. Описана взаимосвязь параметров эмоционального интеллекта юношей и девушек и агрессивного стиля юмора. Установлена корреляция между отдельными компонентами эмоционального интеллекта юношей и девушек и самоуничижительным стилем юмора. Сделаны выводы о причинах обнаруженных различий.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; содержательные характеристики эмоционального интеллекта; структурные характеристики эмоционального интеллекта; стили юмора; агрессивный стиль юмора; самоуничижительный стиль юмора.

CONTENT AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF MALE AND FEMALE ADOLESCENTS WITH AGGRESSIVE AND SELF-DEFEATING HUMOR STYLES

S. I. KHONSKI^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The paper presents results of empirical research of sex differences in emotional intelligence among individuals with aggressive and self-defeating humor styles. The author combines trait and ability measures of emotional intelligence. The essential components and structures of emotional intelligence of male and female adolescents' maladaptive humor styles are established. The correlation between some components of emotional intelligence and aggressive humor style of adolescents are described. The correlation between some components of emotional intelligence and self-defeating humor style of adolescents are established. The author gives different arguments explaining causes of results.

Key words: emotional intelligence; content characteristics of emotional intelligence; structural characteristics of emotional intelligence; humor styles; aggressive humor style; self-defeating humor style.

Образец цитирования:

Хонский С. И. Содержательные и структурные характеристики эмоционального интеллекта юношей и девушек с агрессивным и самоуничижительным стилями юмора // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 127–134.

For citation:

Khonski S. I. Content and structural characteristics of emotional intelligence of male and female adolescents with aggressive and self-defeating humor styles. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 127–134 (in Russ.).

Автор:

Сергей Игоревич Хонский – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Sergey Khonski, senior lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
s.khonskiy@gmail.com

Проблема эмоционального интеллекта (ЭИ) в настоящее время затрагивает многие аспекты человеческого существования. По мнению американского психолога Дж. Б. Кэрролла, интерес исследователей к этому вопросу обусловлен тем, что данный конструкт хорошо согласуется с представлениями житейской психологии и расширяет сложившиеся научные концепции о разнообразии человеческих способностей, тем самым обогащая психологию [1; p. 171–191].

В новом тысячелетии ЭИ изучался в связи с проблемами психологической адаптации (Е. Л. Носенко, Н. В. Коврига), совладания со стрессом (М. Зайнер, Дж. Мэттьюз, Д. Робертс), профессиональной успешности (Р. Купер, А. Саваф, Е. О'Бойл), физического (Р. Бар-Он) и психического (В. А. Шемет, В. А. Карпюк) здоровья, помогающего поведения (Ю. В. Ковалёва), академической успеваемости (С. Файн, Д. Шульц, А. Акерман, Б. Юнгстром, О. И. Власова), удовлетворенности романтическими отношениями (Дж. М. Малуфф, Н. С. Шутт, Э. Торстейнссон) и др.

Таким образом, необходимость исследования ЭИ диктуется запросами практики, которые заключаются в определении факторов, влияющих на эффективность деятельности и социально-психологической адаптации, а также субъективное благополучие личности. По мнению И. Н. Андреевой, повышение эмоциональности современных жизненных условий, рост числа людей, не склонных к безусловному самопринятию и принятию окружающих, разрушение чувства единения с другими возводят проблему развития эмоциональной культуры личности в ранг одной из наиболее актуальных тем современной психологии [2].

Среди компонентов эмоциональной культуры личности выделяется юмор. Если рассматривать юмор как аспект социальной компетентности, он может быть связан со способностями, входящими в конструкт ЭИ. Например, использование юмора в качестве способа преодоления стресса и поддержания оптимистического настроения перед лицом неприятностей отражает его функцию регулирования эмоций [3; 4]. В то же время юмор нередко выполняет функции манифестации эмоций, сокрытия истинных переживаний, манипулирования другими и т. д.

На наш взгляд, одним из предикторов ведущего способа использования юмора личностью может являться выраженность отдельных компонентов ЭИ. По мнению многих исследователей, юмор играет важную роль в межличностных отношениях в качестве способа повышения позитивного взаимодействия, содействия самораскрытию, снижения напряженности и ингибиции конфликта и т. д. [3; 5]. В свою очередь, применение тех или иных форм юмора также может отражаться на отдельных аспектах ЭИ. В этом случае логично предположить, что структурные и содержательные особенности ЭИ у субъектов с различными стилями юмора будут иметь отличия.

Чтобы выявить специфику ЭИ юношей и девушек с агрессивным и самоуничижительным стилями юмора, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 197 респондентов из числа студентов различных факультетов БГУ, а также учеников 10–11-х классов СОШ г. Минска. Среди них 110 девушек в возрасте 16–20 лет и 87 юношей в возрасте 17–21 года. Для сбора эмпирических данных использовались следующие инструменты:

- 1) тест эмоционального интеллекта Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо MSCEIT v. 2.0 (русскоязычная адаптация Е. А. Сергиенко и И. И. Ветровой) [6];
- 2) опросник эмоционального интеллекта К. Барчард (русскоязычная адаптация Г. Г. Князева и др.) [7];
- 3) опросник стилей юмора (HSQ), разработанный Р. Мартином совместно с коллегами (русскоязычная адаптация Е. М. Ивановой и др.) [8].

Данные были статистически обработаны с помощью программы SPSS Statistics v. 17.

Агрессивный стиль юмора

В результате сравнительного анализа выраженности отдельных компонентов ЭИ, представленных в модели Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо, у юношей и девушек с агрессивным стилем юмора были найдены статистически значимые различия ($p = 0,01$) по параметру «управление эмоциями».

Юноши показали более высокую способность к управлению эмоциями, нежели девушки (рис. 1).

По мнению Дж. Б. Незлека, юноши идут на высмеивание другого осознанно и готовятся к этому заранее. Агрессивный юмор для них редко является аффективным. Очевидно, с этим можно соотнести более развитую способность юношей с подобным стилем юмора управлять эмоциями. В то же время девушки в ситуациях социального взаимодействия, не находя быстрого и эффективного способа достигнуть желаемого результата, моментально выбирают агрессивный юмор, поддаваясь текущему эмоциональному состоянию [9].

Интегральный показатель ЭИ оказался значимо выше у юношей ($p = 0,05$) – вероятно, за счет высокого вклада компонента, связанного с управлением эмоциями.

Девушки с агрессивным стилем юмора значимо превосходят юношей по параметрам негативной экспрессивности ($p = 0,01$), внимания к эмоциям ($p = 0,01$) и эмпатии ($p = 0,01$) (рис. 2).

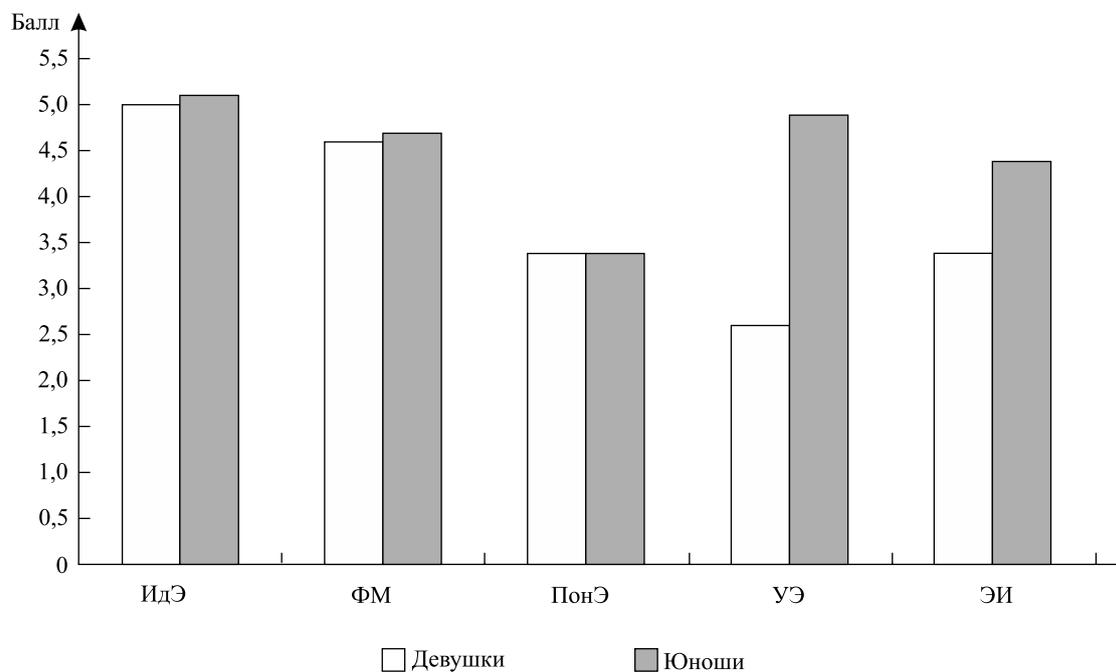

Рис. 1. Половые различия ЭИ юношей и девушек с агрессивным стилем юмора по шкалам теста MSCEIT:
ИдЭ – идентификация эмоций; ФМ – фасилитация мышления; ПонЭ – понимание эмоций;
УЭ – управление эмоциями; ЭИ – эмоциональный интеллект
Fig. 1. Sex differences in the MSCEIT scales in adolescents with aggressive humor style

Несмотря на использование таких форм юмора, как насмешки, сарказм и поддразнивания, девушки продолжают демонстрировать более высокий уровень эмпатии, благодаря чему, по предположению Дж. Йипа, их юмор редко доходит до крайне деструктивных форм [10]. Юноши, обладающие агрессивным стилем юмора, показали более высокие результаты по компонентам позитивной экспрессивности ($p = 0,01$) принятия решений на основе эмоций ($p = 0,01$) и сопереживания несчастью ($p = 0,01$).

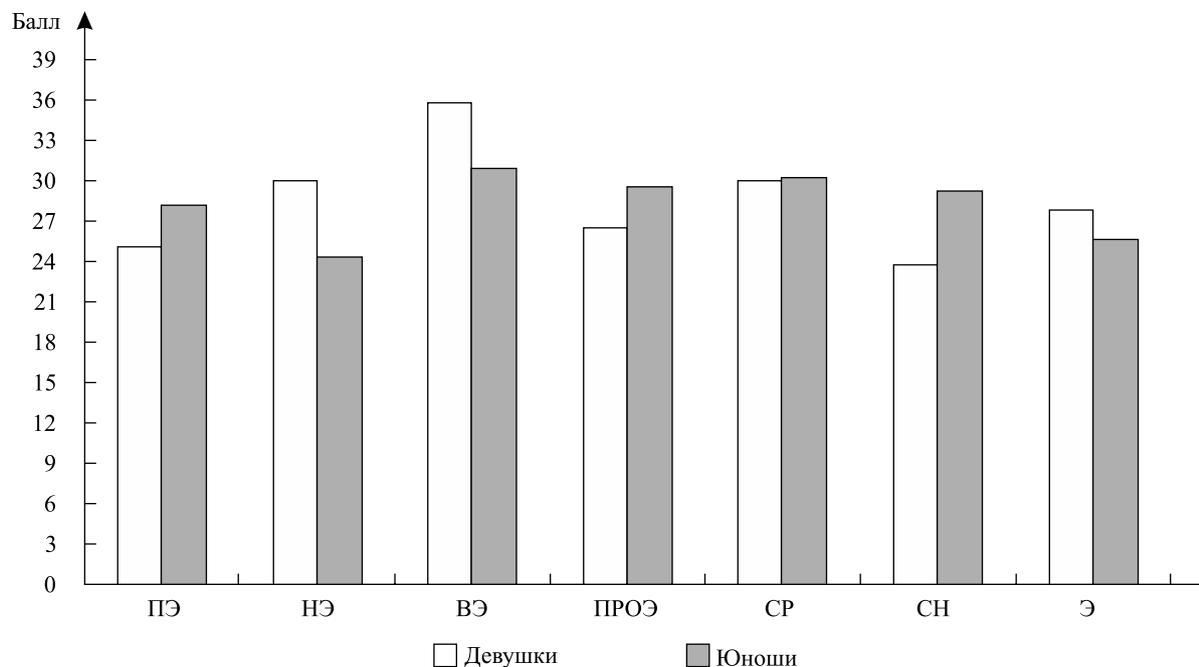

Рис. 2. Половые различия ЭИ юношей и девушек с агрессивным стилем юмора по шкалам опросника К. Барчард:
ПЭ – позитивная экспрессивность; НЭ – негативная экспрессивность; ВЭ – внимание к эмоциям;
ПРОЭ – принятие решений на основе эмоций; СР – сопереживание радости; СН – сопереживание несчастью; Э – эмпатия
Fig. 2. Sex differences in the Barchard's EI-IPIP scales in adolescents with aggressive humor style

Проведенный корреляционный анализ позволил обнаружить ряд взаимосвязей параметров ЭИ. Так, в структуре ЭИ девушек с агрессивным стилем юмора способность идентифицировать эмоции положительно связана с негативной экспрессивностью ($r = 0,49; p = 0,01$). Кроме того, показатели негативной экспрессивности положительно коррелируют со всеми остальными компонентами модели ЭИ, предложенной Дж. Мэйером и его коллегами: с фасилитацией мышления посредством эмоций ($r = 0,57; p = 0,003$), пониманием эмоций ($r = 0,56; p = 0,004$) и способностью управлять эмоциональным состоянием ($r = 0,51; p = 0,01$) (рис. 3).

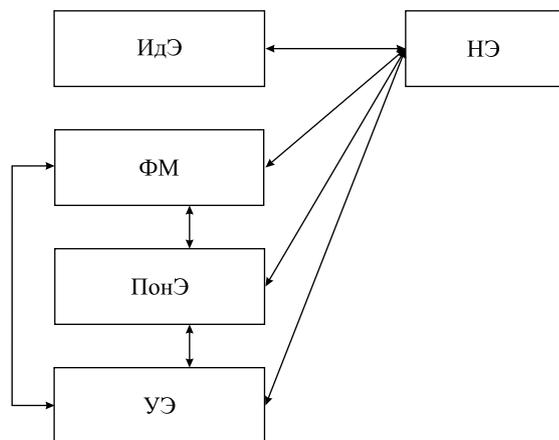

Рис. 3. Взаимосвязь параметров ЭИ у девушек с агрессивным стилем юмора:

НЭ – негативная экспрессивность; ИдЭ – идентификация эмоций; ФМ – фасилитация эмоций; ПонЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями

Fig. 3. Correlation between some components of emotional intelligence and aggressive humor style of adolescent girls

Таким образом, можно предположить, что агрессивный стиль юмора, демонстрируемый девушками, в большей по сравнению с остальными стилями степени взаимосвязан с ЭИ как интегральным целым.

В отношении ЭИ девушек с агрессивным стилем юмора можно отметить существенные положительные взаимосвязи между тремя следующими компонентами: фасилитацией мышления, пониманием эмоций и управлением эмоциями. Способность использовать эмоции для улучшения мыслительных процессов значимо положительно коррелирует с пониманием эмоций ($r = 0,52; p = 0,01$) и управлением ими ($r = 0,59; p = 0,002$). При этом способность регулировать эмоции значимо положительно коррелирует с их пониманием ($r = 0,45; p = 0,02$).

В исследовании Е. А. Ерзина было выявлено, что для юношей характерен более высокий уровень проактивной агрессии, в то время как девушкам присуща реактивная агрессия [11]. Проактивная агрессия выступает прежде всего как средство достижения целей и представляет собой продуманную поведенческую модель, контролируруемую сознанием с сохраненной способностью человека руководить своими действиями и при потенциальных негативных последствиях отказываться от использования подобного инструмента. Реактивная агрессия импульсивнее и нередко свойственна эмоциональным личностям, как правило девушкам.

Таким образом, агрессивный стиль юмора может базироваться на реактивной агрессии девушек и являться ее отражением, а также содействовать передаче и пониманию большего континуума эмоций, фасилитации мышления.

В то же время частое использование сарказма, насмешек, подтруниваний со стороны девушек 16–20 лет может быть сопряжено с высоким уровнем ЭИ в том случае, если данные формы агрессивного юмора применяются с целью манипулирования другими [12]. Тогда базисом подобного стиля юмора у девушек может выступать и проактивная агрессия.

В структуре ЭИ юношей с агрессивным стилем юмора были выявлены лишь две значимые взаимосвязи: негативная экспрессивность у них, в отличие от девушек, отрицательно коррелирует с идентификацией эмоций ($r = -0,55; p = 0,01$) (рис. 4).

Вероятность использования таких видов юмора, как сарказм, насмешка и поддразнивание (формы негативной экспрессивности), снижается, если юноша эффективно считывает переживания других субъектов, в том числе реакции на агрессивный юмор, и выбирает иные стратегии юмора в отношении наиболее восприимчивых к нему индивидов. При этом он может выбрать и более тонкие виды юмора, например недоступные для понимания высмеиваемому объекту. Однако следует учитывать, что такой способностью обладают, как отмечает Дж. Б. Незлек, юноши с агрессивным стилем юмора лишь при наличии высокого уровня общего интеллекта [9].

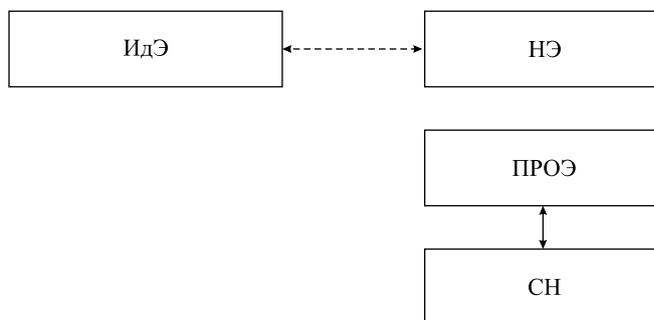

Рис. 4. Взаимосвязь параметров ЭИ у юношей с агрессивным стилем юмора:

ИдЭ – идентификация эмоций; НЭ – негативная экспрессивность; ПРОЭ – принятие решений на основе эмоций; СН – сопереживание несчастью

Fig. 4. Correlation between some components of emotional intelligence and aggressive humor style of adolescent boys

Если рассмотреть ситуативный аспект использования агрессивного юмора, то можно предположить, что иногда «высмеивателям», «черным юмористам» трудно прекратить свою активность вследствие сниженной на время способности улавливать изменения в экспрессии участников взаимодействия.

Еще одна значимая, на этот раз положительная, взаимосвязь в структуре ЭИ юношей с агрессивным стилем юмора была обнаружена между сопереживанием несчастью и принятием решений на основе эмоций ($r = 0,49$; $p = 0,02$). При этом можно сделать вывод: чем более высоким уровнем сопереживания несчастью будет обладать юноша, тем выше вероятность того, что решение о продолжении/прекращении активности, связанной с юмором, будет принято на основе эмоций.

Самоуничижительный стиль юмора

В результате сравнительного анализа выраженности отдельных компонентов ЭИ, представленных в модели Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо, у юношей и девушек с самоуничижительным стилем юмора нами были обнаружены статистически значимые различия ($p = 0,01$) по параметру «управление эмоциями».

Девушки показали более высокую способность к управлению эмоциями, нежели юноши (рис. 5).

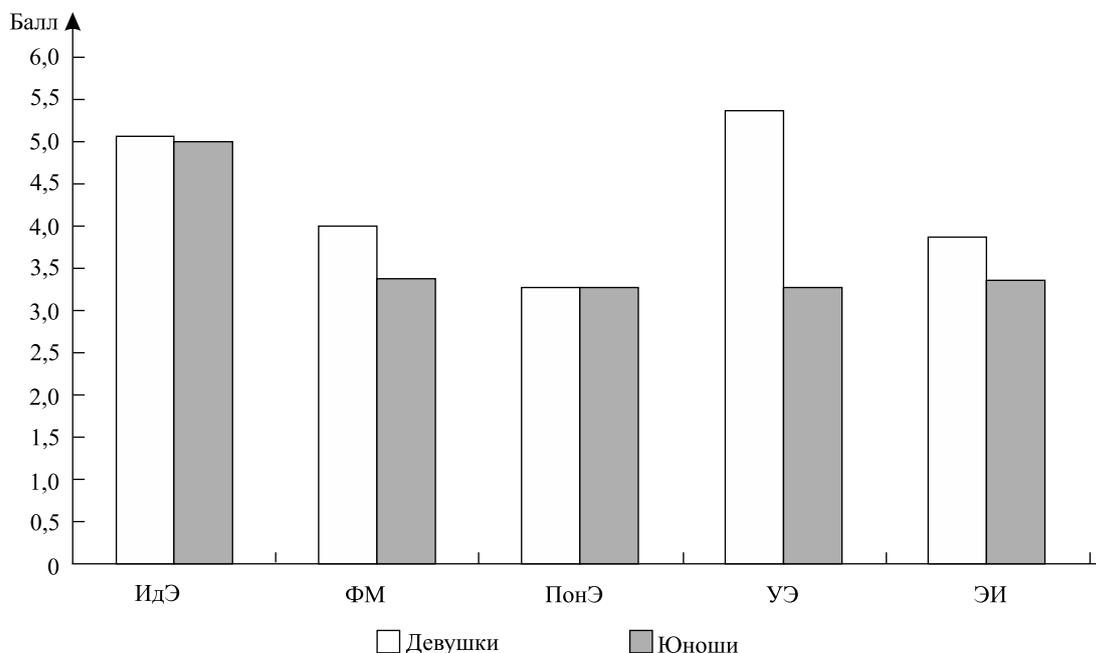

Рис. 5. Половые различия ЭИ юношей и девушек с самоуничижительным стилем юмора по шкалам теста MSCEIT:

ИдЭ – идентификация эмоций; ФМ – фасилитация мышления; ПонЭ – понимание эмоций;

УЭ – управление эмоциями; ЭИ – эмоциональный интеллект

Fig. 5. Sex differences in the MSCEIT scales in adolescents with self-defeating humor style

Как подтвердило исследование Дж. Йипа, девушки с самоуничижительным стилем юмора обладают более развитой способностью контролировать свою активность. После двух-трех «самоосмеяний» вероятность того, что девушка прекратит использовать юмор, направленный против себя, выше, нежели у юношей [10]. Юношам в подобных ситуациях иногда сложно остановиться.

В отношении интегрального показателя ЭИ достоверных различий у юношей и девушек с самоуничижительным стилем юмора выявлено не было.

Девушки с данным стилем юмора значимо превосходят юношей по параметру «негативная экспрессивность» ($p = 0,05$) (рис. 6). Обладающие самоуничижительным стилем юмора девушки являются менее благосклонными и дружелюбными в отношении не только себя самих, но и других; они чаще демонстрируют обвинительное поведение [13; 14].

Юноши, обладающие самоуничижительным стилем юмора, показали более высокие результаты по компоненту позитивной экспрессивности ($p = 0,01$). Им также более свойственно, нежели девушкам, сопереживать радости ($p = 0,01$) и несчастью ($p = 0,01$), а также принимать решения на основе эмоций ($p = 0,05$).

Проведенный нами корреляционный анализ позволил найти ряд взаимосвязей параметров ЭИ. Так, в структуре ЭИ девушек с самоуничижительным стилем юмора способность понимать эмоции имеет положительную взаимосвязь со способностью фасилитировать мышление посредством эмоций ($r = 0,49$; $p = 0,02$).

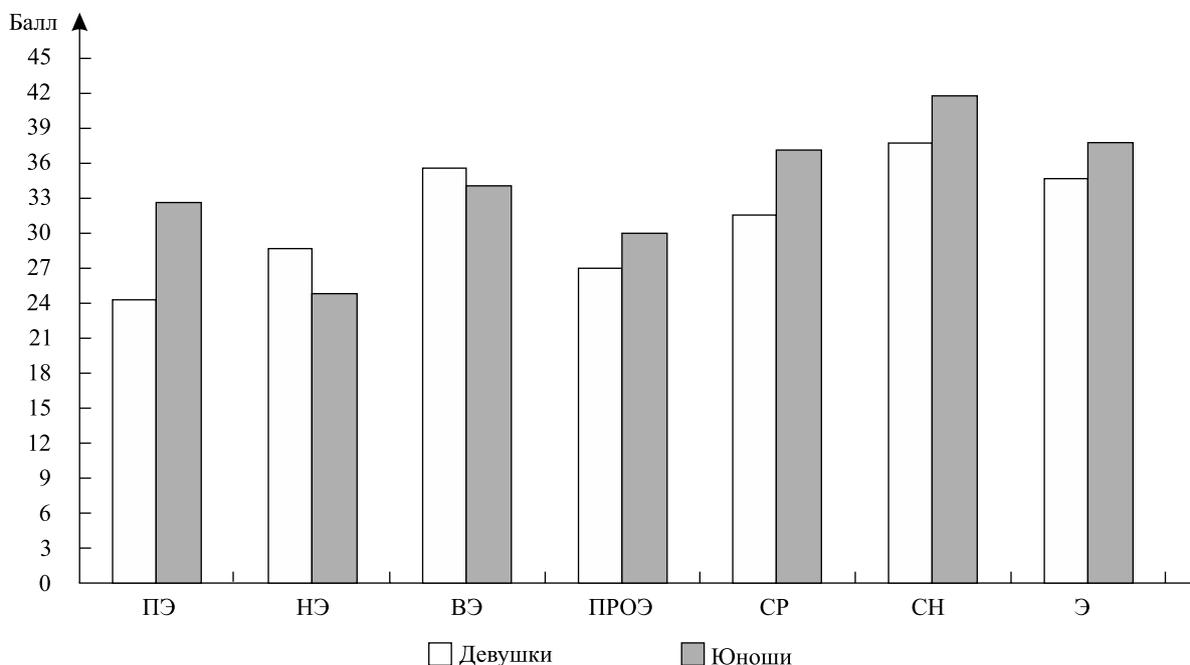

Рис. 6. Половые различия ЭИ юношей и девушек с самоуничижительным стилем юмора по шкалам опросника К. Барчард: ПЭ – позитивная экспрессивность; НЭ – негативная экспрессивность; ВЭ – внимание к эмоциям; ПРОЭ – принятие решений на основе эмоций; СР – сопереживание радости; СН – сопереживание несчастью; Э – эмпатия

Fig. 6. Sex differences in the Barchard's EI-IPIP scales in adolescents with self-defeating humor style

В отношении параметра идентификации эмоций в структуре ЭИ девушек были обнаружены значимые положительные взаимосвязи данного показателя с позитивной ($r = 0,54; p = 0,01$) и негативной ($r = 0,84; p = 0,001$) экспрессивностью. Исходя из результатов, полученных Дж. Йипом и его коллегами, можно предположить, что благодаря переживанию разнополюсных эмоций девушкам впоследствии эффективнее удастся интерпретировать эмоциональные сигналы других субъектов [10].

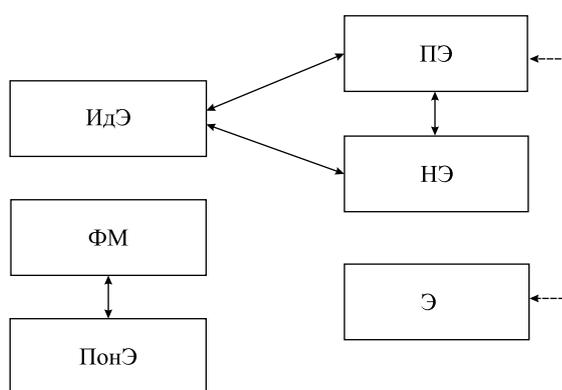

Рис. 7. Взаимосвязь параметров ЭИ у девушек с самоуничижительным стилем юмора: ИдЭ – идентификация эмоций; ПЭ – позитивная экспрессивность; НЭ – негативная экспрессивность; Э – эмпатия; ФМ – фасилитация мышления; ПонЭ – понимание эмоций

Fig. 7. Correlation between some components of emotional intelligence and self-defeating humor style of adolescent girls

Параметры позитивной и негативной экспрессивности также характеризуются положительной взаимосвязью ($r = 0,51; p = 0,02$) (рис. 7). Это можно объяснить тем, что девушкам с самоуничижительным стилем юмора присуща быстрая смена настроения. Подобный стиль в целом подразумевает сочетание амбивалентных эмоциональных линий поведения, которые зачастую служат генерированию юмора и реакции смеха [15]. Например, человек, переживающий кризисную ситуацию, может шутить ради привлечения к себе внимания со стороны других, а также для того, чтобы на время отвлечься от определенной ситуации и испытать позитивные эмоции. Впрочем, такой результат может быть следствием внутренней рассогласованности шкал опросника К. Барчард.

Кроме того, была выявлена отрицательная корреляция между позитивной экспрессивностью и эмпатией у девушек с самоуничижительным стилем юмора ($r = -0,46; p = 0,03$). Из названия и описания данного стиля юмора следует его направленность на себя [16], поэтому поведение, связанное с эмоциональным откликом на активность других людей, оказываемой помощью и участием, скорее преследует цель утвердить

собственную самооценку, нежели является реализацией эмпатического намерения.

В структуре ЭИ юношей с самоуничижительным стилем юмора была найдена значимая положительная связь между принятием решений на основе эмоций и сопереживанием радости ($r = 0,43; p = 0,05$) (рис. 8). Таким образом, чем выше склонность руководствоваться эмоциями при выборе алгоритма

действий, тем выше может быть вероятность того, что человек будет разделять радость другого, например, благодаря большей восприимчивости к выражению эмоций.

Способность идентифицировать эмоции у юношей с самоуничижительным стилем юмора отрицательно связана с негативной экспрессивностью ($r = 0,80$; $p = 0,001$), т. е. с возрастанием интенсивности и частоты негативных эмоциональных переживаний способность адекватно оценивать эмоциональное состояние других и свое собственное у юношей с рассматриваемым стилем юмора уменьшается.

В результате проведенного сравнительного анализа ЭИ юношей и девушек с агрессивным и самоуничижительными стилями юмора были выявлены следующие половые различия в его структурных и содержательных характеристиках:

1) юношам с агрессивным стилем юмора в большей, нежели девушкам, степени, свойственна позитивная экспрессивность. Они больше склонны сопереживать несчастью и лучше управляют эмоциями, благодаря чему, вероятно, и превосходят девушек с таким же стилем юмора по общему показателю ЭИ. Девушки в этой категории являются более внимательными к эмоциям и чаще демонстрируют негативную экспрессивность;

2) в структуре ЭИ юношей с агрессивным стилем юмора способность распознавать эмоции отрицательно коррелирует с негативной экспрессивностью. У девушек с тем же стилем юмора все компоненты модели Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо положительно коррелируют с негативной экспрессивностью;

3) юношам, обладающим самоуничижительным стилем юмора, хуже удается управлять эмоциями, однако они больше склонны сопереживать несчастью и радости других, выражать положительные эмоции, нежели девушки с тем же стилем юмора. Девушки в этой категории показывают более высокие результаты по параметру «негативная экспрессивность», но отстают от юношей по параметру «принятие решений на основе эмоций»;

4) в структуре ЭИ юношей с самоуничижительным стилем юмора имеется сильная отрицательная связь между способностью идентифицировать эмоции и негативной экспрессивностью. Структура ЭИ девушек с тем же стилем юмора характеризуется положительными корреляциями между способностью распознавать эмоции и как позитивной, так и негативной экспрессивностью.

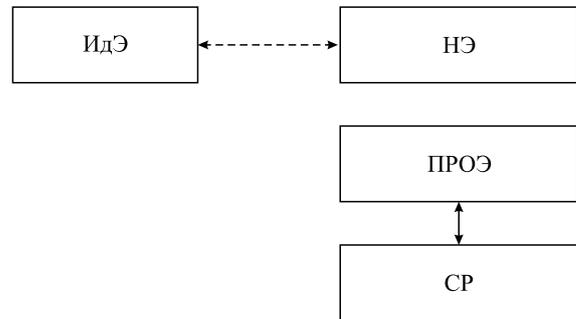

Рис. 8. Взаимосвязь параметров ЭИ у юношей с самоуничижительным стилем юмора:

ИдЭ – идентификация эмоций;
НЭ – негативная экспрессивность;
ПРОЭ – принятие решений на основе эмоций;
СР – сопереживание радости

Fig. 8. Correlation between some components of emotional intelligence and self-defeating humor style of adolescent boys

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Bar-On R., Parker J. D. A. Handbook of emotional intelligence: theory, development, assessment, and application at home, school and in the workplace. San-Francisco, 2000.
2. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк, 2011.
3. Lefcourt H. M. Humor: The Psychology of Living Buoyantly. N. Y., 2001.
4. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being / R. A. Martin [et al.] // Humor. 1993. Vol. 6, № 1. P. 89–104.
5. Long D., Graesser A. C. Wit and humor in discourse processing // Discourse Process. 1998. Vol. 11. P. 35–60.
6. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0). Руководство. М., 2010.
7. Князев Г. Г. Адаптация русскоязычной версии опросника эмоционального интеллекта К. Барчард // Психол. журн. 2012. Т. 33, № 4. С. 119–120.
8. Иванова Е. М. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина // Теорет. и эксперим. психология. 2013. Т. 6, № 2. С. 71–85.
9. Nezlek J. B., Derks P. Use of humor as a coping mechanism, psychological adjustment, and social interaction // Humor. 2001. Vol. 14. P. 395–413.
10. Yip J. A., Martin R. A. Sense of humor, emotional intelligence, and social competence // J. Res. Pers. 2006. Vol. 40. P. 1202–1208.
11. Ерзин А. И. Гендерные различия в реактивной и проактивной агрессии студентов // Психология и психотехника. 2013. № 3. С. 326–337.
12. Katz A. N., Blasko G. D., Kazmerski A. V. Saying What You Don't Mean : Social Influences on Sarcastic Language Processing // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2004. Vol. 13, № 5. P. 186–189.
13. Cecen A. R. Humor styles in predicting loneliness among Turkish university students // Soc. Behav. Pers. 2007. Vol. 35, № 6. P. 321–330.

14. Dozois D. Bieling early maladaptive schemas and adaptive/maladaptive styles of humor // *Cogn. Ther. Res.* 2009. Vol. 33. P. 585–596.
15. Falanga R. Humor Styles, Self-efficacy and Prosocial Tendencies in Middle Adolescents // *Soc. Behav. Sci.* 2013. Vol. 127. P. 214–218.
16. Matthews G., Zeidner M., Roberts R. D. Emotional intelligence: science and myth. Cambridge, 2004.

REFERENCES

1. Bar-On R., Parker J. D. A. Handbook of emotional intelligence: theory, development, assessment, and application at home, school and in the workplace. San-Francisco, 2000.
2. Andreyeva I. N. Emotsional'nyi intellekt kak fenomen sovremennoi psikhologii [Emotional Intelligence as a phenomenon of modern psychology]. Novopolotsk, 2011 (in Russ.).
3. Lefcourt H. M. Humor: The Psychology of Living Buoyantly. N. Y., 2001.
4. Martin R. A., Kuiper N. A., Olinger N. J., et al. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being. *Humor*. 1993. Vol. 6, No. 1. P. 89–104.
5. Long D., Graesser A. C. Wit and humor in discourse processing. *Discourse Process*. 1998. Vol. 11. P. 35–60.
6. Sergiyenko E. A., Vetrova I. I. Test Dzh. Meiera, P. Seloveya i D. Karuzo «Emotsional'nyi intellekt» (MSCEIT v. 2.0). Rukovodstvo [Emotional Intelligence Test (MSCEIT v. 2.0). Guidance]. Mosc., 2010 (in Russ.).
7. Knyazev G. G. Adaptation of the Russian version of the Barchard's Emotional Intelligence (EI) Scale. *Psikhol. zhurnal*. 2012. Vol. 33, No. 4. P. 119–120 (in Russ.).
8. Ivanova E. M. Russian-language adaptation of the Martin's Humor Styles Questionnaire (HSQ). *Teor. i eksp. psikhol.* 2013. Vol. 6, No. 2. P. 71–85 (in Russ.).
9. Nezlek J. B., Derks P. Use of humor as a coping mechanism, psychological adjustment, and social interaction. *Humor*. 2001. Vol. 14. P. 395–413.
10. Yip J. A., Martin R. A. Sense of humor, emotional intelligence, and social competence. *J. Res. Pers.* 2006. Vol. 40. P. 1202–1208.
11. Erzin A. I. Gender differences in the reactive and proactive aggression in students. *Psikhol. i psikhotekh.* 2013. No. 3. P. 326–337 (in Russ.).
12. Katz A. N., Blasko G. D., Kazmerski A. V. Saying What You Don't Mean : Social Influences on Sarcastic Language Processing. *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 2004. Vol. 13, No. 5. P. 186–189.
13. Cecen A. R. Humor styles in predicting loneliness among Turkish university students. *Soc. Behav. Pers.* 2007. Vol. 35, No. 6. P. 321–330.
14. Dozois D. Bieling early maladaptive schemas and adaptive/maladaptive styles of humor. *Cogn. Ther. Res.* 2009. Vol. 33. P. 585–596.
15. Falanga R. Humor Styles, Self-efficacy and Prosocial Tendencies in Middle Adolescents. *Soc. Behav. Sci.* 2013. Vol. 127. P. 214–218.
16. Matthews G., Zeidner M., Roberts R. D. Emotional intelligence: science and myth. Cambridge, 2004.

Статья поступила в редколлегию 10.05.2015.
Received by editorial board 10.05.2015.

ФЕСТИВАЛЬ ФІЛАСОФІІ PHILOSOPHY FESTIVAL

Фестываль філасофіі, які быў зладжаны ў БДУ на факультэце філасофіі і сацыяльных навук (ФФСН), з'яўляецца дастаткова амбіцыйным пачынаннем, якое павінна закласці новую традыцыю. Запланаваная праграма актыўных мерапрыемстваў ператварылася ў сапраўдны філасофскі марафон, прымеркаваны да Міжнароднага дня філасофіі і года Арыстоцеля.

На працягу 2016 г. прафесарска-выкладчыцкі склад ФФСН БДУ актыўна ўдзельнічаў у мерапрыемствах, прысвечаных гэтым святам: супрацоўнікі выступалі ў СМІ, праводзілі сустрэчы ў партнёрскіх навучальных установах і БДУ. У прыватнасці, прафесар Т. Р. Румянцава падрыхтавала шэраг матэрыялаў, накіраваных на папулярызацыю ідэй Арыстоцеля, а прафесар А. У. Рубанаў апублікаваў у часопісе «Філасофія і сацыяльныя навукі» (2016, № 3) артыкул «Социальные воззрения Аристотеля».

Асноўныя мерапрыемствы фестывалю пачаліся 17 лістапада падвоенай прэзентацыяй сёмага нумара (2016) расійскага часопіса «Философские науки» і юбілейнага выдання часопіса «Философия и социальные науки», прысвечанага 95-годдзю БДУ. Трэба адзначыць, што гэта была прэзентацыя

Злева направа: В. Ф. Гігін (дэкан факультэта філасофіі і сацыяльных навук),

П. У. Баркоўскі (дацэнт кафедры філасофіі культуры), А. А. Лягчылін (загадчык кафедры філасофіі культуры),

А. Г. Кандратовіч (загадчык бібліятэкі), Е. А. Грыневіч (выпускнік факультэта філасофіі і сацыяльных навук)

From left to right: V. F. Gigin (dean of the faculty of philosophy and social sciences), P. U. Barkouski (associate professor

at the department of philosophy of culture), A. A. Lyagchilin (head of the department of philosophy of culture),

A. G. Kandratovich (head of the library), E. A. Grynevich (graduate of the faculty of philosophy and social sciences)

вельмі спецыфічнага, «беларускага», нумара часопіса «Філасофские науки», аўтарамі якога сталі многія філосафы Беларусі, а топ-праблемай выдання – «беларускае “Я”». Выступілі галоўны рэдактар расійскага часопіса Х. Марынасян, дэкан ФФСН В. Гігін і дэпутат Палаты прадстаўнікоў доктар гістарычных навук І. Марзалюк. Адзначыўшы неабходнасць далейшага наладжвання добрасуседскіх стасункаў паміж краінамі і іх філасофскімі супольнасцямі, Х. Марынасян распавёў пра палітыку і планы часопіса «Філасофские науки», яго выдавецкую дзейнасць, прапанаваў далучыцца да адраджэння практыкі філасофскай і, шырэй, гуманітарнай асветы, якая была звычайнай у савецкі час. У канцэптуальнай частцы сваёй прамовы галоўны рэдактар у ліку найвастрэйшых пытанняў часу назваў развіццё штучнага інтэлекту і наракаў на адсутнасць дастатковай гуманітарнай ацэнкі гэтай з’явы, якая можа прывесці да сцірання не толькі ўсяго нацыянальнага, але і самога чалавецтва, што збольшага адлюстроўвае папулярны серыял «Чорнае люстэрка». З гэтага вынікае надзвычайная важнасць гуманітарнай навукі ў цэлым і філасофіі ў прыватнасці.

Ігар Марзалюк выказаў шэраг разваг пра агульны стан гуманітарных ведаў і вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь, закранаючы такія тэмы, як Кодэкс аб адукацыі (мінулы і новы), міністэрская палітыка ў галіне вышэйшай школы, праблемы сучаснага ўніверсітэта ў Беларусі і цяжкасці з яго далучэннем да балонскай сістэмы. Новы кодэкс абяцалі абмяркоўваць з прафесіяналамі, універсітэцкай супольнасцю, прафесарамі. У прысутных гэта спарадзіла адчуванне таго, што тэма вышэйшай адукацыі стала выходзіць у лік прыярытэтаў дзяржаўнай палітыкі.

У дыскусіі прынялі ўдзел доктар філасофскіх навук, прафесар, загадчык кафедры філасофіі і метадалогіі навукі А. І. Зелянкоў, доктар сацыялагічных навук, прафесар, член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, загадчык кафедры сацыялогіі А. М. Данілаў, доктар філасофскіх навук, прафесар, загадчык кафедры метадалогіі гуманітарных навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтва М. А. Мажэйка, доктар сацыялагічных навук прафесар кафедры сацыялогіі А. У. Рубанаў, доктар філасофскіх навук прафесар кафедры філасофіі культуры Т. Р. Румянцава і інш.

Пасля прэзентацыі ў памяшканні медыятэкі імя М. Цікоцкага праходзілі вельмі дынамічныя мерапрыемствы з удзелам студэнтаў. Пасля вітальнага слова дэкана В. Гігіна і загадчыка кафедры філасофіі культуры А. Лягчыліна свята філасофіі было адчынена. Дацэнт кафедры філасофіі культуры П. Баркоўскі зацікавіў прысутных 12 малавядомымі фактамі пра Арыстоцеля, прэзентуючы розныя бакі жыцця і творчасці філосафа.

Потым распачаліся два мерапрыемствы ўжо ўласна для студэнтаў – бібліятэчны квэст «Па слядах Арыстоцеля» і віктарына «Гульні розуму». Каманды студэнтаў спецыяльнасцей «Сацыяльная камунікацыя», «Сацыялогія» і «Філасофія» спаборнічалі паміж сабой у жаданні першымі скласці вядомы афарызм мысліцеля па падказках, якія яны знаходзілі ў кніжках, разблытваючы клубок пытанняў і заданняў бібліятэчнага квэсту. Вельмі энергетычнай была і віктарына «Гульні розуму» з пытаннямі пра філасофію і жыццё магістра. І хаця перамагла каманда сацыёлагаў, але ж можна было пагадзіцца з выказваннем аднаго з членаў журы пра тое, што напраўду выйграла толькі філасофія. Студэнты правільна адказвалі на простыя і складаныя пытанні, былі крэатыўнымі і працавалі на каманду. Захапляльную атмасферу таму, што адбывалася, надавала вядучая – студэнтка Т. Шаверда. За добрую арганізацыю саміх мерапрыемстваў і бібліятэчнага квэсту прысутныя мусілі дзякаваць супрацоўнікам медыятэкі і каардынатарам фестывалю.

Словам, усё прайшло вельмі натхняльна, што дазваляе спадзявацца на тое, што ў наступным годзе мерапрыемства адбудзецца зноў, на гэты раз высілкамі саміх студэнтаў, у якіх абудзілася цікавасць да мыслення і філасофіі. Асаблівай згадкі варта каманда сацыёлагаў першага курса, якая здолела разабрацца ў філасофіі Арыстоцеля нават лепей за студэнтаў-філосафаў і здабыць заслужаную перамогу ў каманднай віктарыне.

У пятніцу, 18 лістапада, на ФФСН БДУ адбыліся Арыстоцелеўскія чытанні, якія павінны стаць штогадовым мерапрыемствам, прымеркаваным да Дня філасофіі і прысвечаным асабе і творчасці таго ці іншага філосафа сусветнага ці нацыянальнага маштабу. Дэкан ФФСН В. Гігін у сваім урачыстым вітальным слове нават загадзя прапанаваў тэму чытанняў наступнага года – постаць Францыска Скарыны, 500-годдзе першадруку якога мы будзем святкаваць у 2017 г. Францыск Скарына не толькі асветнік і друкар, важная культурная асоба для Беларусі, але і цікавы сацыяльны мысліцель XVI ст., таму зварот да яго творчасці і дзейнасці можа быць насамрэч апраўданым для нас сённяшніх. Хаця, зважаючы на тое, што святкаваць мы будзем першае выданне Бібліі на беларускай мове, тэму можна было б зрабіць нават яшчэ шырэйшай, закранаючы самыя розныя кантэксты філасофскага звароту да біблейскай праблематыкі і далучаючы такіх мысліцелей, як Васіль Цяпінскі, Казімір Лышчынскі, і іншых філосафаў XVI–XVII стст.

Агульнае ўражанне ад мерапрыемства было такім, што ўсе выступоўцы – выкладчыкі філасофскіх кафедр БДУ – паставіліся да сваіх прамой дастаткова сур’ёзна, прыняўшы гэты інтэлектуальны выклік, хай сабе і перад аўдыторыяй, што складалася пераважна з калег і студэнтаў. Арыстоцель, хаця і ўніверсальны мысліцель, ідэі якога актыўна выкарыстоўваюцца ў філасофскіх роздумах і выкладчыц-

кай працы, тым не менш не настолькі папулярны ў якасці прадмета засяроджанага ўласнага разважання. Таму адысці ад сферы ўласных інтарэсаў і зрабіць яго творчасць і асобу цэнтрам рэфлексіі – шмат для каго з прамоўцаў было сапраўдным выклікам сабе.

Мерапрыемства праходзіла зусім нефармальна. Гэта былі не дзяжурныя даклады, у якіх агучваюцца ўсім вядомыя рэчы, а хутчэй прэзентацыя ўласных поглядаў на Арыстоцеля, асабістых і жывых, што трымала ўвагу прысутнай аўдыторыі. Пяць гадзін насычанай камунікацыі (і гэта пасля поўнага працоўнага дня) не былі лёгкім досведам ні для каго з удзельнікаў.

Распачала чытанні прафесар кафедры філасофіі культуры Т. Румянцава з прэзентацыяй «Арыстоцель як падзея. Аб значэнні Арыстоцеля для сусветнай гісторыі філасофіі», у якой задала досыць нечаканы ракурс стаўлення да мысліцеля як, бадай, першага гісторыка філасофіі. Прымаючы пад увагу аргументы супраць такога погляду на філосафа і параўноўваючы яго з Гегелем як гісторыкам філасофіі, прамоўца тым не менш пераканаўча давяла пра магчымасць ушанавання магістра філасофіі як аднаго з першых яе гістарыёграфіаў.

У выступленні дацэнта А. Дудчыка «Свабода і рабства: Арыстоцель і сучасная інтэрпрэтацыя» закралася не менш незвычайная тэма ў дачыненні да Арыстоцеля, а менавіта ідэя рабства, апалагетам якога філосаф калісьці быў. Непаліткарэктная на сёння тэма, як удалося паказаць выступоўцу, не знаходзіцца толькі ў архіве сусветнай культуры, а адгукаецца найноўшымі разважаннямі пра рабства і свабоду ў кантэксце сучаснай філасофскай і паліталагічнай рэфлексіі і прыводзіць нас да актуальнасці гэтых ідэй у святле абмеркаванняў «офіснага», ці «карпаратыўнага», рабства, свабоды як магчымасці кіраваць сваім жыццём, а не толькі мець права на вольнае перасоўванне ці выбар ежы і адзення.

Завяршыла першую частку чытанняў дацэнт кафедры філасофіі і метадалогіі навукі А. Баркоўская. Яе даклад «Аб нараджэнні, смерці і адраджэнні метафізікі (Арыстоцель як заснавальнік жанру)» быў прысвечаны праекту метафізікі, які калісьці заснаваў Арыстоцель. Нягледзячы на неадназначнае стаўленне да гэтай тэмы, асабліва ў сучаснай некласічнай філасофіі, якая супрацьпастаўляла ёй альбо дыялектыку, альбо іншыя, не менш амбіцыйныя праекты кшталту дэканструкцыі Дэрыда, тэма метафізікі застаецца для філасофіі важнай. І як сучасныя навукоўцы зноў пачынаюць адчуваць неабходнасць у метафізічнай рэфлексіі, асабліва ў галіне фізікі, гэтак і філосафы бачаць за метафізічным больш не адгалосак нейкай спекулятыўнасці і адарванасці ад жыцця, а прымету глыбокага і дбайнага разважання пра сутнасцае, да чаго так ці інакш цягнецца чалавечая мысленне.

У другой частцы чытанняў Арыстоцель павярнуўся іншымі гранямі свайго філасафічнага таленту. У вельмі артыстычнай прэзентацыі «Эстэтычнае адкрыццё Арыстоцеля: ад стваральніка жанру да сучасных эстэтыкаў» дацэнта кафедры філасофіі культуры І. Ляшчынскай была паказана драматычная гісторыя нараджэння першай істотнай эстэтычнай схемы – трохвугольніка Арыстоцеля, якая пазней, у часы мадэрнізму, паступова пазбаўлялася сваіх вяршынь, каб ператварыцца ўрэшце ў беспрадметнае і бессуб'ектнае мастацтва сучаснасці. Але пошукі новага мастацтва і тэндэнцыя да эстэтызацыі жыцця вядуць нас назад да канцэпцыі мімесісу Арыстоцеля як крыніцы натхнення і разумення сучасных эстэтычных форм.

Прэзентацыя «Вучэнне пра душу Арыстоцеля» В. Шубара, дацэнта кафедры філасофіі культуры, звяртала слухачоў да псіхалагічнай спадчыны Арыстоцеля, яго канцэпцыі душы. Акрамя ўжо традыцыйных інтэрпрэтацый гэтай часткі творчасці філосафа, даследчыца знайшла даволі неканвенцыйныя рэлігіознаўчыя кантэксты і акцэнтавала ўвагу на парадаксальнасці некаторых высноў мысліцеля. Таксама ў мясцовым кантэксце было цікава прыгадаць, што тры віды душы, пра якія распавядаў калісьці Арыстоцель, у беларусаў адгукаюцца ідэяй дзвюх душ, пра што пісаў Максім Гарэцкі.

Дацэнт кафедры філасофіі культуры С. Вараб'ёва прапанавала слухачам даволі нестандартную тэму «Арыстоцель: з чаго пачынаецца логіка?». Аўтар выказвала неразуменне таго факта, чаму калісьці ў арыстоцелеўскі збор твораў «Арганон» не ўвайшла кніга «Рыторыка», хаця паводле задумы яна блізкая да гэтага корпуса тэкстаў. Таксама даследчыца паказала, што для нашага мыслення няма іншага шляху разгортвання, акрамя логікі.

Завяршыла чытанні прамова старшага выкладчыка кафедры філасофіі культуры Т. Урублеўскай-Токер «Этыка Арыстоцеля і яе сучасныя інтэрпрэтацыі», у якой даследчыца паказала перыпетыі арыстоцелеўскага вучэння пра дабро і самым непасрэдным чынам выявіла актуальнасць ідэй філосафа на прыкладзе этычных праектаў А. Макінтайра і М. Нусбаум.

Усе выступленні выклікалі цікавасць і пытанні ў прысутных. Гэта дае надзею на абуджэнне прагі да філасофіі. Будзем спадзявацца, што з дапамогай фестывалю мы зрабілі практычны крок, прынамсі ў межах БДУ, па правядзенні падобных імпрэз на факультэце ў наступным годзе.

А. А. Лягчылін, П. У. Баркоўскі

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Румянцева Т. Г.</i> «Вызов разуму»: Фридрих Ницше и Лев Шестов	4
<i>Алексейчук И. С.</i> Рациональное познание: историко-философская ретроспектива	9
<i>Маслакова Е. А.</i> Проблема сознания в аналитической психологии К. Г. Юнга и философии буддизма: сравнительный анализ	16
<i>Александров В. Л.</i> Метаистория Даниила Андреева: между философией, искусством и мифом	21

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Карако П. С.</i> Природа, наука и новые типы научной рациональности в творчестве В. Гейзенберга	27
<i>Прись И. Е.</i> Эпистемология Эрнеста Созы и другие теории знания	36

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рубанов А. В.</i> Социальный порядок: традиции и современные подходы к изучению	45
<i>Яскевич Я. С.</i> Сетевая философия как предмет методологической рефлексии в контексте вызовов информационного общества	57
<i>Бернгард Е. В.</i> Брачно-семейные отношения как структурирующие социальные практики агентов	63

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Смирнова Ю. С.</i> Прототипический подход к анализу феномена предубеждений	69
<i>Толочек В. А., Белик В. В., Панов А. Ю.</i> Стили делового общения в контексте социальной микро- и мезосреды	74
<i>Гулис И. В., Борисевич М. К.</i> Соперничество/сотрудничество в служебных отношениях	84

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Кононенко О. И.</i> Факторная модель перфекционизма личности	93
---	----

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Фурманов И. А., Метлицкий И. Е.</i> Выбор жертвы как информативный признак при разработке психологического профиля серийного преступника	98
<i>Метлицкий И. Е.</i> Системно-структурный подход к развитию профессионального потенциала сотрудников правоохранительных органов	103

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Качан Е. П., Кулак А. И.</i> Особенности внутренней картины болезни у пациентов с сахарным диабетом 2-го типа в зависимости от длительности заболевания	108
--	-----

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Трухан Е. А.</i> Индивидуальность человека как предмет дифференциально-психологических исследований	115
--	-----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фофанова Г. А., Позднякова А. В.</i> Эмоциональный интеллект студентов с различной степенью вовлеченности в электронные социальные сети	120
<i>Хонский С. И.</i> Содержательные и структурные характеристики эмоционального интеллекта юношей и девушек с агрессивным и самоуничижительным стилями юмора	127

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

Фестиваль філософії	135
---------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rumyantseva T. G.</i> «Challenge to Reason»: Fridrich Nietzsche and Lev Shestov	4
<i>Alexeychuk I. S.</i> Rational cognition: historical-philosophical retrospective.....	9
<i>Maslakova K. A.</i> The problem of consciousness in C. G. Jung's analytical psychology and philosophy of Buddhism: comparative analysis.....	16
<i>Aleksandrov V. L.</i> The metahistory of Daniel Andreyev: at the intersection of philosophy, art and myth.....	21

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

<i>Karako P. S.</i> Nature, science and new types of scientific rationality in the works of W. Heisenberg.....	27
<i>Pris F.-I. E.</i> Ernest Sosa's epistemology and other theories of knowledge.....	36

SOCIAL RESEARCHES

<i>Rubanau A. V.</i> Social order: traditions and contemporary approaches to study.....	45
<i>Yaskevich Y. S.</i> Network philosophy as a subject methodological reflection in the contest call information society.....	57
<i>Bernhard A. V.</i> Marriage and family relations as a structuring social practice of agents.....	63

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Smirnova Y. S.</i> The prototypical approach to the analysis of the phenomenon of prejudices.....	69
<i>Tolochek V. A., Belik V. V., Panov A. U.</i> Styles of business communication in the context of micro and macro social environment.....	74
<i>Gulis I. V., Borisevich M. K.</i> Competition/collaboration at the workplace.....	84

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Kononenko O. I.</i> The factor model of personality perfectionism.....	93
---	----

CRIMINAL PSYCHOLOGY

<i>Fourmanov I. A., Metlickij I. E.</i> Choice of the victim as the informative sign by working out of the psychological profile of the serial sexual criminal.....	98
<i>Metlickij I. E.</i> The system-structural approach to development of professional potential of employees of law enforcement bodies.....	103

CLINICAL PSYCHOLOGY

<i>Kachan E. P., Kulak A. I.</i> The features of the internal picture of the disease in patients with diabetes mellitus type 2, depending on the duration of the disease.....	108
---	-----

DIFFERENTIAL PSYCHOLOGY

<i>Trukhan E. A.</i> Individuality as the subject of differential-psychological research.....	115
---	-----

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Fofanova G. A., Pozdnyakova A. V.</i> Emotional intelligence of students with different degrees of involvement in electronic social networks.....	120
<i>Khonski S. I.</i> Content and structural characteristics of emotional intelligence of male and female adolescents with aggressive and self-defeating humor styles.....	127

CHRONICLE, INFORMATION

Philosophy festival.....	135
--------------------------	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, Минск.

Тел. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *О. Л. Диброва*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *А. О. Цвирко*

Подписано в печать 23.01.2017.

Тираж 100 экз. Заказ 11.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Nezavisimosti ave., 4, 220030, Minsk.

Correspondence address: Kal'variiskaya str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.

Tel. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *O. L. Dibrova*
Technical editor *Y. A. Taraikovskaya*
Proofreader *A. O. Tsvirko*

Signed print 23.01.2017.

Edition 100 copies. Order number 11.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Krasnoarmeiskaya str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017